

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute for Linguistic Studies

ACTA
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES

Vol. VI, part 3

Edited by N. N. Kazansky



St. Petersburg
Nauka
2010

АСТА
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том VI, часть 3

Ответственный редактор Н. Н. Казанский



Санкт-Петербург
Наука
2010

УДК 81
ББК 81.2
А 38

Материалы Седьмой Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей. СПб.: Изд-во «Наука», 2010. — 276 с. (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. редактор Н. Н. Казанский. Т. VI. Ч. 3).
ISBN 978-5-02-025613-2

РЕДКОЛЛЕГИЯ
«ТРУДОВ ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ»:

академик РАН Н. Н. Казанский (председатель),
чл.-корр. РАН А. В. Бондарко, д. филол. наук, проф. Н. Б. Вахтин,
д. филол. наук М. Д. Воейкова, д. филол. наук Е. В. Головкин,
к. филол. наук С. Ю. Дмитренко, к. филол. наук М. Л. Кисилиер
(секретарь), д. филол. наук, проф. С. А. Мызников,
к. филол. наук А. П. Сытов, д. филол. наук, проф. В. С. Храковский

РЕДКОЛЛЕГИЯ ВЫПУСКА

Д. В. Герасимов, Н. П. Заика, В. А. Крылова, О. В. Кузнецова,
С. А. Оскольская, С. С. Сай, М. А. Холодилова

Сборник подготовлен в рамках издательской программы НОЦ ИЛИ РАН «Языковые ареалы России» (Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры» инновационной России)

Публикация сборника осуществлена за счет средств Целевой программы Президиума РАН «Поддержка молодых ученых» и Научной программы СПбНЦ РАН.

ISBN 978-5-02-025613-2 © Коллектив авторов, 2010
© ИЛИ РАН, 2010
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2010

Материалы
Седьмой Конференции по типологии и грамматике
для молодых исследователей

Часть I
Д о к л а д ы

П. М. Аркадьев
ИСл РАН, Москва

ЗАЧЕМ ЯЗЫКУ БОЛЬШЕ ОДНОГО ЭРГАТИВНОГО ПОКАЗАТЕЛЯ?

Цель данной работы¹ — привлечь внимание типологов к до сих пор практически не изученному явлению: сосуществованию в рамках одной падежной системы нескольких показателей эргатива (падежа, основная или единственная функция которого — кодирование активного участника двухместной ситуации), распределенных неморфонологически. Такие случаи в языках мира встречаются довольно редко (согласно [Palancar 2002: 262], в менее 8% языков с эргативом), однако представляются весьма ценными для понимания того, как могут быть устроены падежные системы.

По-видимому, наиболее распространены ситуации, когда разные эргативные показатели выступают в сочетании с разными лексико-семантическими классами имен. Наблюдаются следующие варианты такого распределения:

1. Местоимения vs. остальные имена:

АДЫГЕЙСКИЙ < абхазо-адыгские < северокавказские

- (1) а. *č'ale-m* *pšaše-r* *j-e-лeв^мə*
парень-ERG1 девушка-ABS 3SG-PRS-видеть
'Парень видит девушку'.

- б. *a-š'* *pšaše-r* *j-e-лeв^мə*
тот-ERG2 девушка-ABS 3SG-PRS-видеть
'Он видит девушку' (полевые материалы автора).

2. Одушевленные vs. неодушевленные:

Гугу-яланди < пама-ньюнга, Северная Австралия

- (2) а. *jina-ŋka* *kubar-aŋka* *jalbaj-ŋka* *maɬal* *bajka-ŋ*
тот-ERG1 угорь-ERG1 большой-ERG1 девушка кусать-PST
'Тот большой угорь укусил девушку'.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 09-04-00297а. Я выражаю признательность С. Фоконье за консультации.

- b. *ɲaŋa bambaɟbuŋa-ŋ kubar-da*
я:ACC заразить-PST угорь-ERG2
‘Я заболел от мяса этого угря’ [Patz 2002: 129].

3. Люди vs. не-люди:

ЦАХУРСКИЙ < лезгинские < северокавказские

- (3) a. *za-s ham-ni anna wasilewn-ē dars hiwo*
я-DAT этот-OBL А. В.-ERG1 урок дать:PFV
‘Эта Анна Васильевна меня учила’.
- b. *balkan-i-n balkan-na iš=i hā?-a*
лошадь-OBL-ERG2 лошадь-ATR работа=EVD делать-IPF
‘Лошадь лошадиную работу делала’ [Кибрик, Тестелец
(ред.) 1999: 350].

НЕЛЕМВА < океанийские < австронезийские, Новая Каледония

- (4) a. *hla odaɬa-hla a kâama-hla*
они идти.навстречу-3PL ERG1 отец-3PL
‘Их отец пошел им навстречу’ [Bril 2002: 135].
- b. *i khua-na ru mabo hleny*
он есть-1SG ERG2 оса этот
‘Меня укусила оса’ [ibid.: 136].

4. Мужской vs. женский

ДИНГИЛИ < семья вест-баркли, Северная Австралия

- (5) a. *kuŋaŋulanama ja-miki ŋaja-ŋa-nu*
на.днях 3SG-прийти видеть-1SG-PST
lala-ka ŋari-niŋa
тетка-ERG1 мой-ERG1
‘На другой день моя тетка пришла повидать меня’.
- b. *babi-ŋi ikija-ŋaŋa-nu ibilkini*
брат-ERG2 мочить-3SG>1SG-PST вода
‘Брат намочил меня’ [Pensalfini 1997: 271].

Разные показатели эргатива необязательно распределены строго лексически; «одушевленный/личный» эргатив может использоваться для персонификации животных или неживых объектов:

ЧУКОТСКИЙ < чукотско-камчатские

- (6) *ereereqeje-ne iw-nin* <...>
 паучок-ERG1 сказать-3SG>3SG
 ‘Паучок сказал <...>’ [Dunn 1999: 103] — *-ne* обычно используется лишь с терминами родства и личными именами

В языке нелемва «неличный» эргатив при названиях людей имеет пейоративные коннотации [Bril 2002: 134].

Встречаются также случаи, когда дополнительным по отношению к одушевленности/личности фактором при выборе маркера эргатива оказывается определенность (при этом «одушевленный/личный» эргатив выступает как «определенный»).

КОРЯКСКИЙ < чукотско-камчатские

- (7) a. *an'a-ta* бабушка-ERG2
 ‘(какая-то) бабушка’
 b. *an'a-na-k* бабушка-DEF-ERG1
 ‘(эта) бабушка’ [Жукова 1972: 99]

НЕЛЕМВА

- (8) a. *hla khiibo-e ru agu*
 они ударить-3SG ERG2 люди
 ‘Какие-то люди их ударили’.
 b. *hla fhe a hleena agu*
 они взять ERG1 эти люди
 ‘Эти люди унесли это’ [Bril 2002: 136].

Выбор показателя эргатива теоретически может быть обусловлен не типом именной основы, а значением какой-либо грамматической категории уровня предложения (подобно тому, как такие категории могут определять выбор эргативного или аккузативного кодирования, см. [Tsunoda 1981]). Единственный случай такого рода обнаруживается в одном из диалектов дардского языка шина, где выбор эргативного суффикса зависит от вида глагола.

ШИНА < индоиранские < индоевропейские, Пакистан

- (9) a. *judraa-s paar hod-ee nuum-i*
 змея-ERG1 там бог-GEN имя-PL
wu-aa-n-i
 ронять-IPF-PRS-3SG
 ‘Там змея произносит имена бога’ [Schmidt, Kohistani 2008: 53].

b. *dij-ó salám d-éeg-i*
 дочь-ERG2 приветствие дать-PFV-3SG
 ‘Дочь поприветствовала (его)’ [ibid.: 57].

Наконец, выбор эргативного показателя может быть обусловлен весьма тонкими семантическими и дискурсивными факторами. Например, в языке варва (Северная Австралия) эргативный показатель *-nma* используется с агенсами, участие которых в ситуации неожиданно и особенно активно [McGregor 2006: 399], а фонологически распределенные показатели *-na* и *-ma* употребляются в прагматически нейтральных контекстах.

ВАРВА < семья нюлнюл, Северная Австралия

(10) a. *ɲinka ʃurb ʃi-na-ʃina*
 этот прыгнуть сказать-PST-3SG
kɲa waŋʃi kwiina iʃi,
 этот потом большой женщина
ka-na-ŋka-ndi ʃi-na, kɲa-na wuba
 1SG-TR-FUT-достать сказать-PST этот-ERG1 маленький
 ‘Маленький <мужчина> бросился было на большую женщину, пытаюсь достать ее’.

b. *kɲa kwiina-nma iʃi maɭu laʃ ʃi-na*
 этот большой-ERG2 женщина нет бросить сказать-PST
kɲa wuba, laʃ, maɭu laʃ ʃi-na
 этот маленький бросить нет бросить сказать-PST
 ‘Но нет, большая женщина отшвырнула маленького <мужчину>’ [McGregor 2006: 402].

В языке эйпо факультативные эргативные показатели выражают значения фокуса и топика.

ЭЙПО < семья мек, Папуа-Новая Гвинея

(11) a. *na aɾye basam ob-ne*
 я ERG1 свинья бить-1SG.PST
 ‘Это я убил свинью’ [Heeschen 1998: 149].

b. *babyal birye manbolnang ob-uk*
 Б. ERG2 М. бить-3SG.PST
 ‘Бабьял ударил Манболнанга’ [ibid.: 171].

Системы с несколькими эргативными маркерами обычно возникают при вовлечении в систему кодирования агенса различных показателей семантических падежей или иных не чисто синтаксических значений. Так, в чукотско-камчатских языках «неодушевленный» эргатив совмещен с инструментальным падежом, а «одушевленный» — с локативом. В языке маритиел (Северная Австралия) агент может быть маркирован, в зависимости от довольно тонких факторов [Green 1989: 49–53], инструменталисом, аблативом или перлативом. В эйпо «фокусный эргатив» *arue* совпадает с причинным послелогом. В языках, где эргативная конструкция находится на ранней стадии грамматикализации, за роль будущего полноценного эргативного падежа нередко конкурируют несколько показателей, и такие ситуации потенциально ведут к системам с несколькими маркерами эргатива. Редкость таких систем, видимо, объясняется тенденцией к унификации парадигм и устранению грамматической синонимии.

Список условных сокращений

ABS — абсолютив; ACC — аккузатив; ATR — атрибутив; DAT — датив; DEF — определенность; ERG — эргатив; EVD — эвиденциальность; FUT — будущее время; GEN — генитив; IPF — имперфектив; OBL — косвенная основа/форма; PFV — перфектив; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число; TR — переходность.

Литература

- Жукова А. Н. Грамматика корякского языка. Фонетика. Морфология. Л., 1972.
- Кибрик А. Е., Тестелец Я. Г. (ред.) Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М., 1999.
- Bril I. Le nêlêmwa (Nouvelle-Calédonie). Analyse syntaxique et sémantique. Leuven, 2002.
- Dunn M. J. A Grammar of Chukchi. PhD Thesis, Australian National University, 1999.
- Green I. Marrithiyel: A Language of the Daly River Region of Australia's Northern Territory. PhD Thesis, Australian National University, 1989.
- Heeschen V. An Ethnographic Grammar of the Eipo language. Berlin, 1998.

- McGregor W.* Focal and optional ergative marking in Warrwa (Kimberley, Western Australia) // *Lingua* 116 (4), 2006.
- Palancar E.* The Origin of Agent Markers. Berlin, 2002.
- Patz E.* A Grammar of the Kuku Yalanji Language of North Queensland. Canberra, 2002.
- Pensalfini R. J.* Jingulu Grammar, Dictionary and Texts. PhD Thesis, MIT, 1997.
- Schmidt R. L., Kohistani R.* A Grammar of the Shina Language of Indus Kohistan. Wiesbaden, 2008.
- Tsunoda T.* Split case-marking patterns in verb-types and tense/aspect/mood // *Linguistics* 19 (5/6), 1981.

О. Л. Бирюк, М. Н. Усачева

МГУ, Москва

**КОНКУРЕНЦИЯ В ЗОНЕ ПРОЛАТИВА
В ЯЗЫКЕ БЕСЕРМЯН: МОРФОСИНТАКСИЧЕСКИЕ
И ДИСКУРСИВНЫЕ АСПЕКТЫ**

Язык бесермян¹, рассматриваемый большинством его исследователей как диалект удмуртского языка [Тепляшина 1970: 242; Кельмаков 1998: 43], имеет, как и удмуртский язык, специализированный показатель пролатива *-ti*. Этот падеж имеет все три базовых [Ганенков 2002: 39–42] значения пролативной зоны — МАРШРУТ (пример (1)), СЦЕНА (2) и ПРОХОД (3). Однако значение ПРОХОД может также выражаться послелогом *pər* ‘через, сквозь’ в форме как номинатива, так и пролатива:

- (1) *tak tare babuř bakč'a-jeř'tə-z pot-i-z*
так теперь бабушка огород-EL-3 выйти-PST1-3
kabəsta pəl-əř i magaž'in-lan' ulč'a-ti
капуста внутренность-EL и магазин-ALL улица-PROL
lokt-e
вернуться-3SG:PRS
‘Так, теперь бабушка из огорода вышла из капусты и к магазину по улице возвращается’.
- (2) *č'ařja-ti mən-e gurt-a-z*
лес-PROL идти-3SG:PRS деревня-LOC/ILL-3
bert-e saldat arm'i-jəř'
возвращаться-3SG:PRS солдат армия-EL
‘По лесу идет, в свою деревню возвращается солдат из армии’.

¹ Сбор данных по языку бесермян осуществляется при поддержке гранта РФФИ № 10-06-00550-а. Все примеры, приводимые ниже, получены в ходе полевой работы в д. Шамардан Юкаменского района респ. Удмуртия в 2003-2005, 2009-2010 гг. Все примеры, кроме (3) и (5), взяты из текстов. Примеры (3) и (5) получены анкетным методом.

- (3) *so pot-i-z es-ti / es pār / es pār-ti*
тот выйти-PROL-3 дверь-PROL дверь сквозь дверь сквозь-PROL
'Он вышел через дверь'.

Значение ОБОЧИНА, примыкающее к центру зоны пролатива [Ганенков 2002: 40], в языке бесермян выражается композиционно — как сочетание локализации APUD (основа послелого *dor* 'около') и значения СЦЕНА (показатель пролатива *-ti*):

- (4) *ž'eg... ž'eg dor-ti-a mən-e?*
рожь рожь около-PROL-Q идти-3SG:PRS
'Мимо ржи идет?'

В крайне редких случаях в значении ОБОЧИНА используется литературный удмуртский послелог *kuž'a* 'вдоль'.

В области непространственных значений послелог *pār* 'через, сквозь' и пролатив демонстрируют дополнительное распределение *-pār* выражает значение ПОСРЕДНИКА (5), а пролатив оформляет ТОЧКУ ПРИЛОЖЕНИЯ при глаголах типа 'держаться за X' (6):

- (5) *mənam kn'iga-m-e š'ot-i-z-ə jultoš-e pār/*
я.GEN1 книга-1-ACC дать-PROL-3-PL3 друг-1 сквозь
pār-ti
сквозь-PROL
'Мою книгу мне передали через моего друга'.

- (6) *mh pič'i pi-z-e vož'e ki-ti-z*
гм маленький мальчик-3-ACC держать-3SG:PRS рука-PROL-3
'Гм, маленького мальчика держит за руку'.

Кроме того, пролатив является чрезвычайно мощным средством выражения значения, близкого к дистрибутивному:

- (7) *a malə roman'-n'os pal-ən evəl roman uk*
а почему Роман-PL1 сторона-LOC не Роман EMPH
ot' aslam pal-ti?
там.PROL REFL.GEN1.1 сторона-PROL
'А почему не на стороне Романовых [похоронили], ведь Романовы там возле нас [похоронены]?'

В настоящих тезисах предпринимается попытка взглянуть на синонимию конструкций с *pār*, *pār-ti* и пролативом с точки зрения общего устройства системы пространственных отношений

в языке бесермян и выявить их различия на уровне дискурса, а затем предложить морфосинтаксическое описание.

Начнем со структурного аспекта. Проблема «тройной» синонимии внутри бесермянской зоны пролатива имеет две стороны — соотношение *pər* и *pərti* и соотношение *pər* и пролатива. Рассмотрим каждую из них.

1. *pər* и *pərti*. Нам не удалось найти ни одного контекста, в котором *pər* нельзя было бы заменить на *pərti* и наоборот. В связи с этим мы заключаем, что в данном случае имеет место утрата маркирования локативным падежом вследствие частого употребления. Подобное явление отмечено также в связи с послелогом *kotər* ‘вокруг’ — вместо локативной его формы *kotəran* чаще употребляется чистая основа. Кроме того, в текстах на языке бесермян иногда встречаются высказывания, характеризующиеся отсутствием маркирования имени локативными падежами:

- (8) *pəra-nə lež'-e korkaaž'*
 войти-INF разрешить-3SG:PRS сени
 ‘Войти разрешает в сени’.

Гораздо более частотно в таких случаях употребление показателя иллатива, как в (9):

- (9) *koktet'i no korkaaž'-a-z vi-i-z n'i*
 второй и сени-LOC/ILL-3 прийти-PST1-3 уже
 ‘И во вторые сени пришла уже’.

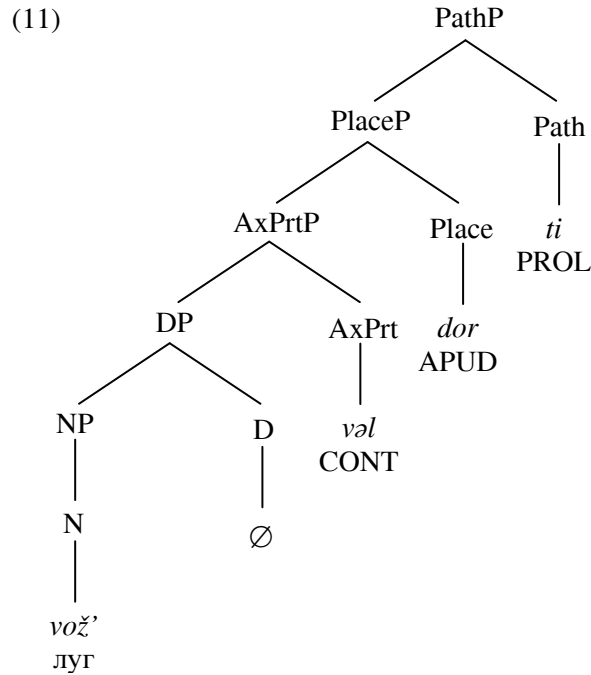
Таким образом, формы *pər* и *pərti* — синонимы, возникшие в ходе процесса утраты локативного маркирования в тех контекстах, где оно избыточно.

2. *pər* и пролатив. *pər*, основная (и, видимо, первичная) функция которого — указание на семантический класс ‘сплошная среда’, — употребляется в тех случаях, когда имеет место сильное дискурсивное выделение зависимого от него имени. Такое же поведение демонстрируют послелог с основами *pəl* ‘однородная среда’ и *puš* ‘полость’:

- (10) *bolot korka, so korka pušk-ə pər-i-z*
 болото дом.ILL тот дом внутри.OBL-ILL войти-PST1-3
 ‘В болотный дом, в этот дом он зашел’.

Дискурсивные факторы в языке бесермян значимы не только для выбора между употреблением падежной формы имени или послелога при выражении пространственных отношений, но и для наличия/отсутствия суффиксов генитива [Леонтьев 2005] и числа [Шматова 2010].

Перейдем к морфосинтаксическому аспекту. Формализм, удобный для представления бесермянской локативной группы в целом, был предложен в работе [Ashbury 2008] для венгерского языка. Принятие такой структуры локативной группы позволяет предсказать наличие необычных структур, изредка появляющихся в текстах — таких, как в (11):



Возможное объяснение наличия конкуренции между пролативом, *pər* и *pərti* состоит в следующем. Пролатив (как большинство локативных падежей в языке бесермян) исходно реализует проекцию Path, а *pər* (как большинство серийных послелогов) — проекцию Place. В результате утраты показателя пролатива *pər* «переходит» в проекцию Place.

Дистрибутивное значение пролатива (7) также можно трактовать как результат того, что пролатив начинает реализовывать проекцию Р_{АСЕ}, выражая значение ‘совокупность частей объекта’.

Значение ТОЧКИ ПРИЛОЖЕНИЯ (6) можно вывести из дистрибутивного значения, предположив, что произошел семантический переход ‘совокупность частей объекта’ → ‘часть объекта’.

Подводя итог, заметим, что язык бесермян предоставляет пример синонимии трех грамматических средств на семантическом уровне, объяснить возможность которой чрезвычайно сложно без обращения к морфосинтаксическому и дискурсивному уровням, а также без учета всей системы рассматриваемого диалекта.

Список условных сокращений

ACC — аккузатив; ALL — аллатив; EL — элатив; EMPH — эмфаза; GEN — генитив; ILL — иллатив; INF — инфинитив; LOC — локатив; OBL — косвенная основа/форма; PL — множественное число; PROL — пролатив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; Q — вопрос; REFL — возвратное местоимение; SG — единственное число.

Литература

- Ганенков Д. С.* Типология падежных значений: семантическая зона пролатива // Исследования по теории грамматики. Вып. 2. Грамматикализация пространственных значений. М., 2002.
- Кельмаков В. К.* Краткий курс удмуртской диалектологии. Ижевск, 1998
- Леонтьев А. П.* Именная группа в бесермянском языке/диалекте. Экспедиционный отчет. М., 2005.
- Тепляшина Т. А.* Язык бесермян. М., 1970.
- Шматова М. С.* Особенности употребления показателя множественного числа существительных в пермских языках. Дипломная работа. М., 2010.
- Ashbury A.* The Morphosyntax of Case and Adpositions. PhD Thesis, Utrecht, 2008.

Л. М. Боряева

СПбГУ, Санкт-Петербург

**СПОСОБЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПРОСТОГО
ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА
(к вопросу о формировании валентной структуры
глагольных предикатов)**

В докладе рассматривается формирование валентностей глагольного предиката как основы конструктивной цельности простого предложения. На историческом материале (летописи, берестяные грамоты) прослеживается переход от древней паратактичности к современной «собранности» высказывания, отличительной особенностью которой является заданность в глагольном предикате синтаксической модели предложения.

С помощью метафоры В. Г. Адмони можно определить основной вектор эволюции индоевропейского, в частности славянского, предложения как переход от модели ПРЕДЛОЖЕНИЕ-ВЕЕР к модели ПРЕДЛОЖЕНИЕ-ЛИНИЯ [Адмони 1960: 29]. «Веерная» модель характеризуется тем, что наблюдается параллелизм форм, выражающих понятия, логически непараллельные (*спроси о нем о здоровье*), тогда как «линейная» модель предполагает цепочку зависимостей (*спроси о его здоровье*). «Веерная» модель, в отличие от «линейной», включает в себя многосторонние, в частности тройные (*спроси — о нем, спроси — о здоровье, о нем — о здоровье*) связи, образующие треугольник зависимостей.

В сочетаниях, построенных по «веерной» модели, между распространяющими членами, зависимыми от общего главного слова, устанавливаются дополнительные смысловые отношения логического подчинения. В синтаксической литературе такие случаи принято трактовать как паратактические словосочетания, составляющие в памятниках XIV–XVII вв. самостоятельную, целостную синтаксическую категорию, которая обслуживает основные функционально-семантические сферы простого предложения: *отъ техъ хлѣбовъ отъ печенья дано <...> восемь алтынъ* (значение объекта действия: 'печенье хлебов'), *велимъ отъ Датцкого короля людей*

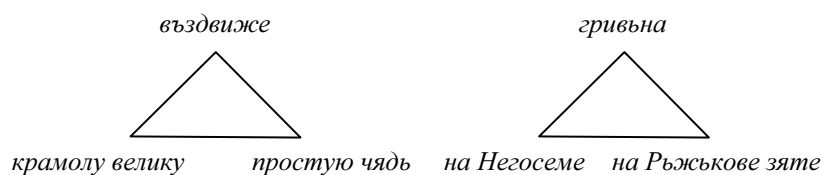
отъ приходу (значение субъекта действия ‘приход людей’), *взято* ⟨...⟩ *за сѣно за копну по алтыну* (значение меры вещества, количества предметов: ‘копна сена’), *переходит он ко терему, злату верху* (атрибутивное значение ‘терем с золотым верхом’) [Савельева 1963].

Ни на каком этапе эволюции славянского предложения, очевидно, невозможно говорить ни о полной, сплошной, подлинной его паратактичности, ни абсолютной гипотактичности: «чистой» веерной или линейной модели в языке не существует. Ни одна из моделей не свидетельствует об архаичности мышления (ср. современное немецкое *zwei Fädchen geronnenes Blut* ‘две полоски свернувшейся крови’, где два именительных/винительных падежа находятся в отношениях семантического подчинения, тем не менее не используется родительный падеж от слова *Blut* ‘кровь’ как маркер «цепочечной зависимости» [Адмони 1960: 28]).

Рассмотрим последовательно семантические и синтаксические отношения слов в «веерной» и «линейной» моделях. Зависимости слов будем изображать схематично.

Особенностью словосочетаний, построенных по «веерной» модели, является то, что синтаксические зависимости внутри них несводимы к традиционной модели дерева зависимостей. Для второстепенных членов характерно наличие многосторонних, в частности двойных синтаксических связей:

- (1) *Тогда же окаанныи дияволь* ⟨...⟩ *въздвиге на Арсения, мужа кротка и смерена, **крамолу велику, простую чядь*** (НЛ, СС, 1228, 106). — Тогда же окаанный дьявол ⟨...⟩ сподвиг простой люд на мятеж против Арсения, мужа кроткого и смиренного.
- (2) *На Негосеме на Ръжькове зяте гривьна* (НБГ № 789).



Исторический материал не позволяет трактовать эти примеры как *расщепление валентностей* (см. об этом явлении: [Апресян 1974: 153–155]). Так, в первом примере каузативный предид-

кат имеет не один, а два семантических актанта, следовательно, две синтаксические зависимости не являются примером «расщепления валентности». Во втором примере каждый из второстепенных членов выражает не «часть синтаксического значения», а полностью само значение, что опять же свидетельствует об отсутствии «расщепления валентности», об иной синтаксической природе рассматриваемого явления.

- (3) ...избиша я **ладожане 400** и не пустиша ни мужа (НЛ, СС, 1142, 22 об.)



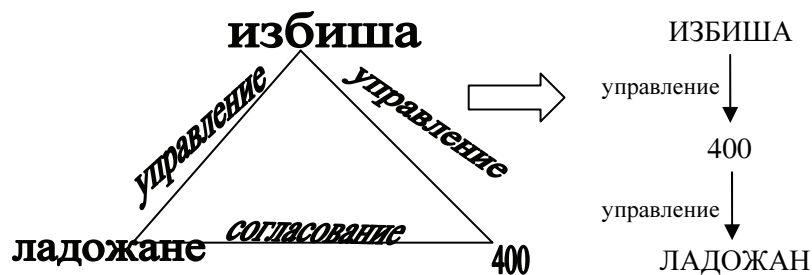
В рассматриваемом предложении при глагольном предикате *избиша* мы имеем два винительных падежа: *избиша кого?* — *ладожане* и *400*. Таким образом, *ладожане* ставится не в родительный падеж: *избиша* — *400* — *ладожан*, что дало бы цепочку зависимостей, а так же, как и числительное, оказывается стоящим в винительном падеже.

С одной стороны, семантические отношения в таком сочетании мы можем характеризовать как отношения объектные (глагольный предикат обозначает действие, распространяющееся на объект), с другой — как отношения количественной характеристики предмета.

На наш взгляд, такие сочетания нельзя трактовать исключительно как паратактические. Элемент гипотаксиса здесь проявляется в семантике винительного падежа. Существительное *ладожане* употреблено именно в форме винительного падежа, т. к. объект действия *избиша* — *ладожане*. Иными словами, существительное *ладожане* не может стоять ни в каком ином падеже, кроме винительного, т. к. значение отдельной падежной формы оказывается более весомым, чем выстраивание цепочки синтаксических зависимостей. Валентная структура глагольного предиката находится лишь в процессе формирования, слово *ладожане*

стоит в винительном падеже не потому, что глагол в полном смысле слова *управляет* словоформой, а потому, что прямой объект действия в обычных, нормальных условиях должен стоять в винительном падеже. Таким образом, синтаксические отношения в «веерной» модели связаны с семантическими валентностями слова (в том числе и пассивными), приближены к семантическим отношениям: *ладожане* — это объект действия и предмет количественной характеристики (*400 — ладожане*). В построении предложения говорящий исходит из семантических валентностей слов, а не из синтаксических валентностей глагола — синтаксические валентности предиката стоят дальше, ниже, за семантикой грамматической формы. При выстраивании же цепочки зависимостей должно произойти синтаксическое переосмысление всей конструкции.

Я. А. Спринчак указывает на то, что «в синтаксическом строе русского языка нового периода увеличивается удельный вес управления, которое в ряде случаев заменяет собой древнее согласование» [Спринчак 1960: 238]. Однако рассматриваемые примеры, думается, свидетельствуют не о замене согласования управлением в цепочке зависимостей, а о позднейшем развертывании «клубка зависимостей» в цепочку:



В предложении: *Тои же зимѣ приде Изяслав Новугороду, сынъ Мьстиславль, ис Кыева, иде на Гюргя Ростову съ новгородьци, и мьного воеваша людье Гюргево* (НЛ, СС, 1148, 25 об.) вместо цепочки зависимостей (*завоевать много людей*) представлено подчинение двух слов одному главному (*много воевать людие*). Несмотря на то, что в контексте глагол получает значение результативности: ‘и много гюргиевых людей подчинили себе новгородцы’, мы имеем как объект действия (*людие*), так и обстоятельство меры (*много*), зависимое непосредственно от глагола

с результативной семантикой. Именно двойные зависимости лексем *много* позволяют преодолеть семантическое противоречие между глаголом со значением результативности и зависимым от него обстоятельством меры. Очевидно, при позднейшем формировании видовой противопоставленности глагольных предикатов и становлении вербоцентрической модели предложения, такой тип сочетаний оказался невозможным, что и привело к синтаксическому переосмыслению сочетаний слов с объектным и количественным значениями — в современном языке мы имеем цепочку зависимостей: *завоевать много людей/многих людей*.

Возвращаясь к примеру, приведенному в начале доклада (*спроси о нем о здоровье*), обратим внимание на то, что повтор предлога, в дополнении к его многочисленным синтаксическим функциям в предложении, также является еще одним показателем множественности синтаксических зависимостей второстепенного члена. При этом в ряде случаев мы имеем «аномальное» управление. Так, в словосочетании *граничить с Ивановым селом с Хороброго* аномальное употребление предлога *с* с родительным падежом мотивировано двойными связями лексемы *Хороброго*:



При переходе от «веерной» модели к «линейной» осуществляется замена множественных синтаксических связей однонаправленными, выстраивается цепочка зависимостей: *граничить* → *с селом* → *Ивана Хороброго*.

Изменение границ между «веерной» и «линейной» моделями распространения простого предложения — это, как свидетельствует анализ примеров, прежде всего, изменение границ между синтаксическими и семантическими валентностями слов. Эволюция простого предложения (минимальной единицы смысла и минимальной единицы коммуникации) — движение от одного типа цельности к другому, взаимодействие и сочетание этих типов.

Литература

- Адмони В. Г.* Развитие структуры простого предложения в индоевропейских языках // Вопросы языкознания. 1960. №1.
- Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974.
- Савельева Л. В.* Паратаксические субстантивные словосочетания в древнерусском языке XIV–XVII вв. АҚД. Л., 1963.
- Спринчак А. Я.* Очерк русского исторического синтаксиса (Простое предложение). Киев, 1960.

Е. Л. Вилинбахова

СПбГУ, Санкт-Петербург

**К ВОПРОСУ О ТАВТОЛОГИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ
ВИДА *КОШАЧЬЯ КОШКА* В ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКАХ
(на материале русского языка)**

Повторы различного рода уже давно привлекают внимание исследователей. В последнее время использование языка интернета позволило заметить новые явления в данной области, см., например, [Гилярова 2010] о конструкции вида *такая девочка-девочка*.

В настоящем докладе рассматривается тавтологическая конструкция вида *х-овый х* на материале русских интернет-источников.

- (1) *Всех-всех, кто грызёт гранит науки, поздравляю! Давайте, наши студенты. Покажите, кто самый студенческий студент в мире!*
- (2) *Хочется верить, что мама, которая пережила с бэбиком чуть более 2 лет уже вполне себе мамская мама!*
- (3) *А я терпеть не могу по магазинам ходить! Я не девчачья девочка какая-то!*

С одной стороны, данная конструкция напоминает фразеологизмы *диво дивное*, *горе горькое* и т. п., в которых, «может быть изменен порядок компонентов, ср. *диво дивное* и *дивное диво*» [Крючкова 2004: 66]. Б. С. Шварцкопф рассматривает их как разновидность фразеологизированных синтаксических конструкций, когда «закрепленной фразеологической конструкции соответствуют нормативно закрепленные за ней лексемы» [Шварцкопф 1987: 49]. Согласно классификации О. Ю. Крючковой, такие фразеологизмы занимают промежуточное положение между редупликацией и лексическим повтором; «вместе с тем, конструкции типа *диво-дивное*, *криком кричать*, будучи действительно основанными на удвоении, есть результат диахронного развития языковой системы» [Крючкова 2000: 10]. Крючкова отмечает, что для данных конструкций характерно

значение интенсивности: *криком кричать* ‘сильно кричать’, *горе горькое* ‘сильное горе’. Наиболее известный фразеологизм, построенный по данной модели, *масло масляное*, утратил первоначальное значение и сейчас может трактоваться по-разному, а именно: а) ‘то же, что тавтология’; б) ‘о чем-либо самоочевидном’; в) ‘достаток, счастливая жизнь’ [<http://ru.wiktionary.org>]. Однако рассматриваемая нами конструкция имеет ряд важных отличий: неограниченный список лексем, используемых в данной конструкции, (возможны имена собственные: см. 4); сочетаемость с модификаторами, выражающими степень качества, *очень, вполне, достаточно* и с отрицательной частицей *не* (см. (2), (3), (5)), с усилителями *такой, совсем, прям*, как и конструкция *такой x-x* (см. (6)); возможность употребления прилагательных в сравнительной и превосходной степени (см. (7)).

- (4) *Знаем мы эти дворики, хаживали добрую тысячу раз! :) Вот это и есть самый настоящий, самый питерский Питер...*
- (5) *Какие там мозги, какое — заряжай — три ореха на весь батончик и какой-то не вполне шоколадный шоколад. Мораль: Натс — невкусный!*
- (6) *ЗЫ А у меня никак не получается сделать себе такой цвет, как у Марги "дано" :(Такой прям шоколадный шоколад.*
- (7) *Самый президентский президент! Президентней не бывает!*

С другой стороны, можно найти конструкции вида *x-овый x* в английском языке: *girlie girl* букв. ‘девчачья девочка’, *manly man* букв. ‘мужской мужчина’, *the most deserted desert* букв. ‘самая пустынная пустыня’, *juicy juice* букв. ‘сочный сок’.

Представляется, что данная конструкция в русском языке имеет ряд любопытных особенностей как формального, так и содержательного характера.

Говоря о формальных свойствах, можно заметить, что конструкция *x-овый x* включает определяемое слово (существительное) и определение (образованное от главного слова качественное прилагательное), причем выбор словообразовательной модели определения имеет несколько вариантов развития в зависимости от наличия или отсутствия подходящего прилагательного в словаре

данного языка. В немногочисленных случаях, когда требуемого по форме и содержанию прилагательного не находится, образуются окказионализмы, см. (2), однако более интересна ситуация, когда прилагательное существует. В таком случае говорящий может либо использовать готовое прилагательное в «качественном» значении, либо проигнорировать его и прибегнуть к образованию окказионализма, преимущественно с суффиксом *-ист-*, ср. (8) и (9).

- (8) *Рекламные сообщения типа «моя колбаса — самая колбасная колбаса в мире» канули в лету.*
- (9) *Почему-то все россияне, живущие в России, уверены, что именно у них самые лекарственные лекарства, самый шоколадный шоколад, самая колбасистая колбаса и самые молочные молочные изделия.*

По результатам данных поисковых систем предпочтение отдается все же нормативно закрепленным прилагательным: *колбасная к.* более частотна, чем *колбасистая к.*; это справедливо также для дублетов *шоколадный vs. шоколадистый шоколад*, *городской vs. городистый город*, *иностраннный vs. иностранистый иностранец* и т. д. Тем не менее, можно утверждать, что при выборе между окказионализмами с суффиксом *-ист-* либо с другими суффиксами, предпочтение отдается первым (*президентистый vs. президентный президент*, *мамистая vs. мамская мама* и др.), если этому не мешают фонологические особенности производящей основы.

Рассуждая о семантике конструкции *х-овый х*, обратимся сперва к одному из значений прилагательных с суффиксом *-ист-*: «имеющий свойства того, что названо мотивирующим словом» [Русская грамматика 1980: §642]. Таким образом, *президентистый президент* — ‘президент, имеющий свойства президента’, *шоколадистый шоколад* — ‘шоколад, имеющий свойства шоколада’. Поскольку прилагательные, образованные по другим моделям, выступают в рамках данной конструкции как синонимичные прилагательным с суффиксом *-ист-*, то можно дать первоначальное толкование конструкции *х-овый х* как ‘х, обладающий свойствами х-а’. Очевидно, что буквальное понимание тавтологической конструкции не слишком информативно и речь идет об апелляции к некоторой норме, т. е. ‘референт х обладает свойствами нормального представителя класса х’. Как известно, норма может быть

дескриптивной (нормальный = обычный, типичный x) и пре-скриптивной (нормальный = образцовый, эталонный x), и как представляется, при употреблении конструкции *x-овый x* говорящий апеллирует именно к последней. Аргументом в пользу данной гипотезы может служить частое использование конструкции в рекламе (см. (8), (10), (11)), а также известный анекдот про «наши поезда».

(10) *Самый шоколадный шоколад «Бабаевский».*

(11) *Самые компьютерные компьютеры.*

Заметим, что уже упомянутый английский пример *Juicy Juice* ‘сочный сок’ — это американский бренд соков, который имеет слоган «Самый лучший сок для самых лучших детей».

Если в рекламе производители подчеркивают наибольшую степень соответствия своих товаров эталону, то в других текстах возможны указания на высокую, среднюю и низкую степень соответствия (см. примеры (2), (3), (5), (12)), а также сопоставление референтов по их близости к эталону (13).

(12) *Очередная программа будет у них под названием «Отец — иностранец»! Думали меня позвать... но решили, что наш отец недостаточно иностранный иностранец! Вот.*

(13) *Угу, а колбаса в других странах колбасистей.*

При анализе употребления конструкции *x-овый x* можно отметить сходство с конструкцией *такой x-x*; таким образом, некоторые значения, описанные в [Гилярова 2010], применимы и к рассматриваемой конструкции.

В заключение добавим, что мы рассматривали конструкцию *x-овый x* в языке интернета, однако она встречается и в литературе, и возможно, в будущем получит более широкое распространение.

(14) *... я уже не говорю о гимназистках, дачницах или мадам Персефоне, которая из всех кошек самая что ни на есть кошачья кошка и ни один кот устоять против нее не может.* (А. и Б. Стругацкие. Второе нашествие марсиан)

(15) *Шляпная шляпа* (название сборника стихов Василисы Маркиной).

Литература

- Гилярова К. А.* Такая девочка-девочка. Семантика редупликации существительных в русской разговорной речи и языке интернета // Материалы международной конференции «Диалог 2010». <http://www.dialog-21.ru/dialog2010materials/pdf/15.pdf>.
- Крючкова О. Ю.* Редупликация как явление русского словообразования. Саратов, 2000.
- Крючкова О. Ю.* Вопросы лингвистической трактовки лексической редупликации в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2004. № 2 (8).
- Русская грамматика. Т. I–II. М., 1980.
- Шварцкопф Б. С.* О характере фразеологической деривации // Деривация и история языка. Межвуз. сб. науч. трудов. Пермь, 1987.

А. П. Выдрин

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

КОНТРАФАКТИВ В ИРАНСКИХ ЯЗЫКАХ¹

1. Введение

Под контрафактивом понимается специальный показатель, сфера употребления которого связана, прежде всего, с выражением значения противоречия реальному положению дел. Типичным примером значения противоречия реальному положению дел являются условные конструкции с ирреальным условием. Например:

- (1) *agar tabar-râ az dast-aš na-geferte₁ bud₂-and*
если топор-OBL PREP рука-3SG.ENCL NEG-брат. PLUPERF_{1,2}-3PL
hame-ye mâ-râ tekke pâre karde₁ bud₂-and
весь-EZF мы-OBL кусок кусок делать. PLUPERF_{1,2}-3PL
'Если бы у него не отобрали топор, то он изрубил бы нас на кусочки' [Рубинчик 2001: 541].

В приведенном примере реальное положение было следующее: у кого-то отобрали топор, и ему не удалось изрубить нас на кусочки. Контрафактическое значение предложения: у него не отобрали топор, и он изрубил нас на кусочки.

В типологической литературе высказывается мнение, что «специализированные показатели контрафактивности (в любой разновидности) для языков мира нетипичны; как правило, в этой функции используются полисемичные глагольные показатели с иными исходными значениями (в частности русское сослагательное наклонение имеет еще как минимум значение возможности, желания и ряд других)» [Плунгян 2004: 278].

Считается, что в подавляющем большинстве языков контрафактическое значение выражается языковыми средствами, сфера употребления которых связана с выражением значения возможности/вероятности или отнесенности ситуации к прошлому

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 09-04-00168а.

[Lazard 1998, 2006; Van linden, Verstraete 2008]. В упомянутых выше работах, посвященных типологическому изучению контрафактива, приводится лишь один десяток примеров языков со специализированным контрафактическим показателем. В связи с этим заслуживает внимание материал иранских языков, в ряде которых обнаруживаются специализированные или близкие к специализированным контрафактические наклонения.

Ниже будут рассмотрены основные стратегии выражения контрафактического значения в иранских языках, затем будут даны примеры иранских языков со специализированным или близким к специализированному контрафактическим наклонением. Будет предложено объяснение появления контрафактического наклонения в некоторых иранских языках. В конце статьи ставится под сомнение тезис о типологической редкости языков со специализированным контрафактическим показателем.

2. Основные стратегии выражения контрафактива в иранских языках

В большинстве иранских языков для передачи контрафактических значений используются грамматические средства, основное употребление которых связано с выражением аспектуальных или таксисных значений, а именно, с выражением прошедшего хабитуального или плюсквамперфекта. Глагольные формы, основное употребление которых связано с выражением прошедшего хабитуального, могут использоваться для передачи контрафактических значений как в восточноиранских (например, в ягнобском [Хромов 1972], пушту [Грюнберг 1987: 158–159]), так и в западноиранских (например, в персидском [Панова 2004], талышском [Миллер 1953: 152]) языках. Ниже приводится пример из ягнобского языка.

- (2) *agár divári anžimišt aláks,*
 если наружу выходить.PST.HAB.1SG гулять.PST.HAB
γarm₁ avīrimišt₂
 согреться_{1,2}.PST.HAB.1SG
 ‘Если бы я вышел наружу и погулял, я бы согрелся’
 [Хромов 1972: 32].

Показатели, основное употребление которых связано с выражением плюсквамперфекта, используются для передачи контра-

фактичности в западноиранских языках (например, в персидском (1) [Панова 2004], татском [Грюнберг 1963: 89]), а также в некоторых памирских языках (например, в шугнано-рушанских языках [Эдельман 1987: 328]).

3. Иранские языки со специализированным контрафактическим наклонением

Некоторые иранские языки обладают специальным наклонением, основной функцией которого является выражение контрафактичности. Яркими примерами таких языков являются осетинский (северовосточноиранский), пушту (юговосточноиранский), татский (югозападноиранский) и талышский (северозападноиранский).

3.1. Осетинский язык

В осетинском языке существует специальное контрафактическое наклонение, которое употребляется как в сложных предложениях, так и независимо. В сложных предложениях контрафактив употребляется в условных конструкциях с контрафактическим условием, в негенерализованных условно-уступительных предложениях с контрафактическим условием/уступкой в прошлом, в генерализованных уступительных предложениях в прошлом, в придаточных целевых, относящихся к плану прошлого (при условии, что цель не была достигнута). Контрафактив обязательно употребляется после модальной частицы *хъуамæ* 'должен' в ситуации прошедшего (ситуация при этом может быть как фактичной, так и контрафактичной). Употребляясь независимо, это наклонение передает контрафактическое желание, гипотетическую внутреннюю и внешнюю возможность в ситуации прошлого и эпистемическое предположение о ситуации в прошлом.

- (3) *Куы да фе-д-т-аид²,*
 если 2SG.ENCL.GEN PREF-видеть.PST-TR-CNTRF.3SG
уад-дар дын ницы загъ-т-аид.
 то-FOC 2SG.ENCL.DAT ничто говорить.PST-TR-CNTRF.3SG
 'Даже если он бы увидел тебя, он бы тебе ничего не сказал'
 [Гуриев (ред.) 2004: 267]³.

² Здесь и далее в примерах выделены формы, содержащие контрафактический показатель.

В отдельных исследованиях наклонений осетинского языка (например, [Абаев 1959: 81–82]) отмечается, что контрафактив может также выражать хабикулярное действие в прошлом. Однако настоящее исследование показывает, что в иронском диалекте современного осетинского языка, который взят за основу литературной нормы, контрафактив утратил это значение.

Несмотря на то, что основной функцией этого наклонения в осетинском языке следует считать выражение контрафактивности, употребление контрафактива после частицы *хъуамæ* ‘должен’, в генерализованных уступительных предложениях и способность этого наклонения передавать значение предположения о ситуации в прошлом не позволяет нам считать его специализированным контрафактическим наклонением. Тем не менее, в осетинском языке наблюдается тенденция к превращению контрафактива в такое наклонение: за последнее столетие было практически утеряно употребление этого наклонения в значении прошедшего хабикулярного; значение же эпистемического предположения о ситуации в прошлом в современном языке обычно выражается другими языковыми средствами.

3.2. Пушту

В пушту так называемое условно-желательное наклонение используется для выражения следующих значений: ирреальное желание и пожелание, ирреальное долженствование, контрафактическое условие и контрафактическое следствие, контрафактическая ситуация в придаточных определительных (4); условно-желательное наклонение используется также в целевых придаточных для обозначения ситуации, которая не имела места.

- (4) *pahlawān na wə če balā ye*
храбрец NEG быть.PST.3SG который беда 3SG.ENCL
waž-āl-e wāy
убивать-INF-PART.PST.F быть.OPT
‘Не было такого храбреца, который убил бы чудовище (букв. «беду»)» [Калинина 1961: 225].

³ Перевод предложения мой — А. В.

Единственным обнаруженным нами случаем, когда условно-желательное наклонение в пушту не выражает контрафактивности, является употребление данного наклонения с потенциальными формами. В этом случае условно-желательное наклонение может передавать не только гипотетическую возможность в прошлом, т. е. частный случай контрафактивности, но и, при употреблении отрицательной частицы, невозможность осуществления действия в настоящем или прошедшем времени [Грюнберг 1987: 179]. Например:

- (5) *wray lās aw pše wahəl magár*
 ягненок рука и нога.PL бить.PST.3PL.M но
də obó caxa ná-šwāy rā-watəl-āy
 PREP вода.OBL POST NEG-быть.OPT PREF-выходить-OPT
 ‘Ягненок бил ногами, но не мог выбраться из воды’ [там же: 180].

3.3. Татский

В татском языке (югозападноиранский) так называемое прошедшее ирреальное наклонение, согласно грамматике [Грюнберг 1963: 83–84], употребляется только для выражения контрафактических значений: контрафактическое желание или пожелание, контрафактическое условие и следствие в условных конструкциях, контрафактическое долженствование в прошлом (при этом обязательно употребление *gæræk* ‘нужно’, см. пример ниже).

- (6) *imu səhv səxtəy-im:*
 мы ошибка делать.PST-1PL
əvvél gæræk raft-ə́n birim,
 сначала нужно уходить.PST-INF быть.PST.1PL
værf šund-ə́n birim
 снег бросать.PST-INF быть.PST.1PL
 ‘Мы совершили ошибку: сначала нам надо было сбросить снег с крыши’ {а потом делать другие дела} [Грюнберг 1963: 84].

3.4. Талышский

Талышский язык (северозападноиранский), так же как и татский, обладает специализированным контрафактическим наклонением (прошедшее время условного наклонения у Б. В. Миллера [1953: 165] или прошедшее время сослагательного наклонения

в работе Л. А. Пирейко [1976: 339]). В грамматиках приводятся примеры на употребление этого наклонения для выражения контрафактического условия (7) и контрафактического пожелания.

- (7) *Әгәм пәјнә шә нә-бәји,*
если позавчера идти.PART.PST NEG-быть.CONJ.2SG
чымы зоәни әвндиши.
POSS.1SG сын видеть.IMPF.2SG
'Если бы ты не уехал позавчера, ты бы увидел моего сына'
[Пирейко 1976: 339].

4. Происхождение контрафактических показателей в иранских языках

Специализированное контрафактическое наклонение обнаружено только в двух современных иранских языках, а именно, в татском и талышском; наклонение, близкое к специализированному, существует в осетинском и пушту. Из мертвых иранских языков специализированные контрафактические показатели засвидетельствованы только в согдийском (среднеиранский, восточноиранский) [Gershevitch 1961]. Таким образом, существование специализированного или близкого к специализированному контрафактического показателя не является характерной чертой иранских языков. Возникновение такого наклонения в татском и талышском может быть объяснено ареальным влиянием соседних языков, а именно тюркских (главным образом огузских) языков. Во многих тюркских и во всех огузских языках существует специализированное контрафактическое наклонение (так называемое условное наклонение прошедшего времени), которое образуется с помощью отглагольной формы на *-se/-sa* и связки прошедшего времени *ydi*.

Осетинский язык контактирует с абхазо-адыгскими, картвельскими, нахскими и тюркскими (карачаево-балкарский) языками. Помимо карачаево-балкарского, ни в одном из контактирующих с осетинским языков не было обнаружено специализированного контрафактического показателя или наклонения. В карачаево-балкарском, так же как и во многих других тюркских языках, существует отдельное наклонение, сфера употребления которого связана с выражением только контрафактических

значений. Однако карачаево-балкарский контактирует, прежде всего, с дигорским диалектом осетинского языка, где, в отличие от литературного иронского диалекта, контрафактив до сих пор сохраняет, даже в разговорном языке, хабикулярное употребление (которое, как было отмечено, утеряно в литературном языке). Таким образом, вряд ли правомерно объяснять развитие в иронском диалекте осетинского языка наклонения, близкого по своим функциям к специализированному контрафактическому показателю, влиянием карачаево-балкарского языка. Скорее всего, такое развитие контрафактива в литературном осетинском связано с внутренней эволюцией языка.

В пушту появление специального наклонения, сфера употребления которого тесно связана с контрафактичностью, скорее всего, объясняется влиянием ареально близких индоарийских языков, многие из которых обладают специализированными контрафактическими наклонениями.

5. Вывод

В результате настоящего исследования среди индоевропейских были обнаружены языки со специализированным контрафактическим показателем (иранские: татский и талышский; индоарийские). Были также обнаружены две языковые семьи, для которых специализированный контрафактив является характерным явлением (тюркская и индоарийская). Представленный в статье материал позволяет выдвинуть гипотезу, для подтверждения которой безусловно требуется более представительная языковая выборка, о ложности выдвинутого ранее в отдельных работах тезиса о типологической редкости языков со специализированным контрафактическим показателем.

Список условных сокращений

CNTRF — контрафактив; CONJ — конъюнктив; DAT — датив; ENCL — энклитика; EZF — изафет; F — женский род; FOC — фокус; GEN — генитив; HAB — хабиуалис; IMPF — имперфект, INF — инфинитив; M — мужской род; NEG — отрицание; OBL — косвенный падеж; OPT — оптатив; PART — причастие; PL — множественное число; PLUPERF — плюсквамперфект;

POSS — притяжательное местоимение; PREF — преверб; PREP — предлог; PST — прошедшее; SG — единственное число; TR — переходное спряжение.

Литература

- Абаев В. И.* Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе, 1959.
- Грюнберг А. Л.* Язык североазербайджанских татов. Л., 1963.
- Грюнберг А. Л.* Очерк грамматики афганского языка (пашто). Л., 1987.
- Гуриев Т. А.* (ред.). Осетинско-русский словарь. 5-е издание. Владикавказ, 2004.
- Калинина З. М.* Условно-желательное наклонение в современном литературном пушту // Ученые записки Института международных отношений. Серия филологии. 1961, вып. 5.
- Миллер Б. В.* Талышский язык. М., 1953.
- Панова Ю. Н.* Ирреалис в персидском языке: прошедшее время + // Ландер Ю. А., Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность. М., 2004.
- Пирейко Л. А.* Краткий грамматический очерк талышского языка // Пирейко Л. А. Талышско-русский словарь. М., 1976.
- Плунгян В. А.* О контрафактических употреблениях плюсквамперфекта // Ландер Ю. А., Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность. М., 2004.
- Рубинчик Ю. А.* Грамматика современного персидского литературного языка. М., 2001.
- Хромов А. Л.* Ягнобский язык. М., 1972.
- Эдельман Д. И.* Шугнано-рушанская языковая группа // Расторгуева В. С. (отв. ред.). Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: Восточная группа. М., 1987.
- Gershevitch I.* A Grammar of Manichean Sogdian. Oxford, 1961 (reprint from the 1954 edition).
- Lazard G.* L'expression de l'irréel: essai de typologie // Kulikov L., Vater H. (eds.). Typology of Verbal Categories: Papers Presented to Vladimir Nedjalkov on the Occasion of his 70th Birthday. Max Niemeyer, Tübingen, 1998.
- Lazard G.* More on counterfactuality, and on categories in general // Linguistic Typology 10 (1), 2006.
- Van linden A., Verstraete J.-C.* The nature and origins of counterfactuality in simple clauses. Cross-linguistic evidence // Journal of Pragmatics 40, 2008.

А. Р. Гарейшина
МГУ, Москва

**КОМБИНАТОРНО-ГНЕЗДОВОЙ МЕТОД В ПОЛЕВЫХ
СИНТАКСИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ**
(на материале осетинского языка)

Факт существования языков с т. н. «свободным порядком слов») общеизвестен. Классический пример языков такого типа — славянские языки, в т. ч. русский:

(1) а. *Мальчик ест яблоко.*

б. *Яблоко ест мальчик.*

с. *Мальчик яблоко ест.*

и т. д.

В настоящее время очевидно также, что эта «свобода» обусловлена целым комплексом синтаксических, дискурсивных, семантических факторов. Естественно ожидать, что разные порядки слов в языках «свободного» типа не являются полностью равносильными и носители таких языков эти различия *clara mente* ощущают, определяя один порядок слов как более «выразительный» или применимый, на их взгляд, только в одном определенном классе ситуаций¹. Более того, как оказывается, допустимы хотя и очень многие, но не все порядки слов в предложениях. Неприятие во внимание последнего факта приводит к неточностям в грамматическом описании и — далее — к неправильным обобщениям, неверному пониманию природы соответствующей конструкции.

Сложность исследования синтаксиса таких языков многократно возрастает, и первой задачей здесь становится уже не установление различий в упаковочном компоненте высказывания, а выявление среди всех $n!$ порядков слов (т. е. всех перестановок)

¹ Подобное же явление имело место при опросе носителей иронского диалекта осетинского языка в с. Даргавс (во время осетинской экспедиции ОТиПЛ МГУ им. М.В. Ломоносова в 2010 году). Все осетинские примеры, встречающиеся далее, получены непосредственно от носителей.

в предложении, состоящем из *n* слов, грамматических и неграмматических порядков слов — при том, что число первых часто намного больше, чем вторых.

Одним из решений этой проблемы представляется комбинаторно-гнездовой метод, который, как явствует из названия, представляет собой расширение гнездования². Этот метод был применен нами при исследовании взаимного расположения главной и зависимой клауз в полипредикативной конструкции с подчинением в осетинском языке, а точнее, положения указательного элемента главной клаузы, «соотносительного слова», которое, согласно [Абаев 1970], по умолчанию играет роль «концовочной скрепы» в сложноподчиненном предложении — в том случае, если нарушается дефолтный порядок следования клауз, то есть, если придаточное не находится впереди главного, а следует за ним:

(2) а. *Уæ хъуыддæг-т-æ æвзæр кæй цæу-ыни,*
 POSS.2PL дело-PL-NOM плохо что идти-PRS.3PL
уый мах зон-æм.
 DEM.SG.NOM мы знать-PRS.1PL
 ‘Мы знаем, что ваши дела идут плохо’. (букв. ‘Что ваши дела идут плохо, это мы знаем’.)

б. *Мах зон-æм, уæ хъуыддæг-т-æ*
 мы знать-PRS.1PL POSS.2PL дело-PL-NOM
æвзæр кæй цæу-ыни, уый.
 плохо что идти-PRS.3PL DEM.SG.NOM
 ‘Мы знаем, что ваши дела идут плохо’. (букв. ‘Мы знаем, что ваши дела идут плохо, это’.)

Однако указанные две позиции соотносительного слова далеко не единственные из теоретически возможных. С целью выяснить, возможно ли употребление соотносительного слова в других линейных позициях, было проведено комбинаторное исчисление всех возможных порядков слов, различающихся только положением указательного элемента главной клаузы относительно зависимой и порядком следования клауз. Использовалось пять до-

² Теста на взаимное расположение главной и зависимой клауз в полипредикативной конструкции.

пущений: а) указательный элемент не может разрывать никакую именную группу/группу наречия, являющуюся членом главной клаузы; б) указательный элемент не может находиться внутри т. н. сложного предиката³; в) порядок следования членов в главной клаузе допустим любой; г) несмотря на в), используется предполагаемый «дефолтный» порядок; д) порядок следования членов зависимой клаузы известен (поэтому далее в схеме ее сокращенная запись выглядит как «Subj DO IO OO Adv Conj V»). Схематически исчисление имеет вид⁴:

1) Главная клауза перед зависимой:

Subj DO IO OO Adv Conj V,/Dem — Subj/DO/IO/OO/⁵ Subj .. DO .. IO .. OO .. Adv .. V .. .

2) Главная клауза за зависимой:

Dem Subj .. DO .. IO .. OO .. Adv .. V .. , Subj DO IO OO Adv Conj V, ...

3) Зависимая клауза внутри главной:

Dem, Subj DO IO OO Adv Conj V, Subj DO IO OO Adv V.

Dem Subj .. , Subj DO IO OO Adv Conj V, .. DO .. IO .. OO .. Adv .. V ...

Dem Subj .. DO .. , Subj DO IO OO Adv Conj V, .. IO .. OO .. Adv .. V ...

Dem Subj .. DO .. IO .. , Subj DO IO OO Adv Conj V, .. OO .. Adv .. V ...

Dem Subj .. DO .. IO .. OO .. , Subj DO IO OO Adv Conj V, .. Adv .. V ...

Dem Subj .. DO .. IO .. OO .. Adv .. , Subj DO IO OO Adv Conj V, .. V ...

Следовательно, всего вариантов — 56 (т. е. 7 + 8 + 1 + 8 + 8 + 8 + 8 + 8)⁶.

³ Например, *тырх кæнын* ‘разбиваться’. См. подробнее [Абаев 1970; Гагкаев 1952; Ахвледиани (ред.) 1969; Гращенков 2010].

⁴ Краткое разъяснение — в списке сокращений против соответствующих обозначений.

⁵ Указательный элемент (и вводимое им придаточное) может быть подлежащим или любым дополнением, и тогда из общей схемы соответствующее синтаксическое отношение вычеркивается.

⁶ Найти пример, в котором были бы одновременно все эти синтаксические отношения, не удалось; ясно, что число комбинаций снизилось.

В качестве примера приводится предложение на осетинском языке и таблица, в которой перечислены все предположительно допустимые комбинации (с и без *уый*) и ответы носителей (обозначенных буквами X, Y, Z, W, V) по каждой из них. Ответы делятся на 4 группы: «+» — «полностью грамматично»; «*» — «неграмматично»; «?» — «можно понять, но так говорят редко»; «??» — «можно понять, но так не говорят»:

- (3) *Руслан-∅ Алина ама Зарина-йан фе-хъусын*
 Руслан-NOM Алина и Зарина-DAT PRV-слушать
кодт-а, Фатима-∅ Гуырдыстон-ма
 делать.PST-3SG.TR Фатима-NOM Грузия-LAT
кай а-цыд-∅, уый.
 что PRV-уехать.PST-3SG.INTR DEM.SG.NOM
 ‘Руслан уведомил Алину и Зарину о том, что Фатима уехала в Грузию’.

На основании данных Таблицы 1 на следующей странице (150 ответов от пяти носителей касательно допустимости 15 порядков слов как с указательным элементом, так и без него) можно сделать некоторые обобщения уже при беглом осмотре: порядки 3, 4, 12, 14, 15 носители единодушно считают правильными, порядок 1 неправилен с указательным элементом и приемлем без него. Можно отметить также, что носители практически единодушно признают элиминирование указательного элемента эффективным способом исправления как неправильных, так и вызывающих сомнения конструкций и что если полипредикативная конструкция грамматична с указательным элементом, она считается грамматичной и при его отсутствии. Следовательно, мы можем предположить, что в большинстве случаев (не)грамматичность конструкций определяется позицией указательного элемента, и попытаться сформулировать следующие ограничения:

- 1) соотносительное слово не должно быть озвучено непосредственно перед подлежащим любой из клауз полипредикативной конструкции⁷ (см. в таблице строки 1–2, 6–7, 11, 13);

⁷ Заметим, что данное ограничение на позицию указательного элемента перед подлежащим, по-видимому, служит для разрешения смысловой неоднозначности; в противном случае *уый Руслан* означало бы с неизбежностью и ‘то, Руслан (что сказал, ⟨...⟩)’, и ‘его Руслан’.

Таблица 1. Суждения информантов о приемлемости порядков слов

№	Комбинация	X		Y		Z		W		V	
		Dem	-	Dem	-	Dem	-	Dem	-	Dem	-
1	Dem, Subj Adv Conj V, Subj V IO	*	+	*	+	*	+	*	+	*	+
2	Subj Adv Conj V, Dem Subj V IO	+	+	*	+	*	+	+	+	+	+
3	Subj Adv Conj V, Subj Dem V IO	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
4	Subj Adv Conj V, Subj V Dem IO	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
5	Subj Adv Conj V, Subj V IO Dem	??	+	??	+	+	+	+	+	+	+
6	Dem Subj, Subj Adv Conj V, V IO	*	+	*	*	*	*	*	*	*	+
7	Subj Dem, Subj Adv Conj V, V IO	*	+	*	*	*	*	*	*	+	+
8	Subj, Subj Adv Conj V, Dem V IO	+	+	+	*	*	*	+	*	+	+
9	Subj, Subj Adv Conj V, V Dem IO	??	+	*	*	*	*	*	*	+	+
10	Subj, Subj Adv Conj V, V IO Dem	+	+	*	*	*	*	+	*	+	+
11	Dem Subj V, Subj Adv Conj V, IO	?	+	*	+	?	+	*	+	*	+
12	Subj Dem V, Subj Adv Conj V, IO	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
13	Subj V Dem, Subj Adv Conj V, IO	?	+	*	+	+	+	+	+	*	+
14	Subj V, Subj Adv Conj V, Dem IO	+	+	+	+	+	+	+	+	*	+
15	Subj V, Subj Adv Conj V, IO Dem	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

2) соотносительное слово не может быть озвучено после глагола придаточной клаузы, не будучи отделено от него другим языковым материалом (см. строки 2, 8, 14).

Далее, можно заметить, что носители более склонны считать неприемлемыми полипредикативные конструкции, в которых подлежащие главной и зависимой клауз занимают смежные линейные

позиции и не отделены друг от друга никаким другим членом предложения (и таким образом, мы сформулировали третье ограничение). Именно в таких случаях удаление соотносительного слова не приводит к грамматичности предложения — тривиальным образом потому, что в данном случае причиной неприемлемости сложного предложения является не позиция соотносительного слова (см. строки (6–10), особенно (6–7), в которых нарушены сразу два ограничения: на позицию соотносительного слова перед подлежащим и на линейную смежность двух подлежащих). Обратим также внимание на то, что различия по носителям более заметны в случае (не)допустимости линейной смежности двух подлежащих: возможно, часть информантов объясняет для себя неправильность предложений в строках (6–10) положением указательного местоимения.

Вместе с тем, мы вынуждены признать, что не до конца ясно, чем обусловлена сомнительность порядка №5: вероятно, она вызвана изменением положения указательного местоимения, но при этом не следованием местоимения за непрямым дополнением. Итак, несмотря на описанную неясность с двумя ответами, остальные 148 ответов носителей все же получили точное объяснение. Теперь попробуем количественно охарактеризовать *замеченные носителями* нарушения трех ограничений — ранжировать их по частоте встречаемости в нашей таблице. Мы наблюдаем 24 случая таких нарушения ограничения 1, из них в 12 случаях указательное местоимение стоит перед подлежащим придаточной клаузы и в остальных 12 случаях оно находится перед подлежащим главной клаузы. В силу этого определить, что является более сильным основанием для признания порядка слов неграмматичным: указательный элемент перед подлежащим главного или зависимого предложения, — в данном случае не представляется возможным. Ограничение 2 нарушено 4 раза, ограничение 3 — 27 раз. Тогда можно сказать, что оценка предложения как неправильного более вероятна при нарушении ограничения 3, чем при нарушении ограничения 2 или 1.

Предполагается, что описанный метод существенно формализует задачу выявления взаимного расположения клауз в полипредикативной конструкции и основных факторов допустимости некоторого порядка слов. В частности, процедура опроса информанта может быть автоматизирована благодаря использованию

этой схемы и сведена к простому диалогу пользователя с компьютером, где на вопросы о правильности порядка слов, задаваемые компьютером, пользователь-информант дает ответы из заданного стандартного списка.

Список условных сокращений

Adv — обстоятельство; Conj — союз/комплементаризер; Dem — указательный элемент; DO — прямое дополнение; IO — не прямое дополнение; OO — косвенное дополнение; Subj — подлежащее; V — глагол; .. — возможная позиция указательного элемента.

DAT — датив; DEM — указательное местоимение; INTR — непереходное спряжение; LAT — латив; NOM — номинатив; PL — множественное число; POSS — притяжательное местоимение; PRS — настоящее; PRV — преверб; PST — прошедшее; SG — единственное число; TR — переходное спряжение.

Литература

- Абаев В. И.* Грамматический очерк осетинского языка // Бигулаев Б. Б., Гагкаев К. Е., Кулаев Н. Х., Туаева О. Н. (ред.). Осетинско-русский словарь: 3-е доп. изд., ок. 28 000 слов. Орджоникидзе: Ир. 1970.
- Ахвледиани Г. С.* (ред.) Грамматика осетинского языка. Т.2: Синтаксис. Орджоникидзе: Научно-исследовательский институт при совете министров Северо-Осетинской АССР, 1969.
- Гагкаев К. Е.* Очерк грамматики осетинского языка. Дзауджикау (Владикавказ): Государственное издательство Северо-Осетинской АССР, 1952.
- Гращенков, П. В.* Сложные предикаты в осетинском языке // Труды меж-институтской научной конференции «Востоковедные чтения 2008» (Москва, 8–10 октября 2008 г.). М: ИВ РАН, 2010.

Д. В. Герасимов

Санкт-Петербург

**ДЕЛО ОБ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ИЕРАРХИИ
ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ВЕРШИН:
ГУАРАНИ ПРОТИВ ЧИНКВЕ**

Во влиятельной работе [Cinque 1999] на основании тщательного анализа данных обширной (но ареально и генетически нерепрезентативной) выборки языков постулируется наличие на левой периферии синтаксической структуры клаузы (между вершинами CP и VP) целого ряда функциональных проекций, соответствующих различным ТАМ-категориям. Порядок этих проекций универсален и не является параметром межъязыкового варьирования (вопреки некоторым более ранним теориям, см. [Pollock 1989; Ouhalla 1990, 1991]). Он определяет порядок следования наречных обстоятельств в предложении, а также порядок ТАМ-аффиксов в глагольной словоформе. Предложенная Г. Чинкве иерархия функциональных вершин имеет следующий вид [Cinque 1999: 106]¹:

- (1) [*frankly* Mood_{speech act} [*fortunately* Mood_{evaluative} [*allegedly* Mood_{evidential} [*probably* Mod_{epistemic} [*once* T(Past) [*then* T(Future) [*perhaps* Mood_{irrealis} [*necessarily* Mod_{necessity} [*possibly* Mod_{possibility} [*usually* Asp_{habitual} [*again* Asp_{repetitive} (I) [*often* Asp_{frequentative} (I) [*intentionally* Mod_{volitional} [*quickly* Asp_{celerative} (I) [*already* T(Anterior) [*no longer* Asp_{terminative} [*still* Asp_{continuative} [*always* Asp_{perfect} (?) [*just* Asp_{retrospective} [*soon* Asp_{proximative} [*briefly* Asp_{durative} [*characteristically*(?) Asp_{generic/progressive} [*almost* Asp_{prospective} [*completely* Asp_{SgCompletive} (I) [*tutto* Asp_{PlCompletive} [*well* Voice [*fast/early* Asp_{celerative} (II) [*again* Asp_{repetitive} (II) [*often* Asp_{frequentative} (II) [*completely* Asp_{SgCompletive} (II)]

Теория Чинкве стимулировала обширную и продуктивную дискуссию. При этом подавляющее большинство публикаций как

¹ См. несколько отличный вариант иерархии в [Cinque 2001:47-48]

pro, так и contra ([Bobaljik 1999; Rackowsky, Travis 2000; Ernst 2002; Beijer 2005; Bhatia 2006; Holmer 2006; Haumann 2007; Kiss 2009] *inter alia*), посвящены синтаксическому поведению наречий, в то время как предсказания предложенной теории по поводу порядка аффиксов в литературе практически не рассматриваются (нам известны только работы [Cinque 2001; Wilson, Saugin 2001]; обе основаны на материале турецкого языка). Это вполне закономерно, поскольку, во-первых, теория Чинкве носит синтаксический характер и, соответственно, скорее привлекает внимание синтаксистов, нежели морфологов; а во-вторых, именно к области синтаксиса наречных обстоятельств относятся наиболее новаторские идеи [Cinque 1999], в частности, положение о том, что наречные группы не являются адьюнктами, а занимают позиции в спецификаторах соответствующих функциональных вершин (отчасти предвосхищенное, впрочем, в [Кауне 1994] и др., см. ссылки в [Cinque 1999: 187]).

Однако проверка положений теории Чинкве на данных порядка аффиксов в языках мира представляется интересной и обещающей задачей. Согласно [Cinque 1999: 52], типологическое варьирование в этой области связано исключительно с положением показателей согласования и отрицания, в то время как порядки видо-временных аффиксов во всех языках сводимы к некоторой общей схеме. Верификация подобных положений проще, чем в случае наречных обстоятельств, поскольку относительный порядок последних менее жесток и в значительно большей степени подвержен «побочным эффектам» типа фокусного выноса или модификации одного наречия другим.

Основываясь на материале художественных, публицистических и разговорных текстов на современном парагвайском гуарани (всего ок. 30 тыс. словоформ), нам удалось построить частичную порядковую модель глагола в этом языке, более подробную и точную, чем предложенная в [Gregores, Suárez 1967: 151-155]. Как представляется, данные парагвайского гуарани вступают в противоречие с предсказаниями теории Чинкве.

Не все видо-временные показатели парагвайского гуарани удастся уверенно соотнести с вершинами, выделяемыми Г. Чинкве; те, для которых это удастся проделать, образуют иерархию следу-

ющего вида (через косую черту приводятся те вершины, относительный порядок которых (точнее, соответствующих им суффиксов) пока неясен):

- (2) Mood_{evidential} (I) > T(Past) > Mood_{evidential} (II) > Mod_{necessity} >
 > Asp_{prospective} > Asp_{habitual} / T(Anterior) > Asp_{proximative} >
 > Asp_{continuative} / Asp_{repetitive} (II?) > Asp_{completive} > Asp_{retrospective}

Порядок, представленный в (2), в нескольких отношениях отличается от иерархии (1). Часть отклонений можно объяснить, оставаясь в рамках «чинквеанского» подхода. Так, наличие в гуарани двух показателей репортатива, частицы *jeko* и суффикса *-je*, позволяет постулировать наличие двух проекций Mood_{evidential}, «верхней» и «нижней», подобно тому, как это сделано в [Cinque 1999] для Asp_{repetitive}, Asp_{SgCompletive} и некоторых других категорий. Однако объяснить таким образом другие расхождения, например, высокое положение Asp_{prospective} или низкое положение Asp_{retrospective}, затруднительно. Обращает на себя внимание наличие нескольких проекций между Asp_{proximative} и Asp_{retrospective}, при том, что в [Cinque 1999: 97-98] осторожно высказывается предположение о том, что эти две вершины могут быть объединены в одну.

Некоторые случаи видимого нарушения иерархии Чинкве можно объяснить, обратив более пристальное внимание на семантику и синтактику соответствующих показателей. Так, в [Cinque 2001: 48] убедительно показывается, что турецкий суффикс абилитива *-(y)Abil-*, способный занимать в глаголе позицию как слева, так и справа от показателя отрицания, в разных порядках имеет разную интерпретацию (корневой или алетической модальности) и соответствует, таким образом, двум разным функциональным вершинам. Аналогичным образом объясняется, например, вариативность позиции суффикса *-mo'ã-* в гуарани [Tonhaußer 2009]: предшествуя второй части отрицательного циркумфикса, он выражает отрицательный проспектив (и соответствует, в рамках нашего анализа, Asp_{proximative}), а следуя за ней, выступает как показатель недостигнутого результата (и соответствует Asp_{prospective}). Тем не менее, пытаться списать отклонения, суммированные в (2), на неправильное отождествление видо-временных показателей парагвайского гуарани с функциональными проекциями, не представляется конструктивным. Можно ставить вопрос о том,

насколько точно, например, ярлыки T(Anterior) и Asp_{proximative} отражают природу суффиксов гуарани *-ta-* и *-ta-* соответственно (об их семантике см. [Герасимов 2008; 2010]), но более удачных кандидатов не наблюдается, а бесконечное увеличение инвентаря функциональных вершин для учета данных каждого нового языка лишает теорию всякого смысла. Кроме того, непонятно, чем гуарани в этом смысле «хуже» других языков, в том числе малоисследованных, данные которых привлекаются для аргументации в [Cinque 1999].

Итак, порядок глагольных суффиксов в парагвайском гуарани нарушает предсказания рассмотренной теории. Надо полагать, что по мере привлечения новых языковых данных число подобных контрпримеров будет расти. Однако просто сбросить теорию Г. Чинкве со счетов нельзя: в ее пользу говорят многочисленные и нетривиальные схождения между разноструктурными языками. Скорее можно выдвинуть гипотезу о том, что иерархия Чинкве представляет собой не универсальный принцип организации языка, а устойчивый кластер параметров, имеющий широкое ареальное и генетическое распространение. Мы видим два перспективных подхода, позволяющих эффективно объяснить такое положение дел: «грамматикализационный» и «наносинтаксический»

В рамках первого подхода «чинквеанский» порядок аффиксов признается «базовым» и наиболее естественным, однако допускаются его видимые нарушения, связанные с историей грамматикализации соответствующих показателей. В частности, естественно предположить, что аффикс, представляющий собой результат недавней грамматикализации полнозначного глагола (будущее время из 'хотеть', рефактив из 'возвращаться' и т. п.), сохраняет некоторые глагольные свойства и проецирует свою собственную структуру функциональных вершин. Таким образом, какие-то аффиксы в глагольной словоформе с синтаксической точки зрения могут присоединяться к другому аффиксу, а не к глагольной основе. Эта идея может оказаться довольно продуктивной для парагвайского гуарани, в видо-временной системе которого многие суффиксы происходят от грамматикализовавшихся глаголов.

В рамках недавно заявившего о себе направления, известного под названием «наносинтаксис» ([Саха 2009; Starke 2009] и цит. лит.), единицами синтаксической структуры считаются единицы, меньшие, чем морфема, своего рода семантические примитивы или «атомы», которые в процессе деривации собираются в кластеры, соответствующие морфемам. Эта теория во многом является дальнейшим развитием «картографического» подхода Г. Чинкве и его соратников. Можно предположить существование универсальной иерархии функциональных вершин, соответствующих не морфологическим категориям, а скорее «атомам» из универсального грамматического набора» в терминах [Плунгян 1997; 1998]. Иерархия Чинкве при таком подходе оказывается просто отражением одного из нескольких возможных путей синтаксической деривации.

Верификация обеих этих гипотез предполагает большой объем работы; кроме того, в обоих случаях остро встает вопрос о рестриктивности теории. Тем не менее, эти два подхода представляются нам весьма перспективными и заслуживающими пристального внимания. Данные парагвайского гуарани предлагают хороший стартовый полигон для их разработки.

Литература

- Герасимов Д. В.* Взаимодействие вида и времени в парагвайском гуарани: случай *-та-* и *-(h)ína-* // Четвертая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Материалы. СПб., 2007
- Герасимов Д. В.* Видо-временная система парагвайского гуарани: сфера действия и порядок показателей // Вопросы языкознания, 2010. №4.
- Плунгян В. А.* Вид и типология глагольных систем // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова / Под ред. М. Ю. Чертковой. Т. 1. М., 1997.
- Плунгян В. А.* Грамматические категории, их аналоги и заместители. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1998.
- Beijer F.* On the relative order of adverbs in the I-domain: A study of English and Swedish. Lund, 2005.
- Bhatia A.* Testing universality of Cinque's hierarchy with respect to an SOV language: Adverb placement in Hindi // LSO Working Papers in Linguistics 6: Proceedings of WIGGL'06, 2006.

- Bobaljik J. D.* Adverbs: The hierarchy paradox // *GLOT International*, 4 (9/10), 1999.
- Caha P.* The nanosyntax of case. PhD Thesis, University of Tromsø, 2009.
- Cinque G.* Adverbs and functional heads: A cross-linguistic perspective. Oxford, 1999.
- Cinque G.* A note on mood, modality, tense and aspect suffixes in Turkish // *Taylan E. E. (ed.)*. The verb in Turkish. Amsterdam, 2001.
- Ernst Th. B.* The syntax of adjuncts. Cambridge, 2002.
- Gregores J. A. Suárez E.* A description of colloquial Guaraní. The Hague–Paris, 1967.
- Haumann D.* Adverb licensing and clause structure in English. Amsterdam, 2007.
- Holmer A.* Seediq – adverbial heads in a Formosan language // *Gärtner H., Law P., Sabel J. (eds.)* Clause structure and adjuncts in Austronesian languages. Berlin, 2006.
- Kayne R. S.* The antisymmetry of syntax. Cambridge, MA, 1994.
- Kiss K. É.* Adverbs and adverbial adjuncts at the interfaces. Berlin, 2009.
- Ouhalla J.* Sentential negation, relativized minimality, and the aspectual status of auxiliaries // *Linguistic Review* 7, 1990.
- Ouhalla J.* Functional Categories and Parametric Variation. London, 1991.
- Pollock J.-Y.* Verb movement, universal grammar, and the structure of IP // *Linguistic Inquiry* 20, 1989.
- Rackowski A., Travis L.* V-initial languages: X or XP movement and adverbial placement // *Carnie A., Guilfoyle E. (eds.)*. The syntax of verb-initial languages. Oxford, 2000.
- Starke M.* Nanosyntax: A short primer to a new approach to language // *Nordlyd* 36 (1), 2009.
- Tonhauser J.* Counterfactuality and future time reference: Evidence from Paraguayan Guaraní *mo'ã* // *Riester A., Solstad T. (eds.)*. Proceedings of Sinn und Bedeutung XIII. SinSpec 5 (1). Stuttgart, 2009.
- Wilson S., Saygin A. P.* Adverbs and functional heads in Turkish: Linear order and scope // *Proceedings of Western Conference in Linguistics (WECOL) 2001*. Fresno, CA, 2001.

М. А. Додина

РГГУ, Москва

ВЫРАЖЕНИЕ ТАКСИСА В ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫХ ПРИДАТОЧНЫХ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА

1. Классификация таксисных конструкций в корейском языке

Таксис, или относительное время — категория, которая очень близка категории времени, но, в отличие от последней, лишена дейктического компонента [Плунгян 2000]. Таксис характеризует временную локализацию сообщаемого факта по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к моменту речевого акта. Граммемы таксиса выражают одновременность, предшествование и следование не по отношению к моменту речи, а по отношению к ситуации, заданной контекстом [Алпатов 2009].

В корейском языке существует два времени: прошедшее и непрошедшее, и, соответственно, есть ненулевой показатель прошедшего времени *-ess* и нулевой показатель непрошедшего [Холодович 1954; Martin 1992]. В корейском сложном предложении предикат вложенной клаузы может иметь временной суффикс, а также показатель времени может стоять только в главной клаузе.

- (1) *John-i toakka-ca Mary-lul manna-ss-ta.*
Джон-NOM приезжать-ADV Мэри-ACC встречать-PST-IND
'Как только Джон приехал, встретил Мэри' [Sohn 1995: 245].

Как видно из примера (1), показатель прошедшего времени присутствует только в главной клаузе. Однако действие как главного, так и придаточного предложения происходит в прошлом. В данном примере главное предложение *Mary-lul manna-ss-ta* связано с придаточным *John-i toakka-ca* посредством деепричастия *toakka-ca* с обстоятельственным аффиксом *-ca*. Данный обстоятельственный аффикс имеет таксисное значение предшествования: в значении аффикса *-ca* уже есть указание на то, что действие, выраженное данным деепричастием, предшествует действию, выраженному глаголом главного предложения. Таким образом,

деепричастный аффикс *-ca* относит действие придаточного предложения к прошедшему времени и не допускает показателя прошедшего времени *-ess*.

Значение таксисной соотнесенности в придаточных корейского языка передается обстоятельственным аффиксом (*-ca* в примере (1)) или служебным именем именной конструкции (*cuksi* в примере (4)).

Таким образом, в соответствии с временной интерпретацией, корейские обстоятельственные конструкции можно разделить на временные конструкции с таксисной соотнесенностью, в которых существует указание на временную соотнесенность главного и придаточного предложений (предшествование, следование или одновременность) и временные конструкции без таксисной соотнесенности (*temporal* и *non-temporal* в работе [Sohn 1995]). Так как конструкции с таксисной соотнесенностью (далее — временные конструкции СТС) уже имеют таксисное значение (иногда с некоторыми добавочными компонентами значения), обычно именно в этих конструкциях не допустим временной показатель в придаточном предложении. Конструкции без таксисной соотнесенности (далее — временные конструкции БТС) — конструкции, которые допускают показатель прошедшего времени в придаточном предложении.

В основе данной классификации лежит классификация, приведенная в работе [Sohn 1995]. Сон рассматривает все типы обстоятельственных придаточных предложений. Мы рассмотрели более подробно обстоятельственные придаточные причины и времени, добавили материал и представили более детальную классификацию временных и причинных обстоятельственных придаточных в соответствии с классификацией Сон. Наличие или отсутствие таксисного значения в придаточных было подтверждено опросом носителей языка.

2. Временные конструкции с таксисной соотнесенностью (СТС)

Значение таксисной соотнесенности в придаточных корейского языка передается обстоятельственным аффиксом (*-ca* в примере (1)). В соответствии с различным таксисным значением аффиксов, обстоятельственные придаточные можно разделить на следующие классы.

2.1 Временные конструкции СТС предшествования

Предикат зависимой клаузы предложений данного класса не допускает временной показатель *-ess*, за исключением деепричастий прерванного действия с обстоятельственным аффиксом *-taka*, который требует отдельного рассмотрения.

В обстоятельственных аффиксах придаточных данного класса уже существует указание на предшествование действия: например, *-konase* ‘после’, *-taum(eu)* ‘после того, как’.

Перечислим конструкции, относящиеся к этому классу, и приведем несколько примеров:

- деепричастие с аффиксом *-ase/ese/yose* ‘после того, как’;

- (2) *Tosekwan-eu ka>(*ss)-se yeysup-ul*
 библиотека-LOC идти-(*PST)-PTCP упражнение-ACC
hata.

делать-IND

‘Пойдя в библиотеку, готовлюсь к уроку’ [Martin 1992: 610].

- деепричастие с аффиксом *-konase* ‘после, после того, как’;

- деепричастие с аффиксом *-e/a* ‘и’;

- (3) a. *Ttattutha-n pom-i o-mjen nonpath-ul*
 Теплый-PTCP весна-NOM приходить-ADV поле-ACC
kal-a ssa-lul ppwule-ta.
 обрабатывать-ADV рис-ACC сажать-IND
 ‘Когда наступает теплая весна (крестьяне), обработав поля, засевают их’ [Martin 1992: 657].

- b. **Thulaykthe₁ wuncengsa₂-nun nonpath-ul cayngki-lul*
 тракторист_{1,2}-TOP поле-ACC вспахивать-NMLZ-ACC
kkuthna-mjen eca-i ssa-lul ppwule-ta.
 заканчивать-ADV женщина-NOM рис-ACC засеивать-IND
 ‘Когда трактористы кончают вспахивать поля, женщины засеивают их’ [информанты].

В примере (3a) *kal-a* ‘обработав’ — действие в придаточном предложении, такое, что действие главного предложения *ppwule-ta* ‘засеивать’ начинается после завершения действия *kal-a*. Сказать с *kal-a* по-корейски ‘крестьяне, начав обрабатывать поля, одновременно постепенно засеивают их’ нельзя также как нельзя

сказать ‘когда трактористы кончают вспахивать поля, женщины засеивают их’, что показано в примере (3b).

- деепричастие с обстоятельственным аффиксом *-kose* ‘и тогда’;

- деепричастие с аффиксом *-teni* ‘и тогда’;

- именная конструкция *-n/nun cuksi* ‘как только, сразу после’;

(4) *Puenci-lul pat>(*ass)-nun cuksi,*

письмо-ACC получать-(*PST)-PTCP SBJ

hakkyo-ey nao-sipsio.

школа-DAT приходить-IMP

‘Сразу после получения письма, приходи в школу’

[информанты].

- именная конструкция *-n cikhwu-ey* ‘сразу после того, как’;

- деепричастие с обстоятельственным аффиксом *-ca(maca)* ‘как только’;

- именные конструкции *-n hwi-ey/-n twi-ey* ‘после’;

- именная конструкция *-n taum(ey)* ‘после того, как’;

- деепричастие с обстоятельственным аффиксом *-(u)may* ‘после того, как’.

2.2. Временные конструкции СТС со значением одновременности

Данные конструкции, также как и временные конструкции предшествования, не допускают показателя времени.

- деепричастие с аффиксом *-nulako* ‘пока, в то время, как’.

Данное деепричастие также может иметь наряду с временным и причинное значение.

(5) *Ce mata mence na-ka(*ss)-nulako*

тот каждый перед выходить-(*PST)-ADV

selo-ttey min-ta.

друг-друга толкать-IND

‘Все толкали друг друга, (пока) пытаюсь выйти первыми’

[Martin 1992: 871].

- деепричастие с аффиксом *-(u)myense* ‘пока, в то время, как’;

- именная конструкция *-l/n tongan(ey)* ‘пока, в то время, как’;

- именная конструкция *-n/nun han* ‘пока, до тех пор как’:

- (6) *Nay-ka sala-iss-nun han kunom-ul celtaylo*
я-NOM жить-PROG-PTCP SBJ он-ACC никогда
yongs-e mos-hay.
прощать-ADV NEG-делать.INF
'Пока я жива, никогда его не прошу!'
[Касаткина и др. 2004: 278]

- именная конструкция *-nun/lln sai/say(ey)* 'пока, тем временем'.

В данном пункте интересно то, что часто придаточное предложение обозначает реальное действие или событие, а главное — абстрактную ситуацию в (5) или ментальное действие в (6).

2.3. Временные конструкции СТС со значением следования

К данному классу относится только одна именная конструкция с временным значением *-ki cen-ey*. Показатель времени в придаточном не допустим, т. к. в самом служебном имени *cen* уже содержится отсылка к предшествующему действию главного предложения — 'до того, как..., прежде чем...'.
[Martin 1992: 784].

- (7) *Pulaun-ssi-nun Hankwuk-ey o-ki*
Мр.Браун-GON-TOP Корея-DAT приезжать-NOM
cen-ey Cwungkwuk-ey sal-ass-ta.
SBJ Китай-DAT жить-PST-IND
'До приезда в Корею, Мр. Браун жил в Китае'
[Martin 1992: 784].

3. Временные конструкции без таксисной соотнесенности (БТС)

Во временных конструкциях БТС, в отличие от временных СТС, показатель прошедшего времени *-ess* допускается. В отличие от конструкций СТС, временная локализация сообщаемого факта по отношению к другому сообщаемому факту соотносится с моментом речевого акта.

К данному классу можно отнести деепричастие с обстоятельственным аффиксом *-nikka*, причастные конструкции со служебными именами *-ttay(ey)*, *-mwulyep(ey)*. Рассмотрим более подробно деепричастие с обстоятельственным аффиксом *-(u)nikka*.

Как и *mulyep-eu* и *ul ttay* может сочетаться с суффиксами времени. *-(u)nikka* не навязывает никакого временного соотношения между двумя событиями.

- (8) *John-i essey ka-nikka Mary-to*
 Джон-NOM вчера идти-ADV Мэри-PAT
kusey ka-ss-ta.
 позавчера идти-PST-IND
 ‘Поскольку Джон вчера уехал, Мэри уехала позавчера’
 [Sohn 1995: 108].

В примере (8) события главного и придаточного предложений интерпретируются как следующие друг за другом независимо от значения деепричастного аффикса *-(u)nikka*. Уход Джона происходит перед уходом Мэри в примере. На временную локализацию событий главного и придаточного предложений указывает наречие *kusey* ‘позавчера’ (точка отсчета для которых — момент речевого акта), а не деепричастный аффикс *-(u)nikka*.

Список условных сокращений

ACC — винительный падеж; ADV — деепричастие; DAT — дательный падеж; IND — изъявительное наклонение; GON — гонорифический суффикс; LOC — локативный падеж; NEG — отрицание; NMLZ — номинализатор; NOM — именительный падеж; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; SBJ — существительное; TOP — топик.

Литература

- Алпатов В. М.* Таксис в современном японском языке // Храковский В. С. (отв. ред.). Типология таксисных конструкций. М., 2009.
- Касаткина И. Л., Чон Ин Сун, Пентюхова В. Е.* Учебник корейского языка. Москва, 2004.
- Плунгян В. А.* Общая морфология: введение в проблематику. М., 2000.
- Холодович А. А.* Очерк грамматики корейского языка. Изд. лит. на ин. яз. М., 1954.
- Martin S. E.* A Reference Grammar of Korean. A Complete Guide to the Grammar and History of the Korean Language. Rutland–Tokyo, 1992.
- Sohn S.-O.* Tense and Aspect in Korean. Center for Korean Studies, Monograph № 18. Honolulu, 1995.

К. А. Ершова

Москва, РГГУ

СОЮЗНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛОВ В АДЫГЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ: СОЧИНЕНИЕ ИЛИ ПОДЧИНЕНИЕ?

В адыгейском языке¹ существует несколько способов соединения двух или более клауз:

- 1) сложноподчиненные конструкции, где сказуемое одной из клауз принимает нефинитную форму;
- 2) с помощью союзов;
- 3) с помощью особых «союзных» форм сказуемого, статус которых как сочинительных или подчинительных неясен.

Союзными называются формы глаголов, маркированные «аддитивным» показателем *-jə*, причинными показателями *-tjə* и *-s(ə)* [Кумахов 1971; Рогава, Керашева 1966]. В данной работе рассматриваются синтаксические, семантические и морфологические свойства этих показателей с точки зрения критериев сочинения и подчинения.

Далее клаузу с союзной формой глагола мы будем называть зависимой, а с немаркированной формой — главной.

Сочетаемость рассматриваемых показателей ограничена морфологически и семантически.

Так, *-jə* присоединяется к форме глагола, не маркированной временными показателями, при этом глагол в главной клаузе должен быть в прошедшем времени:

- (1) *č'ale-r* *təs-jə* *mə?erəse-r* *ə-šxə-в*
юноша-ABS сесть-ADD яблоко-ABS 3SG.A-есть-PST
'Мальчик сел и съел яблоко'.

Этот показатель также может сочетаться с формой потенциалиса на *-n*, обозначая при этом действие в будущем времени;

¹ Материал собран в ходе экспедиции РГГУ в июле 2010 г. в ауле Хатажукай Шовгеновского района Республики Адыгея.

сказуемое главной клаузы в таком случае принимает суффикс будущего времени *-š't*:

- (2) *se wəne-m s-jə-ha-n-jə č'ale-r*
 я комната-ERG 1SG-LOC-войти-POT-ADD юноша-ABS
qe-tež'ə-š't
 DIR-встать-FUT
 'Я зайду в комнату, и мальчик встанет'.

Форма на *-jə* не сочетается с отрицанием; вместо этого используются другие конструкции.

Все три обсуждаемые показателя возможны в предложениях как с одним, так и с разными субъектами; свойства этих конструкций немного различаются. Так, показатель *-jə* в разно-субъектных конструкциях может выражать как одновременные, так и следующие друг за другом ситуации (3а), тогда как в односубъектных конструкциях — только последовательные (3б):

- (3) а. *bzəlfəve-m ləve-xe-r ə-thač'-jə*
 женщина-ERG тарелка-PL-ABS 3SG.A-мыть-ADD
č'ale-m xeč'ə-r r-jə-xə-в
 юноша-ERG мусор-ABS LOC-3SG.A-вынести-PST
 'Женщина помыла посуду, а мальчик (в то же время/после этого) вынес мусор'.

- б. *č'ale-m wered q-ə-ɽ'ə-jə*
 юноша-ERG песня DIR-3SG.A-говорить-ADD
qe-š'w-a-в
 DIR-танцевать-PST
 'Мальчик спел, а потом станцевал / *станцевал, и при этом пел'.

Показатель *-š* в зависимости от формы глагола, к которой он присоединяется, и от формы сказуемого главной клаузы может выражать одно из трех значений: последовательность, причину или одновременность. Данное распределение можно проиллюстрировать с помощью Таблицы 1. *-š* также может присоединяться к формам с показателем отрицания *-ep*.

«Союзный» показатель *-tjə*, как и *-š*, может присоединяться к формам любых времен. Его основное значение — причинное. Форма на *-tjə* как правило допускается лишь при прошедшем времени сказуемого главной клаузы (4).

Таблица 1. Распределение значений показателя $-š$

Форма глагола зависимой клаузы	Форма глагола главной клаузы	Значение
без показателей	прошедшее время (- <i>ve</i>)	последовательность
потенциалис (- <i>n</i> -)	будущее время (- <i>š'tə</i>)	последовательность
финитная форма: настоящее, будущее (- <i>š'tə</i>), прошедшее (- <i>ve</i>) время	настоящее или будущее время (- <i>š'tə</i>)	причина
настоящее время	статив ('стоять', 'лежать', 'сидеть') в настоящем времени	одновременность

- (4) *č'ale-m məɟerəse ə-šxə-v-ep apjel'sjan*
 юноша-ERG яблоко 3SG.A-есть-PST-NEG апельсин
faje-tjə
 хотеть-CS
 'Мальчик не съел яблоко, потому что хотел апельсин'.

Конструкции с «союзными» показателями проявляют свойства как сочинения, так и подчинения. Они были изучены с точки зрения следующих критериев сочинения/подчинения (см. [Haspelmath 2004; Тестелец 2001]):

- 1) возможность наличия разных субъектов;
- 2) реверсивность: допустимость линейной перестановки с сохранением значения (фактически, речь идет о возможности выразить одновременность ситуаций);
- 3) запрет на гнездование;
- 4) невозможность катафоры;
- 5) возможность наличия более двух конъюнктов;
- 6) ограничение на сочинительную структуру²: в нашем случае — невозможность релятивизации частей конъюнктов.

Как было сказано выше, все три показателя допускают предложения с разными субъектами, что само по себе есть аргумент в пользу сочинения. Показатели $-jə$ и $-š$ в определенных контекстах (см. выше) могут выражать одновременность, следовательно тест на реверсивность частично срабатывает. Для причинного показателя $-tjə$ тест на реверсивность неактуален, поскольку любая перестановка приводит к изменению смысла.

² Тест впервые предложен в работе [Ross 1967].

Все три показателя допускают гнездование, причем в одно-субъектных конструкциях (5) оно лучше воспринимается носителями, нежели в разносубъектных (6):

(5) *č'ale-m məʔerəse-r [təs-jə] ə-šxə-в*
 юноша-ERG яблоко-ABS сесть-ADD 3SG.A-есть-PST
 'Мальчик сел и съел яблоко'.

(6) a. [*č'ale-r wəne-m q-jə-č'-jə*]
 юноша-ABS комната-ERG DIR-LOC-выйти-ADD
 [*pšaše-m məʔerəse ə-šxə-в*]
 девушка-ERG яблоко 3SG.A-есть-PST

b. *ᵑpšaše-m [č'ale-r wəne-m*
 девушка-ERG юноша-ABS комната-ERG
q-jə-č'-jə] məʔerəse ə-šxə-в
 DIR-LOC-выйти-ADD яблоко 3SG.A-есть-PST
 'Мальчик вышел из комнаты, и девочка съела яблоко'.

Катафора (т. е. возможность выразить субъект нулем в первой по порядку клаузе, а полной именной группой во второй [Тестелец 2009]) возможна, когда зависимая клауза предшествует главной, а при обратном порядке — нет³:

(7) a. [*χʷəʎfəve-r_i qale-m kʷ-jə*] \emptyset_i *mašəne*
 мужчина-ABS город-ERG идти-ADD машина
q-ə-š'efə-в
 DIR-3SG.A-купить-PST

b. [\emptyset_i *qale-m kʷ-jə*] *χʷəʎfəve-m_i mašəne*
 город-ERG идти-ADD мужчина-ERG машина
q-ə-š'efə-в
 DIR-3SG.A-купить-PST

c. * [\emptyset_i *mašəne qə-š'efə-в*] [*χʷəʎfəve-r_i*
 машина DIR-купить-PST мужчина-ABS
qale-m kʷ-jə]
 город-ERG идти-ADD
 'Мужчина поехал в город и купил машину'.

³ Это соблюдается для односубъектных конструкций; для разносубъектных данные информантов более противоречивы.

Для показателей *-jə* и *-s* в значении последовательности действий возможны предложения с более чем двумя клаузами: тогда все сказуемые, кроме последнего, маркируются союзным показателем.

Ограничение на сочинительную структуру выполняется довольно последовательно для всех трех показателей: релятивизация из зависимой клаузы невозможна (8b), из главной — возможна с оговорками, воспринимается носителями как неестественная, из обеих частей — однозначно возможна (8c)⁴:

(8) а. *č'ale-r* *apjel'sjən* *feja-ve-tjə* *məʔerəse*
 юноша-ABS апельсин хотеть-PST-CS яблоко
q-ə-šxə-ʋ-ep
 DIR-3SG.A-есть-PST-NEG
 'Юноша хотел апельсин и поэтому не съел яблоко'.

б. **marə* *apjel'sjən-ew* *zə-feja-ve-tjə*
 вот апельсин-ADV RFL-хотеть-PST-CS
č'ale-m *məʔerəse* *qə-mə-šxə-ve-r*
 юноша-ERG яблоко DIR-NEG-есть-PST-ABS
 Ожидаемое значение: 'Вот апельсин, желая который, юноша не съел яблоко'.

в. *marə* *apjel'sjən* *feja-ve-tjə* *məʔarəse*
 вот апельсин хотеть-PST-CS яблоко
qe-zə-mə-šxə-ve *č'ale-r*
 DIR-REL.A-NEG-есть-PST юноша-ABS
 'Вот юноша, который съел яблоко, потому что не хотел апельсин'.

Конструкции с союзными формами глаголов синтаксически проявляют свойства как сложносочиненных, так и сложноподчиненных предложений — явление, наблюдаемое и в других кавказских языках [Testelelets, Kazenin 2004]. Следует заметить, что односубъектные конструкции больше тяготеют к подчинению, нежели разносубъектные (для них не проходит тест на реверсивность, в них более допустимо гнездование).

⁴ Примеры предоставлены Ю. А. Ландером.

Список условных сокращений

A — агенс; ABS — абсолютив; ADD — аддитивность; ADV — адвербиалис; CS — причина; DIR — директивный преверб; ERG — эргатив; FUT — будущее время; LOC — локативный преверб; NEG — отрицание; PL — множественное число; POT — потенциалис; PST — прошедшее время; REL — релятивизатор; RFL — рефлексив; SG — единственное число.

Литература

- Кумахов М. А.* Словоизменение адыгских языков. М.: Наука, 1971.
- Розава Г. В., Керашева З. И.* Грамматика адыгейского языка. Краснодар-Майкоп: Краснодарское книжное издательство, 1966.
- Тестелец Я. Г.* Введение в общий синтаксис. М.: 2001.
- Тестелец Я. Г.* Невыраженные актанты в полипредикативной конструкции // Тестелец Я. Г. (ред.) *Аспекты полисинтетизма: Очерки по грамматике адыгейского языка.* М., РГГУ, 2009.
- Haspelmath M.* Coordinating Constructions: An Overview // Haspelmath M. (ed.). *Coordinating Constructions. Typological Studies in Language 58.* Amsterdam–Philadelphia, 2004.
- Ross J. R.* Constraints on variables in syntax. PhD Thesis, MIT, 1967.
- Testelecs Y. G., Kazenin K. I.* Where Coordination meets Subordination. Converb Constructions in Tsakhur (Daghestanian) // Haspelmath M. (ed.). *Coordinating Constructions. Typological Studies in Language 58.* Amsterdam–Philadelphia, 2004.

Н. А. Зевахина

МГУ, Москва

НЕПРОПОЗИЦИОНАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ: ЭКСКЛАМАТИВЫ, ЭВИДЕНЦИАЛЫ

В недавно опубликованных работах [Murray 2009a, b] на материале шайенского языка (алгонкинская семья языков Северной Америки) было замечено, что значения показателей эвиденциальности (эвиденциалов) не могут подвергаться отрицанию, в отличие от значений остальной части предложения:

(1) ШАЙЕНСКИЙ

A: *É-hó'táheva-séstse Floyd.*

3-победить-RPT.3SG Флойд

‘Говорят, Флойд победил’.

B: # ‘Нет, не говорят’.

B’: ‘Нет, Флойд не победил’.

Те компоненты высказывания, которые можно отрицать, входят в пропозициональное содержание высказывания. Пропозиция, составленная из них, соответствует или не соответствует наблюдаемому положению дел в мире. Значения эвиденциалов нельзя отрицать, и они формируют непропозициональное содержание высказывания.

Кроме того, в случае (2a) и (2b) непропозициональное содержание высказывания ‘я уверен’ ранжирует множества возможных ситуаций, в которых пропозиция р ‘Флойд победил’ истинна или ложна.

(2) a. *É-hó'táheva-∅ Floyd.*

3-победить-DIR Флойд

‘Флойд победил, я уверен’.

b. *É-hó'táheva-séstse Floyd naa + oha*

3-победить-RPT.3SG Флойд но

é-sáa-hó'táheva-he-∅.

3-NEG-победить-NEG.DEP-DIR

‘Говорят, Флойд победил, но я уверен, что он не победил’.

Множество ситуаций, в которых пропозиция *p* истинна, доминирует над множеством событий, где *p* ложна, хотя из (2a) и (2b) вовсе не следует, что *p* истинна или, напротив, ложна. Этот механизм объясняет дейктическую ориентацию высказывания на говорящего, которое содержит эвиденциальный показатель со значением ‘я уверен’ (direct evidential в работе С. Муррэй).

Существует альтернативный анализ экскламативных и эвиденциальных клауз, который был предложен в [Faller 2002]. Его можно было бы назвать иллокутивным, поскольку он основывается на понятии иллокутивной силы. Он не лишен довольно существенных недостатков: вводится новый иллокутивный тип речевого акта для эвиденциалов, а также устраняются условия истинности. Ввиду этого мы склоняемся к подходу, предложенному С. Муррэй.

Показатели экскламации (экскламативы), под которой мы понимаем удивление говорящего по отношению к наблюдаемому им положению дел в мире, нарушающему его ожидания, также выражают непропозициональное содержание высказывания, которое нельзя подвергнуть отрицанию:

(3) японский [Ono 2006]

- A: *John-wa [nante ookina piza]-o*
 Дж-ТОР EXC большой пицца-ACC
tabeta-no-da-roo.
 есть.PST-FIN-FOC-MOOD
 ‘Какую большую пиццу съел Джон!’
- B: # ‘Нет, ты не удивляешься!’
- B’: ‘Не такую уж и большую’¹.

И так же, как и эвиденциалы, экскламативы изменяют Общее Знание, поскольку дейктически ориентированы на говорящего: множество ситуаций, в которых пропозиция *q* ‘Джон съел большую пиццу’ истинна, доминирует над множеством ситуаций, где *q* ложна, хотя опять-таки из (3) не следует, что *q* истинна или ложна.

¹ Здесь отрицание относится не ко всему предложению, а только к прилагательному *большой*. Сентенциальное отрицание *Джон не ел пиццы* неприемлемо в этой ситуации. В докладе мы прокомментируем это различие, ссылаясь на работы Дж. Ретт [Rett 2008a, b].

Далее, не менее животрепещущим вопросом является пресуппозициональность как эвиденциальных, так и экскламативных клауз. Мы полагаем, что и эвиденциальные, и экскламативные клаузы не являются пресуппозициональными.

Касательно эвиденциальных клауз, мы придерживаемся точки зрения С. Муррэй, высказанной ею в работах [Murray 2009a, b], и, вслед за ней, оспариваем точку зрения Л. Мэтьюсон (см., например, [Matthewson et al. 2008]). Аргументация С. Муррэй состоит в следующем: если бы эвиденциальные клаузы были пресуппозициональны, то ожидалось бы, что они вели бы себя так же, как предложения, содержащие фактивные глаголы, сентенциальные актанты которых пресуппозициональны. Сравним грамматичность (4a) и неграмматичность (4b):

(4) а. # *Вася знает, что Солнце вращается вокруг Земли.*

б. *Говорят, что Солнце вращается вокруг Земли.*

Что касается экскламативных клауз, то в литературе существует также два мнения: что экскламативные клаузы пресуппозициональны и что они не пресуппозициональны.

Сторонники первого взгляда (см., например, работы [Michaelis, Lambrecht 1996a, b; Michaelis 2001; Portner, Zanuttini 2000, 2003; Оно 2002, 2006]) исходят из того, что экскламативные клаузы могут выступать в качестве сентенциальных актантов фактивных глаголов:

(5) *Mary knows how very cute he is!*

Букв. 'Мэри знает, как он мил!'

Однако сторонники данного подхода отмечают, что это верно не для всех фактивных предикатов:

(6) # *Mary regrets / thinks / wonders how very cute he is!*

Букв. 'Мэри сожалеет / думает / интересуется, как он мил!'

Тот факт, что экскламативные клаузы могут быть сентенциальными актантами далеко не всех фактивных глаголов, а также подобные и некоторые другие ограничения в языках типа японского и каталанского дают почву для сомнения в истинности данного утверждения. Кроме того, возникает вопрос, почему даже в английском экскламативная клауза неграмматична, будучи

сентенциальным актантом фактивного глагола *know* под отрицанием:

- (7) # *Mary does not know how very cute he is!*
Букв. 'Мэри не знает, как он мил!'

Авторы работ [Rett 2008a, b; Miró 2006] придерживаются второй точки зрения. Так, Дж. Ретт ([Rett 2008a, b]) полагает, что пропозиция, содержащая экскламатив, не пресуппозициональна, поскольку она не удовлетворяет тесту на пресуппозицию «Эй, подожди!», предложенному в работе [von Stechow 2004]:

- (8) А: *Какая она высокая!*
В: # *Эй, подожди, не такая она и высокая!*²

Е. Мирó в работе [Miró 2006] считает, что пропозициональное содержание экскламативов не ассерцируется, а является фоновым, поскольку говорящий считает его данным и с помощью него вносит новую информацию в Общее Знание, которая состоит в передаче эмоционального состояния говорящего. Однако остается непонятным, является ли фоновое знание пресуппозициональным или нет.

При этом оба подхода признают, что экскламативные клаузы являются дейктически ориентированными на говорящего и что говорящий выражает в них свое удивление на то, что его ожидания не соответствуют наблюдаемому положению дел в мире.

Мы придерживаемся второго подхода к анализу экскламативных клауз (экскламативные клаузы не пропозициональны), который, однако, только критикует первый, но не предлагает нового объяснения. Итак, мы полагаем, что различие пропозиционального и непропозиционального содержания высказывания является правильным решением следующих вопросов: невозможность подвергнуть отрицанию компонент удивления говорящим; непресуппозициональность экскламативных клауз; дейктическая ориентация экскламативного высказывания на говорящего.

² Пример (8) является адаптацией англоязычных примеров Дж. Ретт ([Rett 2008a, b]). Заметим, что он соответствует примеру (3), что подтверждает общую гипотезу данной статьи — выражения экскламативами непропозиционального содержания высказывания.

Помимо экскламативных клауз, данный подход позволяет включить в общее рассмотрение аппозитивные относительные клаузы и различного рода вводные предложения и слова, объединенные общим названием «конвенциональные импликатуры», которым посвящена диссертация [Potts 2005].

Важно отметить, что в случае, когда эвиденциалы совмещают значения эвиденциальности со значениями эпистемической модальности (напр., русск. *похоже*), их значения должны иметь две части, соответствующие двум компонентам высказывания.

Список условных сокращений

ACC — аккузатив; DIR — прямая засвидетельствованность; EXC — экскламатив; FIN — финитность; FOC — фокус; MOOD — наклонение; NEG — отрицание; NEG.DEP — зависимое отрицательное спряжение; PST — прошедшее время; RPT — косвенная засвидетельствованность (репортатив); SG — единственное число; TOP — топик.

Литература

- Faller M. T.* Semantics and Pragmatics of Evidentials in Cuzco Quechua. PhD Thesis, Stanford University, 2002.
- Matthewson L., Rullmann H., Davis H.* Evidentials as Epistemic Modals: Evidence from St'at'imcets // Craenenbroeck J. van (ed.). Linguistic variation yearbook 7. Amsterdam, 2008.
- Michaelis L.* Exclamative constructions // Haspelmath M., König E., Oesterreiche W., Raible W. (eds.). Language Typology and Language Universals. An International Handbook. Berlin, 2001.
- Michaelis L., Lambrecht K.* Towards a construction-based theory of language function: The case of nominal extraposition // *Language* 72 (2), 1996a.
- Michaelis L., Lambrecht K.* The exclamative sentence type in English // Goldberg A. E. Conceptual structure, discourse and language. Stanford, CA, 1996b.
- Miró E. C.* Wh-exclamatives in Catalan. PhD Thesis, Universitat de Barcelona, 2006.
- Murray, S. E.* A Hamblin Semantics for Evidentials // Ito S. and Cormany E. (eds.). Proceedings from Semantics and Linguistic Theory XIX. Ithaca, NY, 2009a.
- Murray, S. E.* Evidentials and Questions in Cheyenne // Lima S. (ed.). Proceedings of SULA5: Semantics of Under-Represented Languages in the Americas. Amherst, MA, 2009b.

- Ono H.* Exclamatory sentences in Japanese: A preliminary study // Otsu Y. (ed.). The proceedings of the third Tokyo Conference on Psycholinguistics. Tokyo, 2002.
- Ono H.* An Investigation of Exclamatives in English and Japanese: Syntax and Sentence Processing. PhD Thesis, University of Maryland, 2006.
- Portner P., Zanuttini R.* The force of negation in wh exclamatives and interrogatives // Horn L. R., Kato Y. (eds.). Studies in negation and polarity: Syntactic and semantic perspectives. NY–Oxford, 2000.
- Portner P., Zanuttini R.* Nominal exclamatives in English // Stainton R., Elugardo R. Ellipsis and non-sentential speech. Dordrecht, 2005.
- Potts C.* The Logic of Conventional Implicatures, Oxford Studies in Theoretical Linguistics. Oxford, 2005.
- Rett J.* Degree Modification in Natural Language. Unpublished PhD Thesis. University of Rutgers, 2008a.
- Rett J.* A degree account of exclamatives // Proceedings from Semantics and Linguistic Theory XVIII. Ithaca, NY, 2008b.
- von Stechow K.* Would you Believe It? The King of France is Back! (Presuppositions and Truth-Value Intuitions) // Reimer M., Bezuidenhout A. (eds.). Descriptions and Beyond, Oxford, 2004.

Е. В. Кашкин, Е. К. Павлова

МГУ, Москва

СЕМАНТИКА ГЛАГОЛОВ ЗВУКА В КОМИ-ЗЫРЯНСКОМ И ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКАХ

1. Введение

Наша работа посвящена семантике глаголов, описывающих звуки, издаваемые неодушевленными предметами, в тегинском говоре хантыйского языка и мужевском говоре коми-зырянского языка¹. Глаголы человеческой речи и звуков животных в работе не рассматриваются.

Материал собран по анкете, отправной точкой для составления которой стали исследования семантических, сочетаемостных, диатетических и деривационных свойств глаголов звука в русском языке ([Падучева 2004; Стойнова 2008]; ряд статей из [Апресян (ред.) 2004]) как в языке, родном для авторов работы. Анкета содержит естественные для информанта фреймы, которые он описывает, используя глаголы звука. Основные разделы анкеты — звук трения и прогиба твердых объектов («скрип»); звук трения мягких объектов («шуршание/шелест»); звук, прототипически возникающий при деформации объектов («треск»); звук удара; звук жидкости.

Далее обсудим некоторые из наших результатов, следуя пунктам анкеты.

2. Скрип

В коми-зырянском языке скрип описывается глаголами *v'ičkny* и *d'urtny*. Различительным параметром оказывается способ производства звука: если *v'ičkny* предполагает звук трения твердых предметов (скрип зубов, ржавого замка, ножниц), то *d'urtny* — звук, возникающий при давлении на твердый предмет и его прогибе

¹ Коми-зырянский материал собран в с. Мужы Шурышкарского района ЯНАО, хантыйский — в с. Теги Березовского района ХМАО. Исследование хантыйского языка поддержано грантом РГНФ № 10-04-18022е.

(скрип половиц, сапог, дерева при сильном ветре). При совмещении этих видов воздействия (как при скрипе двери или колеса телеги, когда имеет место и трение, и давление) допустимы оба глагола. Обозначенное различие иллюстрируется в (1) и (2): в обоих случаях речь идет о скрипе снега, но в (1) звук может быть вызван и трением полозьев о снег, и давлением саней, тогда как в (2) более вероятно ситуация давления и потому сомнителен глагол *v'ičk'-e/d'urt-e*.

- (1) *lymj-ys* *dod' ul-as* *v'ičk'-e/d'urt-e*
 снег.OBL-POSS3SG сани низ-ESS.POSS3SG скрипеть-PRS.3SG
 'Снег под санями скрипит'.
- (2) *kok ul-am* *lymj-ys* *d'urt-e/?v'ičk'-e*
 нога низ-ESS.POSS1SG снег.OBL-POSS3SG скрипеть-PRS.3SG
 'Под ногами снег скрипит'.

В хантыйском языке контексты скрипа также допускают два глагола — *s'āriti* и *šixarti*, но их различие определяется в первую очередь не способом возникновения звука, как в коми-зырянском, а его качеством: *s'āriti* описывает монотонный длительный резкий звук трения металла (скрип замка, железных дверных петель, но не зубов и не ножниц), а *šixarti* — более короткий, неравномерный и достаточно громкий звук при трении твердых предметов (зубов; костей пожилого человека) или нажмем на них (половицы, сапоги).

3. Шуршание/шелест

В коми-зырянском языке ситуации трения мягких объектов требуют звукоподражательных глаголов на *šar-* (например, *šarrakyuny*), примером чему служат фреймы шуршания и шелеста листьев дерева, травы, бумаги и одежды, а также звука сыпучей массы (например, гальки) под ногами.

Что касается хантыйского языка, то и в нем все эти фреймы описываются отдельным глаголом — *šül'iti*, имеющим, однако, ряд отличий от коми-зырянских глаголов на *šar-*. Во-первых, в некоторых употреблениях *šül'iti* вовсе не предполагает порождения звука, а просто описывает осыпание какой-либо массы, как снега или муки, что нехарактерно для *šarrakyuny*. Во-вторых, *šül'iti*, в отличие от глаголов на *šar-*, применяется и к звуку соударений некоторых мелких предметов: ключей или монет в кармане, золотых цепочек на шее,

осколков стекла, но, что интересно, не колокольчика и не мелкой посуды. Для *šil'iti*, таким образом, более важны топологические свойства объекта: связка ключей, горсть монет, цепочка и масса осколков стекла сближаются с мягкими объектами по признаку непостоянства своей формы, будучи тем самым противопоставлены «цельным» твердым объектам, таким как колокольчик и некрупная посуда. Для коми-зырянского же языка в данном случае первостепенен параметр качества звука, поэтому соударения мелких предметов в нем описываются независимо от их топологических характеристик не глаголами на *šar-*, а другими глаголами — на *z'il'*- или *br'in-*.

4. Треск

Коми-зырянский язык отличается богатой системой глаголов треска: *p'erččakuynu*, звукоподражательных на *čaž-* и на *rač-*, *dz'izgynu*, *rusjynu*.

Для глагола *p'erččakuynu* основной фрейм — горение сухих дров; описывает он и звук натяжения ткани, как в (3).

- (3) *darem-ys* *d'ol'a-džyk*, *i kunul-ys*
 рубашка-POSS3SG маленький-CMPR и подмышка-POSS3SG
p'erččakyl-e
 трещать-PRS.3SG
 'Рубашка маленькая и под мышками трещит'.

Звук же разрывания ткани будет назван не глаголом *p'erččakuynu*, а глаголами на *čaž-* (например, *čažvartny* 'резко разорвать с треском').

Еще одна серия звукоподражательных глаголов — на *rač-* — покрывает фреймы разделения твердого объекта (палки, льда под ногами, разгрызание сухарей), а также щелчков пальцами и треска деревянного дома при сильном морозе (как в (4)).

- (4) *k'erka-ys* *kəd'id-nas* ***raččakyl-e***
 дом-POSS3SG холод-INSTR.POSS3SG трещать-PRS.3SG
 'Дом от холода трещит'.

Наконец, в коми-зырянском есть еще два глагола с более узкой семантикой: *dz'izgynu*, базово применяемый к звуку жидкости при высокой температуре (например, масла на горячей сковороде),

и *rusjny*, обозначающий звук поедания животным грубого корма (например, сена).

Суммируя описание коми-зырянских глаголов треска, отметим, что в этом языке, во-первых, особо маркируется звук в некоторых ситуациях еды (глагол *rusjny*); во-вторых, значимы топологические свойства источника звука (по-разному описываются звуки жидкостей, разрушения мягкого объекта и разрушения твердого объекта); в-третьих, важны подразделимость звука на кванты и их частота (что вытекает из сопоставления глагола *p'erččakuyny*, обозначающего частое потрескивание горящих дров и, как следствие, тоже характеризующийся высокой частотой квантов звук растяжения ткани, и глаголов на *rač-*, предполагающих меньшую частоту квантов и, соответственно, применяющихся к треску дома на морозе и щелчкам пальцев).

Хантыйский язык, как и коми-зырянский, закрепляет за отдельным глаголом — *mürnäl'ti* — звук поедания грубой пищи, но при этом семантика *mürnäl'ti* не тождественна коми-зырянскому *rusjny*. Хантыйский глагол описывает не только съедание сена и подобных материалов (как *rusjny*), но и разгрызание человеком или животным любой твердой пищи (например, сухарей).

В целом же семантическая зона треска в хантыйском покрывается одним глаголом — *lö'titi*, что контрастирует с разнообразием коми-зырянской системы. Важно, однако, что исходно *lö'titi* описывает частые удары либо хлопки (крыльев чайки, как в (5); куртки на ветру, отклеившегося объявления), и этот факт принципиален для системы его употреблений.

- (5) *xalev'ik'-en kamən s'i lö'ti-il*
 халей-POSS2SG на.улице ЕМРН хлопать-PRS.3SG
 'Халей (большая чайка) на улице хлопает (крыльями)'.

Глагол *lö'titi* используется, когда звук включает хорошо различимые кванты (хлопки, щелчки и т. п.): прототипически это горение сухих дров, а также щелканье пальцами, треск дома на морозе и пригорающего масла. Употребление же *lö'titi* по отношению к звукам, у которых не вычленяется таких квантов, оказывается заблокированным, а сам звук описывается аналитической конструкцией, как в (6) и (7). По поводу примера (6) поясним, что использованный в нем глагол *mčremä'ti* 'ломать' предполагает мгновенное разде-

ление объекта, исключаящее звук со множественными квантами; к звуку же «длительного» разламывания глагол *lōtiti* применим.

(6) *jǐx mǎr-emǎ-tǐ sij*
палка ломать-PUNCT-INF звук
'Звук переламывания палки'.

(7) *per'ek manšǐ-tǐ sij*
бумага рвать-INF звук
'Звук разрывания бумаги'.

5. Заключение

Выше были проанализированы некоторые группы коми-зырянских и хантыйских глаголов звука. Освещенный в настоящей работе материал (с учетом еще и исследований русского языка, привлекавшихся при составлении анкеты) демонстрирует, что разные языки, во-первых, выделяют во многом одни и те же лексически значимые звуковые ситуации и, во-вторых, в членении набора этих ситуаций, организующем систему глаголов звука, проявляют как немалые сходства, так и существенные различия — что делает осмысленной и весьма актуальной задачу построения типологии, нацеленной на поиск параметров и границ варьирования этих систем.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; CMPR — сравнительная степень; EMPH — эмфатическая частица; ESS — эссив; INF — инфинитив; INSTR — инструменталис; OBL — косвенная основа; POSS — посессивное склонение; PRS — настоящее время; PUNCT — пунктив; SG — единственное число.

Литература

- Апресян Ю. Д.* (ред.) Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.-Вена, 2004.
- Падучева Е. В.* Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Стойнова Н. М.* Семантика и морфосинтаксические свойства глаголов звука в русском языке. Дипломная работа. М., 2008.

П. Л. Кебец

МГУ, Москва

МАРКЕРЫ ПЕРЕХОДА ХОДА В ДИСКУРСЕ РУССКОГО ЖЕСТОВОГО ЯЗЫКА

В данной статье будет проведена попытка дать начальную характеристику стратегии многоканальных поведений, которыми характеризуются определенные стадии диалога, на материале русского жестового языка (далее РЖЯ).

Исследование маркеров перехода хода проводилось на материале американского жестового языка (American Sign Language, ASL) (см. [Baker 1977]). Данная работа представляет собой попытку провести подобное исследование на материале РЖЯ.

В [Sacks et al 1974] механизм смены коммуникативных ролей называется *turn-taking*. Мы используем для обозначения этого явления термин *переход хода*. Собственно *ход* — это реплика одного из участников речевого акта, не прерываемая другим.

Далее будет показано, какие маркеры можно выделить в дискурсе РЖЯ и какое они занимают место в системе перехода хода.

1. Устройство диалога

С точки зрения взаимодействия адресанта и адресата¹ можно выделить следующие стадии диалога:

- инициация (*initiation*) — как адресант начинает переход хода и как адресат вызывает отклик у адресанта;

¹ Традиционно различаются два главных участника речевого акта: *говорящий* (тот, кто порождает данный текст) и *адресат* (тот, для кого говорящий предназначает данный текст). Однако поскольку в настоящей работе речь идет о носителях жестового языка, то не очень ясно, насколько уместным является употребление термина *говорящий*. Поэтому в качестве компромиссного решения в данной работе воспользуемся терминами *адресант* и *адресат*. В тех случаях, когда различие между участниками речевого акта будет несущественно или очевидно, в данной работе также может использоваться термин *локуторы*.

- продолжение (continuation) — как адресант сообщает, что продолжит речь после небольшой паузы, и как адресат показывает, что слушает и что адресант может продолжать;
- переключение (shift) — как адресант сигнализирует об окончании высказывания и как адресат высказывает желание переменить свою роль [Wiener, Devoe 1974].

2. Маркеры перехода хода

Маркерами в данном случае называются те кванты поведения артикуляторных органов, которые сами по себе не имеют лексического или грамматического значения, но помогают регулировать отношения между локуторами в диалоге. Этот набор не является строго регламентированным, однако некоторые маркеры встречаются достаточно регулярно.

В результате исследования в качестве маркеров перехода хода были выделены особые движения рук, головы и направление взгляда.

2.1. Движение рук

Несмотря на то, что руки являются основным речепорождающим органом у носителей ЖЯ, некоторые движения рук могут также выполнять функции маркеров. В их числе движение рук относительно позиции покоя и паузация.

2.1.1. Позиция покоя

Периоды активности рук сменяются периодами покоя. Однако, как отмечается в [Baker 1977], существует три различные позиции покоя:

- *позиция полного покоя* (full-rest) — максимально расслабленное положение, при котором адресат внимателен к говорящему и не готовится физически к порождению жеста;
- *позиция полупокоя* (half-rest) — руки адресата находятся в районе пояса, а ладони повернуты к собственному телу;
- *позиция четвертьпокоя* (quarter-rest) — одна из рук адресата (руки все еще в состоянии покоя), чаще домини-

нантная, находится заметно выше пояса, недалеко от нейтральной позиции².

Перемещение руки из одной позиции в другую может свидетельствовать о намерении одного из локуторов сменить свою коммуникативную роль.

2.1.2. Паузация

В [Прозорова 2008] отмечено, что в потоке речи в рамках одного высказывания часто можно наблюдать «контраст между двумя последовательными отрезками жестовой речи — контраст между движением и отсутствием движения; контраст между четкой и расслабленной конфигурацией руки», который воспринимается как пауза.

В РЖЯ пауза может выражаться как материально в виде удержания последнего жеста или неопределенного движения рук(и) в жестовом пространстве, так и нематериально.

2.2. Взгляд

Взгляд как маркер перехода хода охватывает широкий спектр функций. Например, он может выступать в качестве просодического оформления высказывания.

Если для утвердительных высказываний и специальных вопросов более характерен –ВЗГЛЯД (случаи, когда взгляд локутора в момент общения отводится в сторону) в начале высказывания, то для общих вопросов более типичен +ВЗГЛЯД (случаи, когда взгляд локутора обращен к собеседнику) (см. [Baker 1977]).

Кроме того, взглядом может маркироваться и непосредственный адресат высказывания, когда в диалоге участвует более трех локуторов.

2.3. Кивки

Наиболее характерной функцией кивков является сигнал обратной связи. Сигналами обратной связи (backchannel signals, backchannels) именуется сигналы, которые являются речепорож-

² «Нейтральное (жестовое) пространство определяется как пространство перед адресантом, в котором жест выполняется без контакта руки с телом (за исключением контакта кистей рук друг с другом)» [Прозорова 2007].

дениями со стороны адресата, но вместе с тем показывают, что адресат не хочет брать на себя роль адресанта [Taboada 2006].

Адресат выполняет периодические легкие скачкообразные движения головой. Тем самым он сообщает, что коммуникативный акт успешен и что адресанту стоит продолжать свое высказывание.

Иногда перед началом реплики адресат начинает с большей интенсивностью в скорости, амплитуде и количестве движений кивать, тем самым обозначая, что ему все понятно и он готов перейти к более активным действиям.

Рассмотрев маркеры передачи хода на примерах, можно перейти к рассмотрению занимаемого ими места в диалоге.

3. Место маркеров в диалоге

В [Baker 1977] приводится подробное сопоставление конкретных маркеров и стадий диалога для ASL. В представленной далее схеме показано, как выглядит эта корреляция в РЖЯ.

1. Инициация

а. Адресант

- i. «поднятие» рук из позиции покоя;
- ii. (обращение), касание/помахивание рукой перед адресатом с целью привлечения его внимания;
- iii. –ВЗГЛЯД с началом иллокутивного высказывания (после того, как адресант убеждается, что внимание адресата завоевано);
- iv. +ВЗГЛЯД при общем вопросе;

б. Адресат

- i. +ВЗГЛЯД;
- ii. сохранение неактивности (т. е. неиспользование жестов);

2. Продолжение

а. Адресант

- i. –ВЗГЛЯД;
- ii. невозвращение в позицию покоя:
 1. факультативное заполнение паузы движением, показывающим размышление (взгляд вверх; легкое движение указательного пальца или ладони);

2. факультативное удержание последнего выполненного жеста (на протяжении паузы);

в. Адресат

- i. сохранение +ВЗГЛЯД;
- ii. легкие скачкообразные изменения физического положения (кивки; лицевая активность, выражающая удивление, согласие, неуверенность, недостаточное понимание и т. д.);
- iii. факультативное указательное движение в сторону говорящего после каждой пропозиции;
- iv. факультативное краткое повторение некоторых жестов адресанта;

3. Переключение

а. Адресант

- i. +ВЗГЛЯД;
- ii. факультативная попытка вызвать отклик у адресата:
 1. открытая ладонь и опускание рук(и);
 2. указание на адресата в конце реплики;
 3. удержание последнего жеста (как вопрос);
- iii. возвращение в позицию покоя;

в. Адресат

- i. возможное увеличение амплитуды и частоты кивков, часто сопровождаемое возрастанием амплитуды и частоты указаний на адресанта;
- ii. движение из состояния покоя с целью обратить внимание адресанта на себя: может включать указание, прикосновение, помахивание рукой перед адресантом;
- iii. –ВЗГЛЯД в тот момент, когда адресант +ВЗГЛЯД;
- iv. начало реплики (перебивание) и повторение нескольких первых жестов до тех пор, пока адресант не перейдет к +ВЗГЛЯД и не уступит слово или пока адресант не подавит данный запрос роли.

Выводы

По итогам работы был сделан вывод, что маркеры перехода хода присутствуют на всех стадиях диалога. Это утверждение верно как для адресанта, так и для адресата. Важно отметить, что похожая система маркеров перехода хода характерна не только для РЖЯ, но также и для американского жестового языка (см. [Baker 1977]). Однако между ними есть и отличия, как, например, +ВЗГЛЯД во время специального вопроса в РЖЯ, или использование адресатом открытой ладони как маркера переключения в ASL.

Литература

- Прозорова Е. В.* Российский жестовый язык как предмет лингвистического исследования // Вопросы языкознания. 2007. №1.
- Прозорова Е. В.* Транскрипция как средство анализа пауз в русском жестовом дискурсе // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 4–8 июня 2008 г.). Вып. 7 (14). М., 2008.
- Baker C.* Regulators and Turn-taking in American Sign Language Discourse // Friedman L. A. (ed.). On the Other Hand: New Perspectives on American Sign Language. NY, 1977.
- Sacks H., Schegloff E., Jefferson G.* A Simplest Systematics for the Organisation of Turn-Taking for Conversation // Language 50 (4-1), 1974.
- Taboada M.* Spontaneous and non-spontaneous turn-taking // Pragmatics 16 (2–3), 2006.
- Wiener M., Devoe S.* Regulators, channels and communication disruption. Research proposal, Clark University, 1974.

M. Yu. Knjazev

UiL OTS, Utrecht

NULL DEMONSTRATIVES IN NOMINALIZED CLAUSES AND THE ECONOMY PRINCIPLE

Let's start with a contrast first noted by [Švedova 1982] that *that*-clauses in Russian can be “doubled” by a demonstrative pronoun if this pronoun carries oblique case but (generally) can not be doubled if that pronoun carries accusative case. The clause can (and, in fact, must) be doubled only if it receives a contrastive focus stress. The whole paradigm is illustrated in (1):

- (1) a. *Ja pomnju (o tom), čto Petja ljubit Mašu.*
I remember (about it.LOC) that Peter loves Masha
'I remember that Peter loves Mary'.
- b. *Ja znaju (*to), čto Vanja pobil Petju.*
I know it.ACC that John beat Peter
'I know that John has beaten Peter'.
- c. *Ja znaju tol'ko *(TO), čto Vanja pobil Petju.*
I know only it.ACC that John beat Peter
'I only know that John has beaten Peter'.

The question then is what accounts for the contrast between (1a) and (1b). Let's first observe the intuition that the “doubled” version of (1b), is not radically bad. In the Minimalist framework of [Chomsky 1995] this intuition might be interpreted as economy violation as opposed to convergence violation (under the assumption that the latter tend to be more severe than the former). The “doubled” version then should be less economical than the “bare” version of it.

If this approach is on the right track, we have two theoretical options, namely, either the “bare” version of (1b) lacks demonstrative element altogether (so that having it is uneconomical) or it contains an unpronounced version of the demonstrative element (so that having a pronounced version of it is uneconomical).

I am going to pursue the second option since it makes possible to state the relevant economy condition at work straightforwardly, namely, that, as suggested by Chomsky in the 1995 book (to account for absence of a pronounced complementizer in English root clauses), the operation Merge (on a par with Move) might be subject to Procrastinate, so that Merging a silent version of an element is more economical than the pronounced one thereof.

Parsing the demonstrative pronoun as a D head (having CP as its complement in [Kayne 1994] fashion), the proposal then would be that (1b) has underlying structure as in (2).

- (2) *Ja znaju*, [_{DP}D [_{CP} *čto Vanja pobil Petju*]].
I know that John beat Peter
'I know that John has beaten Peter'.

One of the advantages of this structure is that it explains how clauses can check (accusative) case features of a verb and at the same time appear in case-less positions. This would be conditioned by absence or presence of a D head. (Cf. [Bošković 1995] idea that it is conditioned by the absence/presence of a case feature on the complementizer.) A similar structure for English clauses has been a. o. proposed by [Takahashi 2010] (and references therein) for independent reasons although there it is assumed only for dislocated clauses.

The immediate question this structure raises is the following. If we have a silent D head preceding the clause, then the ungrammaticality of a clause being a complement of a preposition (at least in Russian and English) becomes a mystery since there is no obvious reason why a preposition wouldn't have a DP as its sister.

- (3) **Ja pomnju o* [_{DP}D, *čto Petja ljubit Mašu*].
I remember about that Peter loves Masha
'I remember that Peter loves Mary'.

One of the accounts for this ungrammaticality is due to [Pesetsky 2010], who claims that prepositions require that their complements bear phi-features, whereas clauses don't bear phi features (as claimed a. o. in [Iatridou, Embick 1997]). Under the structure in (1b) this explanation is apparently lost since determiners are standardly assumed to bear phi-features. What I am going to do, however, is to claim that silent D (at least the version of it used in (2)) in Russian

lacks phi-features. Thus we can maintain Pesetsky's account for (3) as well as for the D-less version of it.

Since (3) is ungrammatical (presumably, non-convergent), no question arises with respect to compliance to economy of the "doubled" version of (1a). The same is true for (1c), the silent version of which is ungrammatical presumably because silent element can't bear focus stress.

A further question is why bare indicative CPs can't function as subjects in Russian, as in (4), whereas can be topicalized, as in (4).

(4) *(*To*), *čto* *Vanja* *pobil* *Petju*, *menja* *udivilo*.
it.NOM that John beat Peter me surprised
'That John beat Peter surprised me'.

(5) *Čto* *Vanja* *pobil* *Petju*, *ja* *znaju*.
that John beat Peter I know
'That John beat Peter I know'.

The question is what accounts for the contrast in grammaticality between the "bare" versions of (1b) and (4). Let's assume that since in Russian there is no object agreement, (the head of) the object may bear phi-features optionally, which, I propose, is the case in (1b), whereas subject agreement must be triggered by an element bearing phi-features, therefore both silent D and lack of D altogether is precluded, and again no issue of economy arises.

Another empirical problem is why overt demonstratives bearing oblique case assigned by the verb are acceptable, as (6) shows.

(6) *Ja* *udivilsja* (*tomu*), *čto* *Petja* *ljubit* *Mašu*.
I was.surprised (it.DAT) that Peter loves Masha
'I was surprised that Peter loves Mary'.

Under the advocated approach, (6) should not contain a silent D head, otherwise the "doubled" version of (6) would be ruled out by economy. The question then is what forces it. One possibility is that silent D may not check oblique case features. Note that if that is true then this rules out (3) as well (so that it has a double source of ungrammaticality). Another possibility is that in (6) oblique case is assigned by a silent prepositional head so that the non-occurrence of a silent D in (6) has the same source as in (3).

Independent support for the claim that the silent D might have features different from those of the overt one comes from free relatives.

Russian free relatives involving a nominative counterpart of *what* may optionally have a D head in accusative environments, as in (7a)

- (7) *Petja vzjal [?](to), čto ležalo na stole.*
Peter took it.ACC what lay on table
'Peter took what was on the table'.

However, if the matrix verb subcategorizes for an animate (neuter) object, the D becomes obligatory, as in (8).

- (8) *Petja udaril *(to), čto sidelo na ego krovati.*
Peter beat it.ACC what sat on his bed
'Peter beat what was sitting on his bed'.

Although (8) is pragmatically odd, still the contrast between "doubled" and "bare" versions of it hold.

The contrast between (7) and (8) might be accounted for if silent D lacks [Person] feature required for the convergence of (8).

So, the claim that embedded clauses are headed by a silent D lacking phi-features seems compatible with the data (although not strictly speaking entailed by them) and gives an account of the contrast between (1a) and (1b), which is minimalist in spirit. A broader question this discussion might bear on is whether there are differences in feature content between pronounced and unpronounced functional elements.

References

- Bošković Ž.* Case properties of clauses and the Greed Principle // *Studia Linguistica* 49, 1995.
Chomsky N. The minimalist program. Cambridge, MA, 1995.
Iatridou S., Embick D. Apropos pro // *Language* 73, 1997.
Kayne R. The antisymmetry of syntax. Cambridge, MA, 1994.
Khomitsevich O. Dependencies across Phases: From Sequence of Tense to Restrictions on Movement. Utrecht: PhD Thesis, 2007.
Pesetsky D. LOT course handout, 2010.
Švedova N. J. (ed.). *Russkaja grammatika* [Russian grammar]. Moscow, 1982.
Takahashi S. The hidden side of clausal complements // *Natural Language & Linguistic Theory* 28, 2010.

О. В. Кузнецова

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

ПЕРЕХОД ПОСТГЛАГОЛЬНОГО МЕСТОИМЕНИЯ В ЯЗЫКЕ ГУРО В ТОНАЛЬНУЮ МОРФЕМУ¹

В языке гуро тоны глагольной основы участвуют в выражении ТАМ-категорий и полярности наряду с местоимениями и показателями конструкций. Глаголы делятся на 11 групп (тональных классов), в зависимости от того, каким образом они изменяют тоны глагольной основы в различных грамматических контекстах.

В некоторых случаях тоны глагола зависят не только от грамматической конструкции, в которой он употреблен, но также от левого фонетического контекста. Начальный тон глагола либо тоны всей глагольной основы уподобляются конечному тону предшествующего слова. Для переходных глаголов это чаще всего прямое дополнение, для непереходных — подлежащее или показатель конструкции. Вслед за [Перехвальская 2004] мы будем называть такой тип изменения тонов «мобильной парадигмой».

У некоторых тональных классов глаголов все формы образуются по константной модели (*díá* ‘падать, ронять’, тональные классы 7–10); у других классов по мобильной модели образуется часть форм, в частности, отрицательный имперфектив (*béí* ‘лечить(ся)’, тональные классы 1–6); в особый тональный класс выделяются глаголы, образующие почти все формы по мобильной модели (*bèì* ‘промахиваться’, класс 11).

Константная модель: *díá* ‘падать, ронять’ (класс 8)

(1) Прогрессив:

<i>È</i>	<i>à</i>	<i>à²</i>	<i>díá</i>	<i>lâ</i>
3SG.SBJ	3SG.NSBJ	COP	падать	PROG

‘Он его роняет’.

¹ Данная работа выполнена при поддержке Минобрнауки РФ, государственный контракт № 02.740.11.0595.

² Чаще всего вместо последовательности *è à à* (3SG.SBJ + 3SG.NSBJ + PROG) используется контрактивная форма местоимения: *yàà*.

- (2) Перфектив:
È à dìá.
3SG.SBJ 3SG.NSBJ падать.PFV
'Он его уронил'.
- (3) Имперфектив:
È à dîā-ā.
3SG.SBJ 3SG.NSBJ падать-IPFV
'Он его роняет (обычно)'.
- (4) Отрицательный имперфектив:
È ká à dîā-ā lō.
3SG.SBJ NEG 3SG.NSBJ падать-IPFV NEG
'Он его не роняет'.

Частично мобильная модель: **bélí** 'лечить(ся)' (класс 5)

- (5) Прогрессив: Yàà **bélí lā**. 'Он его лечит'.
- (6) Перфектив: È à **bélí**. 'Он вылечил его'.
- (7) Имперфектив: È à **bélí-ē**. 'Он лечит его (обычно)'.
- (8) Отрицательный имперфектив:
- a. È **ká à bēlì-è lō**. 'Он не лечит его'.
- b. È **ká bī bēlì-è lō**. 'Он не лечит людей'.
- c. È **ká ā tí bēlì-è lō**. 'Он не лечит моего отца'.

Мобильная модель: **bèlì** 'промахиваться' (класс 11)

- (9) Прогрессив:
- a. È à **gàn bēlì lā**. 'Он не попадет в антилопу'.
- b. È à **bālē bēlì lā**. 'Он не попадет в курицу'.
- c. È à **gōlí bēlì lā**. 'Он не попадет в леопарда'.
- (10) Перфектив:
- a. È **gà bēlì**. 'Он не попал в антилопу'.
- b. È **bālē bēlì**. 'Он не попал в курицу' и т. д.
- (11) Имперфектив:
- a. È **ga bēlì-a**. 'Он не попадает в антилопу'.
- b. È **bālē bēlì-a**. 'Он не попадает в курицу' и т. д.

(12) Отрицательный имперфектив:

- a. È *ká gâ bèlì-à lō*. ‘Он не промахивается мимо антилопы’.
 b. È *ká bālē bèlì-à lō*. ‘Он не промахивается мимо курицы’ и т. д.

Несубъектное местоимение 3SG занимает особое место в системе местоимений гуру. Ему больше других местоимений свойственно вступать в контракции с другими местоимениями и грамматическими показателями.

При этом контракции, в которые вступает это местоимение, относятся к типу «структурно необусловленных» [Кузнецова 2008], т. е. не подчиняются универсальным фонетическим правилам редукции, действующим в гуру. Универсальные правила предполагают регрессивную ассимиляцию гласных, распространение признака назальности на соседние гласные (если хотя бы один из гласных — носовой) и сокращение последовательности гласных (13).

(13) *Wò à gū lā*. *wò à → wàà*
 3PL COP идти PROG
 ‘Они идут’.

Общее правило контракции местоимений с несубъектным местоимением 3SG можно описать следующим образом: местоимение 3SG исчезает, а тон предшествующего местоимения становится низким (15). В отдельных случаях происходит и ассимиляция гласного (14).

(14) *Wò à dǎ*. *wò à → wà*
 3PL 3SG.NSBJ класть.PFV
 ‘Они положили его’.

(15) *Kū à dǎ*. *kū à → kù*
 1PLEX 3SG.NSBJ класть.PFV
 ‘Мы положили его’.

Оказываясь в позиции косвенного дополнения (т. е. справа от глагола), местоимение 3SG также может терять свою сегментную базу, изменяя при этом тон глагола. В этом случае оно приобретает статус тональной морфемы.

«Стандартные» и слитные формы находятся в отношении свободного варьирования.

- (16) a. È *diá* à *tà*.
 3SG.SBJ падать.PFV 3SG.NSBJ на
 = b. È *diā* *tā*.
 3SG.SBJ падать.PFV.3SG.NSBJ на
 ‘Он упал на него’.

У глаголов, которые образуют часть форм по мобильной парадигме (в тональных классах типа *béli*), слияние местоимения с глаголом влечет для ряда форм смену модели с константной на мобильную.

- (17) a. È à *bēlī-ē* à *yā*.
 3SG.SBJ 3SG.NSBJ лечить-IPFV 3SG.NSBJ с
 = b. È à *bēlī-è* *yā*.
 3SG.SBJ 3SG.NSBJ лечить-IPFV.3SG.NSBJ с
 ‘Он его этим лечит’.

- (18) a. È *bī* *bēlī-ē* à *yā*.
 3SG.SBJ человек лечить-IPFV 3SG.NSBJ с
 = b. È *bī* *bēlī-è* *yā*.
 3SG.SBJ человек лечить-IPFV.3SG.NSBJ с
 ‘Он лечит этим людей’.

Таблица 1. Тональная морфология глаголов

Класс	Лексические тоны	Лекс. тоны (+3SG.NSBJ)	Перфектив	Перфектив (+3SG.NSBJ)	Имперфектив	Имперфектив (+3SG.NSBJ)	Отрицательный имперфектив	Отрицательный имперфектив (+3SG.NSBJ)
1	MM	<u>M</u> L	MH	MM	MM-m	<u>MM</u> -1	<u>MM</u> -1	<u>MM</u> -1
2	M	F~ <u>L</u>	H	M	M-m	<u>M</u> -1	<u>M</u> -1	<u>M</u> -1
3	MH	<u>M</u> L	MH	MM	MH-m	<u>MM</u> -1	<u>MM</u> -1	<u>MM</u> -1
4	HH	H <u>L</u>	HH	MM	MH-m	<u>ML</u> -1	<u>MM</u> -1	<u>MM</u> -1
5	HH	<u>M</u> L	HH (~MH)	MM	MM-m	<u>MM</u> -1	<u>MM</u> -1	<u>MM</u> -1
6	H	F	H	M	M-m	<u>M</u> -1	<u>M</u> -1	<u>M</u> -1
7	LL	*	LL	*	LL-m	*	LL-1	*
8	LH	LL	LH	MM	LM-m	LL-1	LL-1	LL-1
9	R	L	R	M	L-m	L-1	L-1	L-1
10	M	L	R	M	M-m	L-1	L-1	L-1
11	<u>M</u> L	<u>M</u> L	<u>M</u> L	MM	<u>ML</u> -1	<u>MM</u> -1	<u>ML</u> -1	<u>ML</u> -1

Заглавными буквами обозначены тоны глагольной основы, строчными — тоны суффикса имперфектива. Подчеркнутые буквы обозначают гласные, изменяющие тон в зависимости от тона предшествующего слова (т. е. по мобильной парадигме).

H — высокий тон, M — средний тон, L — низкий тон, R — восходящий тон, F — падающий тон.

Список условных сокращений

COP — связка; EX — эксклюзивное местоимение; IPFV — имперфектив; NEG — отрицание; NSBJ — несубъектное местоимение; PFV — перфектив; PROG — прогрессив; SBJ — субъектное местоимение; SG — единственное число.

Литература

- Кузнецова Н. В.* Морфология личных местоимений в языке гуро // Выдрин В. Ф. (ред.). Африканский сборник — 2007. СПб: Наука, 2008.
- Perekhval'skaya E.* La morphologie verbale du mwan (Côte-d'Ivoire) // Mandenkan 39, 2004.

М. В. Кюсева, Д. А. Рыжова

МГУ, Москва

**ПРИЗНАКОВАЯ ЛЕКСИКА:
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ ‘ОСТРЫЙ’ И ‘ТУПОЙ’
В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ**

Лексическая типология — направление в лингвистике, к которому обратились сравнительно недавно. В качестве примера работ, посвященных данной области, можно привести [Levinson, Wilkins 2006; Майсак, Рахилина (ред.) 2007; Newman (ed.) 2009] (подробнее см. в обзоре [Кортјевксая-Тамм et al. 2007]). Славянскими языками с точки зрения лексической типологии занимался Н. И. Толстой (см. [Толстой 1963, 1966]). Однако мало кто из ученых, интересующихся этой областью, работал с признаковой лексикой, т. е. с прилагательными и наречиями. Исключение составляет С. М. Толстая (см., например, [Толстая 2008]), которая, однако, анализировала признаковую лексику только в славянских языках. Наша работа также посвящена типологическому исследованию прилагательных, но в качестве базы для типологии были взяты языки различных групп и семей.

Данное исследование возникло под влиянием работы над проектом по созданию электронной Базы данных по многозначным качественным прилагательным и наречиям русского языка [Карпова и др. 2010]. Основной целью этого проекта было «сплошное» исследование русской признаковой лексики с точки зрения набора значений внутри каждой лексической единицы и, что особенно важно, типов семантических переходов между ними.

Созданное приложение породило множество проблем, требующих тщательного исследования. Одна из них — несимметричность, на первый взгляд, антонимичных слов. Яркий пример — прилагательные функциональной сферы — *острый* и *тупой*. Кажется бы, их семантические сети должны быть симметричны, так как одно обозначает наличие признака, способность к успешному функционированию, а другое — отсутствие того же признака. Однако уже на материале русского языка видно, что данные

концепты устроены по-разному, и прежде всего это выражается в различных наборах переносных значений. Например, в русском языке существуют сочетания *острое зрение*, *острая нехватка*, но абсолютно неграмматичны сочетания **тупое зрение*, **тупая нехватка*. При этом мы можем сказать: *тупое следование закону*, но никак не **острое следование закону*. В целом же прилагательное *острый* в русском языке значительно частотнее, чем прилагательное *тупой* (18021 употребление в Национальном корпусе русского языка против 5693 соответственно). Абсолютно очевидно, что отношения между данными концептами построены не по простому принципу: *хорошо работает/плохо работает, да/нет* — они значительно тоньше.

Из данного наблюдения логично вытекает перспектива для последующего изучения: было бы интересно посмотреть на эти же проблемы с точки зрения типологии. Какие сочетаемостные тенденции сохраняются в разных языках? Какие же, наоборот, лингвоспецифичны? И к каким выводам это может нас привести? На эти вопросы и призвано ответить наше исследование.

Сначала мы проанализировали прилагательные с соответствующими значениями в русском, сербском и французском языках. Затем данное исследование переросло в более широкий проект, и с помощью экспертов удалось сравнить уже известный материал с данными английского, итальянского, персидского, хинди, малайского, кла-дан, коми-зырянского и корейского языков¹. В работе использовались следующие методы: анкетирование, анализ словарных данных, работа с корпусными данными.

Оказалось, что несимметричность концептов ‘острый’ и ‘тупой’ не составляет никаких сомнений. Мало того, ‘тупой’ всегда значительно менее развит, чем ‘острый’. А значит, отрицание способности к функционированию для естественных человеческих языков значительно менее важно, чем указание на наличие данной способности. Если в русском языке это проявляется в меньшем числе употреблений прилагательного *тупой*, то существуют языки, где соответствующего антонима *острому* в прямом значении просто

¹ Мы хотим выразить благодарность за помощь в анализе языкового материала Е. Кашкину (коми-зырянский), П. Ковалю (английский), А. Быковой (малайский), Н. Макеевой (кла-дан), Е. Козловой (хинди), А. Сорокиной (корейский).

нет. Ярким примером является французский, где возможно словосочетание ‘острый нож’ (*un couteau tranchant*), но невозможно ‘тупой нож’. Для передачи соответствующего смысла используется причастие *émoussé* или относительное предложение: *un couteau qui ne coupe pas* (букв. ‘нож, который не режет’). Единственное прилагательное со значением ‘тупой’ — *obtus* — используется только для передачи переносных значений. Из этого наблюдения можно сделать вывод, что в некоторых языках соответствующие концепты принадлежат скорее не к одному, а к двум разным семантическим полям. И становится целесообразнее их смотреть порознь.

Особый интерес представляет концепт «остроты». Далек не во всех языках он передается одним прилагательным, как в русском. Достаточно часто эта область значений покрывается несколькими лексемами. Анализ соответствующих данных позволяет выявить параметры, которые могут служить основанием для создания отдельного прилагательного.

Например, на материале языка коми было выявлено, что релевантным является различие колющего кончика и режущего края: прилагательное *лэчылд* в коми предназначено для описания только режущей поверхности, а прилагательное *ёсь* — только для описания колющего конца. Такое же разделение значимо и для романских языков. Более того, при более детальном рассмотрении оказывается, что значимо оно и в русском языке, однако проявляется это только в переносных значениях, в то время как в другом славянском языке, сербском, это разделение, как представляется, никакой роли не играет. Далее, на материале французского языка было выявлено, что релевантным оказывается различие параметров «функция» и «форма», и, таким образом, во французском языке мы находим три прилагательных со значением ‘острый’: *aigu* — колющий, с острым кончиком (функция); *tranchant* — режущий, с острым лезвием (функция); *pointu* — остроконечный (форма).

На языки с несколькими эквивалентами русского *острый* целесообразно посмотреть и с другой стороны — с точки зрения переносных значений, т. е. понаблюдать за тем, какие метафоры может дать прилагательное с тем или иным прямым значением, что в результате позволяет построить своеобразные семантические карты для данной признаковой области.

Изучение метафорических значений оказывается интересным и потому, что позволяет выявить кросслингвистические различия в концептуализации явлений и понятий. Некоторые метафоры оказываются очень частотными, встречаются почти в каждом рассматриваемом нами языке (например, во многих языках мы находим сочетания 'острое слово' и 'острый ветер'). Но нередко встречаются и лингвоспецифичные метафоры. Например, для передачи значения русского прилагательного в сочетании *острый перец* в сербском языке используется прилагательное *ljut* (букв. 'злой'), т. е. в русском языке еда уподобляется инструменту, а в сербском — человеку.

Данное исследование уже представляет собой анализ достаточно большого языкового материала, однако в перспективе планируется изучение еще большего количества языков, для того чтобы, во-первых, проверить уже выявленные тенденции, их формализовать, а во-вторых, установить новые закономерности.

Литература

- Карпова О. С., Резникова Т. И., Архангельский Т. А., Кюсева М. В., Рахилина Е. В., Рыжова Д. А., Тагабилева М. Г.* База прилагательных по многозначным качественным прилагательным и наречиям русского языка // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции Диалог 2010 (Бекасово, 26–30 мая 2010). Выпуск 9 (16). М.: РГГУ, 2010.
- Майсак Т. А., Рахилина Е. В.* (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М., 2007.
- Толстая С. М.* Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008.
- Толстой Н. И.* Из опытов типологии славянского словарного состава // Вопросы языкознания. 1963. №1.
- Толстой Н. И.* Опыт типологического исследования славянского словарного состава // Вопросы языкознания. 1966. №5.
- Koptjevskaja-Tamm M., Vanhove M., Koch P.* Typological approaches to lexical semantics // Linguistic Typology 11 (1), 2007.
- Levinson S., Wilkins D.* (ed.). Grammars of space. Cambridge, 2006.
- Newman J.* (ed.). The linguistics of eating and drinking. Amsterdam–Philadelphia, 2009.

А. А. Ладыгина

МГУ, Москва

КАТЕГОРИЗАЦИЯ ТЕМПЕРАТУРЫ В ТЕГИНСКОМ ГОВОРЕ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА

Одним из направлений лексико-типологических исследований является изучение «температурных» выражений — преимущественно прилагательных [Рахилина 2008], характеризующих температуру объекта [Кортъевская-Тамм, Рахилина 2006].

В данной работе рассматриваются температурные прилагательные тегинского говора хантыйского языка.

Материал был собран в ходе лингвистической экспедиции Московского университета в с. Теги, ХМАО¹.

Цель исследования — определение семантических параметров, по которым противопоставлены прилагательные, описывающие температуру.

1. Базовая классификация

При работе над анкетой использовалась классификация температурных прилагательных в языках мира, разработанная Марией Копчевской-Тамм [Кортъевская-Тамм 2007]. Опираясь на объект, свойства которого описывает прилагательное, последняя выделяет 4 класса:

1. тактильная температура (температура различных поверхностей, предметов, веществ): *теплый пол, горячий чайник, холодная вода*;
2. нетактильная температура (температура окружающей среды, помещений, характеристика одежды): *холодное утро, теплая комната, теплые носки*;
3. личная температура (состояние человека): *ему жарко*;
4. температурные выражения (метафоры и однокоренные слова): *горячий привет, холодный прием*.

¹ Исследование поддержано грантом РГНФ № 10-04-18022е.

Таким образом, одной из задач исследования была проверка релевантности базовой классификации температурных прилагательных для хантыйского языка.

2. Классификация хантыйских прилагательных

В ходе исследования были выделены 4 группы температурных прилагательных².

I. Тактильная температура

↑	<i>kawrəm</i> : (1)	<i>man-em-a</i>	<i>məs-ł</i>	<i>kawrəm</i>	
		я.OBL-1SG-DAT/ILL	нравиться-PRS.3SG	горячий	
		<i>šar'it-əm</i>	<i>n'an'</i>		
		жарить-PST.PART	хлеб		
		‘Мне нравятся горячие пирожки’.			
	<i>l'ünt'š'i</i> : (2)	<i>ma</i>	<i>l'ünt'š'i</i>	<i>jiŋk</i>	<i>jes-ł-əm</i>
		я	теплый	вода	пить-PRS-1SG
		‘Я пью теплую воду’.			
	<i>pətəm</i> : (3)	<i>kat'-em</i>	<i>n'ýt-eł</i>	<i>pətəm</i>	
		кошка-1SG	нос-3SG	холодный	
		‘У кошки нос холодный’.			

Для обозначения очень высокой или очень низкой температуры используются сочетания прилагательных с наречиями меры и степени (*šeŋk*, *šek* и др.).

- (4) *jiŋk* *əmlet-ən* *šeŋk* *pətəm*
 вода прорубь-LOC очень холодный
 ‘Вода в проруби очень холодная’.

Кроме того, высокую степень проявления признака, обозначаемого температурным прилагательным, можно передать удвоением:

- (5) *muw* *jiŋk* *pətəm* *pətəm*
 земля вода холодный холодный
 ‘Колодезная вода очень холодная (студеная)’.

² Примеры представлены в виде шкалы (от низкой температуры к высокой).

II. Нетактильная температура

↑	<i>ruwəm</i> (6)	<i>ruwəm xatʃ</i> жаркий день 'жаркий день'
	<i>m'elək</i> (7)	<i>mortʃ muw-ən m'elək t̃ata ʃeŋk</i> южный земля-LOC теплый здесь очень <i>ísk'i</i> холодный 'На юге тепло, а здесь холодно'.
	<i>jəlɣ</i> (8)	<i>juʔən sí kəm sí jəlɣ</i> внутри в такой степени прохладный 'В комнате прохладно'.
	<i>ísk'i</i> (9)	<i>at k'imat-ən m'elk-a</i> ночь около-LOC теплый-DAT/ILL <i>ji-s aʔen-ən ísk'i</i> быть-PST.3SG утро-LOC холодный 'Ближе к ночи стало тепло, утром холодно'.

Температура объектов, значение которой выше или ниже критических (напр., больше, чем *ruwəm* или меньше, чем *ísk'i*), выражается аналитически:

- (10) *kuʔ t̃l̃aš-ən ʃeŋk ísk'i wõ-s*
толстый месяц-LOC очень холодный быть-PST.3SG
'В апреле (букв. в толстом месяце) было очень холодно'.

III. Личная температура

Данная группа прилагательных отличается от нетактильной температуры только в обозначении средней («теплой») температуры (*xəʃəm* — *m'elək*), для характеристики высокой или низкой температуры в обеих группах используются прилагательные *ruwəm* и *ísk'i*. Кроме того, общим для этих групп является слово *jəlɣ* 'прохладный'.

↑	<i>ruwəm</i> (11)	<i>aš-em-a ruwəm</i> отец-1SG-DAT/ILL жаркий 'Папе жарко'.
---	-------------------	--

↑	<i>xəʃəm</i>	(12)	<i>pəx-a</i>	<i>xəʃəm</i>
			мальчик-DAT/ILL	теплый
			‘Мальчику тепло’.	
	<i>jəlɣ</i>	(13)	<i>man-em</i>	<i>jəlɣ</i>
			я.OBL-1SG	прохладный
			‘Мне прохладно’.	
	<i>isk'i</i>	(14)	<i>man-em</i>	<i>isk'i</i>
			я.OBL-1SG	холодный
			‘Мне холодно’.	

IV. Прилагательное *xəʃəm*

Следует выделить в отдельную группу прилагательное *xəʃəm*. Хотя, как было сказано выше, оно может обозначать личную температуру, его положение в базовой классификации нельзя определить однозначно. С одной стороны, оно может сочетаться с объектами, относящимися к тактильной группе (например, с жидкостями: *xəʃəm ʃaj* ‘теплый чай’). С другой, прилагательное может характеризовать температуру помещений, а данный тип объектов включается в нетактильную группу.

- (15) *xəʃəm xət-ən*
теплый дом-LOC
‘В доме тепло’.

В обеих группах есть прилагательные, синонимичные *xəʃəm*: *l'ünt's'i* (тактильная температура) и *m'elək* (нетактильная температура). Стоит отметить, что слова *xəʃəm* и *m'elək* взаимозаменяемы **не во всех** контекстах.

- (16) *sus-ən m'elək / *xəʃəm a jetna-j-a*
осень-LOC теплый теплый а вечер-OBL-DAT/ILL
ji-t isk'i
статья-PRS.3SG холодный
‘Осенью днем тепло, а вечером холодно’

Кроме того, прилагательное *xəʃəm* согласуется с названиями предметов одежды, постельных принадлежностей и т. д., не указывая непосредственно на температуру этих объектов, а подчеркивая их согревающие свойства.

- (17) *ut-ti* *lot-en* *šejk* *xəšəm*
 спать-PRS.PART место-LOC очень теплый
 ‘Диван очень теплый (букв. в спальном месте очень тепло)’.

С нашей точки зрения, особенности употребления слова *xəšəm* объясняются тем, что оно характеризует объекты (помещения, предметы одежды, спальное место, постельные принадлежности, жидкости и т. п.), которые могут **согреть** человека. Таким образом, одним из семантических параметров для температурных прилагательных является не только температура самого объекта, но и его согревающее действие: помещения, предметы одежды, постельные принадлежности и др. оказывают внешнее воздействие на человека, а жидкости, блюда и т. п. — внутреннее.

Некоторые информанты избегают сочетаний прилагательного *xəšəm* с предметами одежды, функция которых — согревание человека, считая дополнительное указание на их свойство избыточным (18–19), но иногда такое употребление все же допускается, ср. (20).

- (18) *śaś-em* *seŋənwǎj³* *tij-īl*
 бабушка-1SG носки вязать-PRS.3SG
 ‘Бабушка вяжет теплые носки’.

- (19) *aŋk'-em* *jǎŋx-ǎl* *wǎj-n*
 мать-1SG идти-PRS.3SG кисы-LOC
 ‘Мама ходит в теплых кисах’⁴.

- (20) *tał* *pura-j-en* *xəšəm* *sǎx* *taj-l-əm*
 зима пора-OBL-LOC теплый шуба иметь-PRS-1SG
 ‘Зимой я ношу теплую шубу’.

Особого внимания заслуживает идиома *xəšəm jijk* (букв. ‘теплая вода’) ‘уха’, что изначально подчеркивает именно «согревающий» эффект этого блюда. Вопреки ожиданиям исследователя, идиома сочетается и с прилагательным *pətəm*, и, несмотря на тавтологию, с *xəšəm*, т. к. прилагательное в ее составе десемантизировано: *xəšəm jijk xəšəm* ‘уха теплая’; *xəšəm jijk pətəm* ‘уха холодная’.

³ Вязаные носки с узором длиной до колена.

⁴ Кисы — национальная хантыйская обувь, представляет собой сапоги длиной выше колена.

3. Метафоры

Примеров метафорического употребления хантыйских температурных прилагательных получено немного, многие из них калькированы с русских выражений. Именно поэтому в классификации хантыйских прилагательных температурные метафоры не выносятся в отдельную группу, в отличие от классификации Копчевской-Тамм. Интересно, что в переносном смысле используются прилагательные только «горячей» зоны.

- (21) *xǒj-nǎt-ən kawrem-a sí ji-tǎ*
 человек-DU-3DU горячий-DAT/ILL так стать-INF
p'it-s-ǎŋən
 начинать-PST-3DU
 'Они (двое) становятся разгоряченными'.
- (22) *xǎšma putǎrt-ǎš*
 теплый говорить-PST.3SG
 'Он тепло говорил'.
- (23) *xannexǒ sem-t xǎšəm*
 человек глаз-3SG теплый
 'теплый взгляд'
- (24) *ma xannexǒ-j-at xǎša xǎšma əm-s-əm*
 я человек-OBL-PL у теплый сидеть-PST-1SG
 'Я тепло посидел у людей'.

В калькированных метафорах в (22–24) не случайно используется прилагательное *xǎšəm* (а не *lǎnt's'i* или *m'elək*), поскольку именно в его исходной семантике заложена идея согревания, присутствующая и в данных метафорах и, таким образом, связывающая их с исходным употреблением. Например, метафору «теплый взгляд» можно истолковать как «взгляд, греющий душу» и т. п.

4. Заключение

Итак, употребление температурных прилагательных в хантыйском языке зависит не только от типа объекта категоризации, температурной шкалы, но и исходных характеристик объекта, его функций. Последний параметр влияет на сочетаемость существительного

с прилагательным *хэ́эт* ‘теплый, согревающий’. Данный параметр является главным отличием хантыйской системы температурных прилагательных от базовой классификации.

Список условных сокращений

DAT/ILL — датив/иллатив; DU — двойственное число; INF — инфинитив; LOC — локатив; OBL — косвенная основа; PART — причастие; PL — множественное число; PRS — презенс; PST — претерит; SG — единственное число.

Литература

- Рахилина Е. В.* Когнитивный анализ имен: семантика и сочетаемость. М., 2008.
- Коптјевскаја-Тамм М., Рахилина Е.* “Some like it hot”: on semantics of temperature adjectives in Russian and Swedish // Giannoulou G., Leuschner T. (eds.). STUF (Sprachtypologie und Universalienforschung), a special issue on Lexicon in a Typological and Contrastive Perspective, 59 (2), 2006.
- Коптјевскаја-Тамм М.* Guidelines for collecting linguistic expressions for temperature concepts. Version 1 (December 2007).

А. Б. Летучий
ИРЯ РАН, Москва

ТРИ СЛУЧАЯ ПРОМЕЖУТОЧНОЙ ПЕРЕХОДНОСТИ ГЛАГОЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ТИПОЛОГИЯ ПЕРЕХОДНОСТИ¹

В нашей работе мы рассмотрим явления, связанные с изменением переходности и выражения объекта русских глаголов. Ряд явлений этого типа был описан К. Чвани [Chvany 1996], которая использовала термин «slightly-transitive verbs»: например, падеж при глаголе *ждать* (*Я жду маму / Я жду поезда*) и родительный при отрицании (*Я чувствовал боль / Я не чувствовал боли*) (о каждом из этих явлений существует обширная литература).

Различие между материалом Чвани и нашей темой состоит в том, что в случаях, которые мы анализируем, вариативность переходности глагола обусловлена, прежде всего, морфосинтаксическими характеристиками объекта. Будут рассмотрены три явления: местоименное наречие *так* при глаголах речи и мысли, наречия при глаголах с счетными объектами и вариативность падежного управления при партитивных глаголах.

1. Местоименное наречие *так* при глаголах речи и мысли

При глаголах речи и мысли анафорическую отсылку к объекту может выполнять местоименное наречие:

- (1) *В русском языке нет лабильных глаголов — так, во всяком случае, многие утверждают.*

Глаголы речи и мысли, несомненно, не обладают сильной семантической транзитивностью. Однако, помимо сентенциального актанта, с ними допустим и несентенциальный прямой объект:

- (2) а. *Но что же утверждает Коран?*
б. *Нельзя утверждать такие глупости.*

¹ Исследование проведено в рамках работ на средства гранта президента РФ для молодых ученых - кандидатов наук МК-3522.2010.6.

Так употребляется не только при глаголах типа *говорить* или *петь*, которые способны выступать без прямого объекта, но и при лексемах типа *считать* и *утверждать*, при которых обязательно должен быть либо сентенциальный, либо именной объект:

- (3) *Мир ждет новый кризис — так утверждают экономисты.*
- (4) *«Сегодня тот же день, что был вчера». Так пел когда-то Гребенщиков.*
- (5) — *Мельчук считает, что объяснение в лингвистике не нужно.*
— *А Вы что считаете?*
- (6) — *Мельчук считает, что объяснение в лингвистике не нужно.*
— *А Вы так не считаете?*

Нетрудно показать, что сентенциальные актанты при глаголах рассматриваемого типа являются прямыми объектами. Так, беспредложные сентенциальные актанты могут выступать в ответе на вопрос, содержащий вопросительное слово *что* в аккузативе. Для предложных групп с предлогом *о*, заполняющих зачастую ту же валентность Содержания, это невозможно:

- (7) — **Что он тебе говорил? — О сегодняшних событиях.*
- (8) — *Что он тебе говорил? — Ну, что я дурак, что так поступать нельзя...*

При этом *так* явно не занимает позицию прямого объекта, хотя замещает беспредложный сентенциальный актант. В то же время странно считать употребление типа *так он утверждал* непереходным. В этом случае оказывается, что в диалоге:

- (9) — *А что утверждал Коперник? — Что Земля вращается вокруг Солнца. — Так мог утверждать только очень смелый человек*

— первые два употребления глагола *утверждать* переходны, а третье непереходно. Точно так же нам придется считать, что из возвратных глаголов, употребленных в (10):

- (10) — *Что утверждается в книге? — Что Земля вертится вокруг Солнца. — Неужто там действительно так утверждается?*

— только последний является безличным, а первые два имеют подлежащее. В нормальном случае сочетание в близком контексте разных типов возвратных дериватов от одного глагола привело бы к эффекту языковой игры: ср., например, игровое *Сначала моются дети, а потом овощи*, где *-ся* в первом вхождении глагола *мыться* употреблено в рефлексивном значении, а во втором (опущенном) — в пассивном.

Тем самым, *так*-составляющие являются своего рода диффузными: они проявляют некоторые свойства прямого объекта, выступают в личных пассивных конструкциях, но при этом в силу частеречных характеристик не могут быть прямыми объектами.

Добавим, что параллели к *так*-составляющим обнаруживаются не только в европейских языках (ср. англ. *He said so* ‘Он так сказал’), но и в адыгейском, где переходные и непереходные глаголы различаются морфологически:

АДЫГЕЙСКИЙ:

- (11) *ʒ'.aw.š'tew ble* *ə-šə-в*
 так семь.раз 3SG.A-делать-PST
 ‘Он так семь раз сделал’.
- (12) *ʒ'.aw.š't.ew* *a-ʔ_w-jə,* *nart*
 так 3PL.A-сказать-ADD нарт
š'ebzaš'e-r *š'abze-m* *d-a-λ-h-jə*
 стрела-ABS лук-ERG LOC-3PL.A-класть-LAT-ADD
 ‘Так сказав, злые нарты ⟨...⟩ стрелу в лук вложили’.

Русские глаголы речи и мысли проявляют и другие необычные свойства: в частности, многие из них не образуют или редко образуют стандартные пассивные конструкции с агенсом, выраженным творительным падежом. Вместо этого образуется конструкция с неопределенным агенсом типа:

- (13) *В книге говорится, что Иванов был неправ.*
- (14) *Считается, что древние греки были язычниками* (ср. менее стандартное: *Исследователями считается*).

Тем самым, анафора с помощью *так*, наряду с нестандартным образованием пассива, является одним из аспектов нестандартной (пониженной) переходности этих глаголов. При

этом если для сентенциальных актантов (например, с союзами *что* и *как*) выработаны механизмы описания их устройства, то описать сходным образом конструкции с *так* нельзя: во всяком случае, *так* явно не может занимать позицию сентенциального актанта.

Добавим, что *так* не всегда может заменять сентенциальный актант. Ср., например, невозможные или полуграмматичные примеры:

- (15) [?]*Вася верил, что все кончится хорошо. Сергей тоже так верил.*
- (16) [?]*В русском языке есть лабильные глаголы — так меня убедил один приятель.*

Вероятно, изначально *так* сочеталось с предикатами, при которых акт речи передается дословно. В структуре «*Мы едем в Париж*», — *так сказал папа* употребление наречия объяснимо: оно действительно обозначает образ действия (*так сказал* = ‘сказал такими словами’). Для глаголов типа *утверждать*, по-видимому, данная конструкция вторична: при них актантом является не дословная формулировка, а содержание высказывания. Как правило, при данных глаголах не употребляются конструкции с прямой речью. Тем самым, *так* отдалается от наречного употребления. Однако при части глаголов — в частности, при глаголах совершенного вида, акцентирующих внимание на результате речевого акта (*убедить*) *так* по-прежнему невозможно.

2. Наречные заполнители при глаголах с счетными объектами

Сходные проблемы возникают с глаголами, объектом которых являются именные группы с квантификаторами: *получать* (о зарплате), *зарабатывать*, *весить*, *стоять*. В качестве своеобразного «заменителя» прямого объекта при них также способно употребляться наречие:

- (17) *Всем известно, что он очень много зарабатывает.*
- (18) *Если они работают одинаково хорошо, почему получают по-разному.*

(19) *Почему сайты стоят по-разному?*²

(20) *Хорошее всегда стоит дорого.*

Если в примере (17) слово *много* может быть как квантификатором с опущенным названием исчисляемого предмета (*много денег*), то в (18), (19) и (20) явно нельзя считать наречия *по-разному* и *дорого* такими квантификаторами.

Как и глаголы речи, «счетные» глаголы не проявляют всех свойств канонических переходных глаголов: некоторые из них не пассивизируются:

(21) **Три тонны, которые весят этой машиной, — очень большой вес.*

(22) а. **А где найти три миллиона, которые стоятся этой квартирой?*

Данные факты явно не объясняются семантической или прагматической аномальностью — ср. определительные конструкции типа (22b), где темой является именно счетная группа, которая теоретически могла бы стать подлежащим при пассиве:

(22) б. *А где найти три миллиона, которые стоит эта квартира?*

Все данные глаголы, кроме *зарабатывать*, являются строго переходными:

(23) **Эта книга весит.*

(24) **Конечно, такая хорошая машина стоит.*

При данных глаголах наречия в большей мере проявляют свойства аргументной (прямообъектной) группы, чем *так* при глаголах речи и мысли. Ср., например, возможность конструкций с эллипсисом глагола, где при первом вхождении глагола выступает прямой объект, а при втором — наречие (25b):

(25) а. — *А сколько стоит эта машина? — Два миллиона.*

б. — *А сколько стоит эта машина? — Очень дорого.*

Вероятно, возможность замены прямого дополнения на наречие связана с тем, что объектом данных глаголов всегда

² Пример взят с сайта www.webisgroup.ru.

является квантифицируемая группа. С этим же связана и невозможность пассивизации.

3. Родительный и винительный падеж объекта при партитивных глаголах

Наконец, в заключение рассмотрим группу следующих глаголов: *хлебнуть, глотнуть, отъесть, капнуть, брызнуть, сыпануть, навидаться, наслушаться*. Их общей особенностью является то, что они, как правило, управляют объектом в родительном падеже, а для части глаголов это является единственной возможностью:

- (26) *Вася сыпанул в чай сахару / сахар.*
- (27) *Он замолчал и хлебнул вина / *вино.*
- (28) *Глотни воды / *воду, чтобы успокоиться.*
- (29) *Я навидался разных стран / *разные страны.*
- (30) *Об этой картине я наслушался самых разных отзывов / *самые разные отзывы.*

Однако если объектом является группа с квантификатором — числительным, либо наречием-квантификатором *много* — то падеж меняется на винительный:

- (31) *Он сыпанул в чай пять ложек сахара.*
- (32) *Хлебни немного вина.*
- (33) *Он глотнул чуть-чуть воды.*
- (34) *Я (...) наслушался тысячу мнений и советов³.*
- (35) *И все же мы не стали бьяками От Академии вдали, Хоть навидались много всякого — Вплоть до Сальвадора Дали... [Борис Ефимов. Десять десятилетий (2000)]⁴*

³ Пример взят с сайта www.drive2.ru.

⁴ Важны примеры (34) и (35), где квантификаторы *много* и *тысяча* в винительном падеже нарушают общее правило о непереходности возвратных глаголов, которое для глаголов *наслушаться* и *навидаться* обычно соблюдается.

4. Заключение

Все рассмотренные группы глаголов имеют одну общую черту: они не являются канонически переходными. Глаголы речи и мысли присоединяют, в основном, сентенциальные актаны, глаголы с квантифицируемым дополнением не образуют пассива, партитивные глаголы вообще могут управлять дополнением в аккузативе только при особых условиях.

Безусловно, эти факты не случайны, а связаны, в полном соответствии с работой [Hopper, Thompson 1980], с семантикой глагола: так, первые две группы глаголов не имеют канонического пациенса, третья обозначает воздействие не на весь объект, а на некоторый его квант.

Однако важно, что зависимость синтаксиса от семантики здесь не вполне стандартная. Неполная семантическая транзитивность не лишает глаголы возможности быть синтаксически переходными, а лишь сужает класс возможных прямых объектов. Тем самым, помимо зависимости типа:

(36) сниженная семантическая транзитивность → синтаксическая непереходность

— существует более сложная зависимость вида:

(37) сниженная семантическая транзитивность → строгие ограничения на синтаксическую переходность

Оказывается, что сниженная семантическая транзитивность делает возможными нестандартные конструкции, где в роли «заменителя» прямого объекта выступает, например, наречие. При этом синтаксический статус наречия не всегда выявляется тестами — например, тестом на пассивизацию.

Конструкции, которые мы рассмотрели, показывают также необходимость, в дополнение к семантической иерархии (шкалы) транзитивности, шкалы морфосинтаксической, иерархизирующей различные типы прямых объектов. На этой шкале группа квантификатора должна быть, например, расположена дальше от полюса канонического прямого объекта, чем именная группа.

Список условных сокращений

A — агенс; ABS — абсолютив; ADD — аддитивность; ERG — эргатив;
LOC — локативный преверб; LAT — латив; PL — множественное число;
PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Chvany C. V. A Continuum of Lexical Transitivity: Slightly-Transitive Verbs // Selected Essays of Catherine V. Chvany. Columbus, 1996.*
Hopper P., Thompson S. Transitivity in Grammar and Discourse // Language 56 (2), 1980.

О. А. Литуновская

РГГУ, Москва

СТРУКТУРНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ НА ЭЛЛИПСИС ВЕРШИНЫ В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ

Предмет настоящего исследования — сочинительные конструкции с эллипсисом вершины в русском и чешском языках. В качестве конструкций с вершинным эллипсисом рассматривались такие русские и чешские предложения, в которых эллипсису подвергается только вершина некоторой составляющей, а зависимые этой вершины сохраняются:

- (1) *Oslavy byly přeloženy ze čtrnáctého*
празднования были перенесены с четырнадцатого
*února na **jednadvacatý** ~~únor~~.*
февраля на двадцать первое ~~февраля~~
- (2) *От уцелий то зимней стужей веяло, то **тропическим жаром веяло**¹.*

В ряде русских и чешских конструкций опущение вершины невозможно, несмотря на наличие совпадающего материала в ближайшем контексте:

- (3) **Čtu historické knihy a ~~knihy~~ o valce.*
читаю исторические книги и ~~книги~~ о войне
- (4) **Я читаю исторические книги и ~~книги~~ о войне.*

Именно эти случаи оказались в центре внимания настоящей работы.

Гипотеза исследования состояла в том, что эллипсис в предложениях, типа (3–4) блокируется не дискурсом или прагматикой, но **грамматическими факторами**, под которыми мы понимаем информацию о структуре синтаксических единиц, грамматических

¹ В примерах (1–2) зависимые опущенной вершины выделены полужирным шрифтом.

отношениях (членах предложения, управлении и некоторых других) и коммуникативных категориях.

Грамматические факторы эллипсиса в славянских языках до сих пор оставались относительно малоизученными. Этот пробел для русского языка был отчасти восполнен в работе [Казенин 2007]. В указанной работе были предложены три структурных ограничения на эллипсис вершины в русском языке: запрет на сокращение линейно противоположных вершин, запрет на сокращение промежуточной вершины и запрет на сокращение левосторонней вершины.

Анализ русских и чешских сочинительных конструкций с эллиптическим сокращением показал, что русский и чешский языки проявляют «единодушие» в отношении запрета на сокращение линейно противоположных вершин и запрета на сокращение промежуточной вершины: указанные ограничения являются адекватными для обоих языков. Однако невозможно сказать того же про третье из предложенных К. И. Казениным ограничений. Анализ как чешских, так и русских предложений показал неадекватность «Запрета на сокращение левосторонней вершины».

В ходе исследования также были выявлены некоторые существенные различия между правилами эллипсиса в русском и чешском языках:

- в сочинительных конструкциях в русском языке, в отличие от чешского языка, допускается переезд канонически правостороннего зависимого влево:

(5) *Пришел бывший Ирин ~~сослуживец~~ и Платона Лебедева сослуживец.*

(6) **Přišel bývalý Jiřinčin a Petra Kučery kolega*
пришел бывший Ирин и Петра Кучеры коллега

- в русском языке, в отличие от чешского, возможно сокращение промежуточной вершины в предложениях с контрастным выделением (при условии, что базой для сопоставления является вышестоящая вершина):

(7) *Петя не будет заниматься химией, но будет [заниматься] физикой.*

- (8) **Nebude tesknit po svých kolezích, ale bud*
 не будет скучать по своим коллегам, но будет
 [tesknit] po své práci.
 [скучать] по своей работе

- сокращение левосторонних вершин в контексте двойных союзов в чешском языке происходит легче, чем в русском: чешский язык, в отличие от русского языка, допускает в таких контекстах опущение глагола:

- (9) *Zatmívalo se mi před očima, nemohl jsem*
 темнело у меня перед глазами не мог (я)
ani [zdvihnout [ruku]] ani [zdvihnout [nohu]].
 ни [пошевелить [рукой]] ни [~~пошевелить~~ [ногой]]

- (10) **Я не мог ни пошевелить рукой, ни ~~пошевелить~~ ногой.*

Разнообразные факторы, воздействующие на эллипсис, активно изучаются в мировой лингвистике. Собственно грамматические факторы наиболее хорошо изучены для языков западногерманской группы — английского, немецкого и нидерландского. Однако в целом можно отметить, что универсальная теория эллипсиса только начала развиваться. Мы полагаем, что выявление грамматических факторов эллипсиса в языках со свободным порядком слов, таких как русский и чешский, способно продвинуть разработку этой теории и помочь в выявлении того общего и различного, что присутствует в правилах эллипсиса в языках разных типов.

Литература

- Казенин К. И. О некоторых ограничениях на эллипсис в русском языке. Вопросы языкознания. 2007. № 2.

М. М. Макарец

ИСл РАН, Москва

ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ: ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ

В настоящей работе я хотел бы поднять вопрос о том, насколько адекватно описан с точки зрения типологии такой, казалось бы, хорошо известный фрагмент грамматической системы болгарского языка, как категория эвиденциальности, и предложить свой вариант решения проблемы.

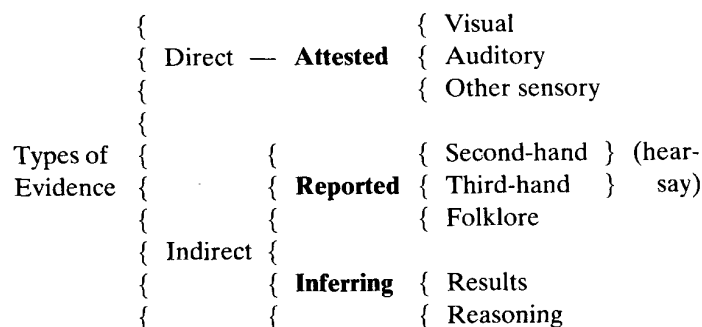
В качестве исходного определения эвиденциальности принимается следующее: «Эвиденциальность — это лингвистическая категория, основное значение которой — источник информации. ⟨...⟩ Эта категория включает в себя способ, которым была получена информация, однако не содержит указания на степень уверенности говорящего в ее истинности» [Aikhenvald 2004: 3].

Говорить о зарождении интереса теоретической лингвистики к эвиденциальности можно только начиная с работ Ф. Боаса [Boas 1911], описавшего эвиденциальную систему вакашского языка квакиутль. Иногда эта работа указывается в качестве точки отсчета исследований по эвиденциальности (см., например, [Aikhenvald 2004: 12]), что не вполне точно, учитывая богатую историю исследований этой грамматической категории, по крайней мере, в балканских языках (см. подробнее [Guentchéva 1996: 14]).

Первым опытом типологического описания эвиденциальных систем, по-видимому, следует признать статью Т. Гивона [Givón 1982], в которой сравниваются языки киньяруанда (банту), шерпа (тибето-бирманский) и юте (шошотская ветвь юто-ацтекских языков). Впрочем, эта работа только начинает создание типологического аппарата для описания эвиденциальности. Болгарский язык впервые упоминается в типологической классификации эвиденциальных систем только Т. Уиллетом [Willett 1988], который сравнивает 38 языков, принадлежащих к разным семьям и группам. Его классификация выделяет три типа свидетельства ('types of evidence'):

прямое ('attested'), репортативность ('reported') и инференциальность ('inferring'), в каждом из которых выделяется несколько подтипов:

Схема 1. Классификация эвиденциальных систем
Т. Уиллетта [Willett 1988: 57]



Болгарский язык, по мнению Т. Уиллетта, выделяет все три основные «типа свидетельства», но не выделяет подтипы¹.

А. Айхенвальд в своей монографии «Evidentiality» [2004] строит классификацию эвиденциальных систем на основании количества и набора так называемых «семантических параметров» в языке. Согласно этой классификации, болгарский язык относится к типу А1 (первичная vs. непервичная информация) [там же: 288], то есть к языкам, где разграничиваются два ряда маркированных форм, а нейтральные формы отсутствуют [там же: 40]². «Непервичная информация» (*non-firsthand information*) является общим термином для широкого спектра параметров (сенсорность (*sensory*), инференциальность (*inference*), конклюдивность (*assumption*), репортативность (*hearsay*)).

Классификации Т. Уиллетта и А. Айхенвальд значительно различаются (и по структуре, и по набору «семантических па-

¹ Т. Уиллет использует материал В. Фридмана [Friedman 1986].

² А. Айхенвальд опирается на другую работу В. Фридмана, который говорит: «Балканские языки (за исключением греческого) имеют признаки систем А2 по классификации Айхенвальд (при этом формы не-подтверждения ('non-confirmative') являются маркированными, а балканославянские языки имеют признаки систем А1 (при этом маркируется подтверждение ('confirmative'), а не-подтверждение является основным контекстуальным вариантом значения (Hauptbedeutung) немаркированного члена» [Friedman 2003: 190].

раметров» (А. Айхенвальд) / «типов свидетельства» (Т. Уиллетт), и по количеству оппозиций по эвиденциальности, выделяемых в рамках болгарской системы). Можно сказать, что эти описания болгарского языка различаются слишком сильно; при этом оба решения имеют под собой обоснование, и каждое из них в какой-то мере приемлемо.

Проблемы в описании эвиденциальности в болгарском языке возникают из-за того, что она тесно связана с ТАМ-парадигмами глаголов, а также с адмиративностью. С первого взгляда система похожа на запутанный клубок, в котором любая нить может привести куда угодно, любая форма — обозначать что угодно. В то же время любой, кто изучает болгарский язык как иностранный и имел возможность общаться на нем с носителями в течение некоторого времени, может вспомнить, как часто они поправляли его ошибки, относящиеся именно к этой области.

На с. 119 эвиденциальная система болгарского языка представлена в виде схемы, с указанием смежных категорий эпистемической модальности и адмиративности. Нейтральные формы, которые не изменяют общей картины (настоящее и будущие времена, а также некоторые другие формы глагола, в том числе нерелевантные), опущены.

Если мы сконцентрируемся только на тех глагольных категориях, которые отличают болгарский язык от остальных славянских, не считая македонского, то мы увидим, что сложности здесь возникают из-за пересечения нескольких категорий. Среди них мы находим эвиденциальность, эпистемическую модальность и адмиративность.

В эвиденциальной системе болгарского языка разграничиваются следующие семантические параметры: визуальность (5), репортативность (7), конклюдентность (9). Визуальность позволяет маркировать информацию как засвидетельствованную лично (1)³ или же вошедшую в личный фонд знаний говорящего (2) (№ 5 на Схеме 2):

³ Далее курсивом обозначаются номера примеров, а ссылки на элементы схемы — прямым.

- (1) *Вчера го видях.*
 вчера CL.ACC.3SG.MASC видеть-AOR.VIZ
Не изглежда-ше добре.
 NEG выглядеть-IMPF.3SG.VIZ хорошо
 ‘Вчера я его видел. Он плохо выглядел’.
- (2) *Втората световна война завърши-и през 1945 г.*
 Вторая мировая война закончиться-AOR.VIZ в 1945 г.
 ‘Вторая мировая война закончилась в 1945 г.’.

Репортативность маркирует информацию, которую говорящий получил с чужих слов (№ 11 на Схеме 2):

- (3) *Красимира би-л-а⁴ болна. Иван ми*
 К. быть-LPART.FEM.SG больна И. CL.DAT.1SG
го каз-а.
 CL.ACC.3SG.MASC сказать-AOR.3SG.VIZ
 ‘Красимира больна. Мне это сказал Иван’.

Эти формы имеют сложноуловимый оттенок дистанцирования (используя их, говорящий как бы снимает с себя ответственность за информацию). То есть, в семантике этих форм помимо эвиденциального компонента присутствует и эпистемический.

Чтобы избежать указания на дистанцирование от передаваемой информации, используют похожие формы, в которых копула в третьем лице не опускается (№ 10 на Схеме 2):

- (4) *Цар-ят е има-л-∅*
 Царь-DEF быть.PRAES.3SG иметь-LPART-MASC.SG
слабо сърце и се е
 слабое сердце и CL.REFL быть.PRAES.3SG
почувства-л-∅ *зле, и тогава*
 почувствовать-LPART-MASC.SG плохо и тогда
са му да-л-и отрова-та.
 быть.PRAES.3PL CL.DAT.3SG дать-LPART-PL яд-DEF
 ‘У царя было слабое сердце, он почувствовал себя плохо, и тогда ему дали отраву’ [Макарцев, Жерновенкова 2010: 63].

⁴ Эта форма образована по модели «быть.PRAES + л-причастие». В третьем лице SG и PL копула опускается и остается только л-причастие.

Существует и третий вид репортатива, который в болгарской научной литературе называется «усиленным», или дубитативом и используется, чтобы показать, что говорящий сообщает информацию, которой он совершенно не доверяет, и которая, более того, возмущает его. Таким образом, в семантике этой формы пересекается сразу три категории: эвиденциальность, эпистемическая модальность и (ад)миративность.

Конклюзивность маркирует информацию, которую говорящий получил путем логических рассуждений над доступными фактами:

- (5) *Палто-то ѝ е на закачалка-та.*
пальто-DEF CL.DAT.3SG.FEM быть.PRAES.3SG на вешалка-DEF
Знач-и, тя е дош-л-а.
значить-PRAES.3SG она быть.PRAES.3SG прийти-LPART-FEM.SG
'Ее пальто на вешалке. Значит, она пришла'.

Этот широкий спектр значений (свидетельские формы, репортатив в трех видах, конклюзив, адмиратив) в болгарском языке выражается весьма экономно. Если для свидетельских форм (№ 5 на Схеме 2) существует своя парадигма (формы, восходящие к праславянским аористу и имперфекту), то формы под номерами (8–12) являются, по большому счету, омонимичными. При этом конклюзив и обычный репортатив используются только со связкой, дистанцированный репортатив только без связки, а перфект и (ад)миратив в некоторых ситуациях используются со связкой, а в некоторых без связки. При этом почти очевидный ответ на вопрос «Как же их разграничивать?» — «По контексту», как кажется, верен лишь отчасти. Безусловно, значения, передаваемые этими формами, разграничиваются по контексту, но существует ряд контекстов, которые допускают употребление только одной из форм (свидетельской/*л*-формы со связкой/*л*-формы без связки).

Итак, в рамках категории эвиденциальности болгарский язык позволяет разграничивать три вида форм: свидетельские, конклюзивные и репортативные (в некоторых случаях между последними двумя видами форм может возникать омнимерия). При этом в рамках репортатива существует оппозиция по степени дистанцированности от передаваемой информации.

Как это можно описывать с точки зрения типологии? При анализе выборки из 500 языков (например, [Aikhenvald 2004: xii]) очень сложно, если вообще возможно, учитывать нюансы каждого отдельного языка.

Думаю, здесь на помощь может прийти противопоставление категорий описания и понятий для сравнения (*descriptive categories vs. comparative concepts*), которому посвящена недавняя статья М. Хаспельмата [Haspelmath 2010]. При изучении языка перед обычными говорящими и исследователями стоят две разных задачи. Если цель первых — выучить язык, для чего совершенно необходимо, чтобы у говорящего сформировались языковые категории, то цель вторых — используя универсальные основания, сравнивать языки между собой. Согласившись, что языковые категории каждого отдельного языка не обязательно должны совпадать с универсальными категориями сравнения, мы приходим к выводу, что есть ряд нюансов, которыми можно пренебречь в типологическом исследовании, чтобы они не скрывали за собой более общую картину.

Список условных сокращений

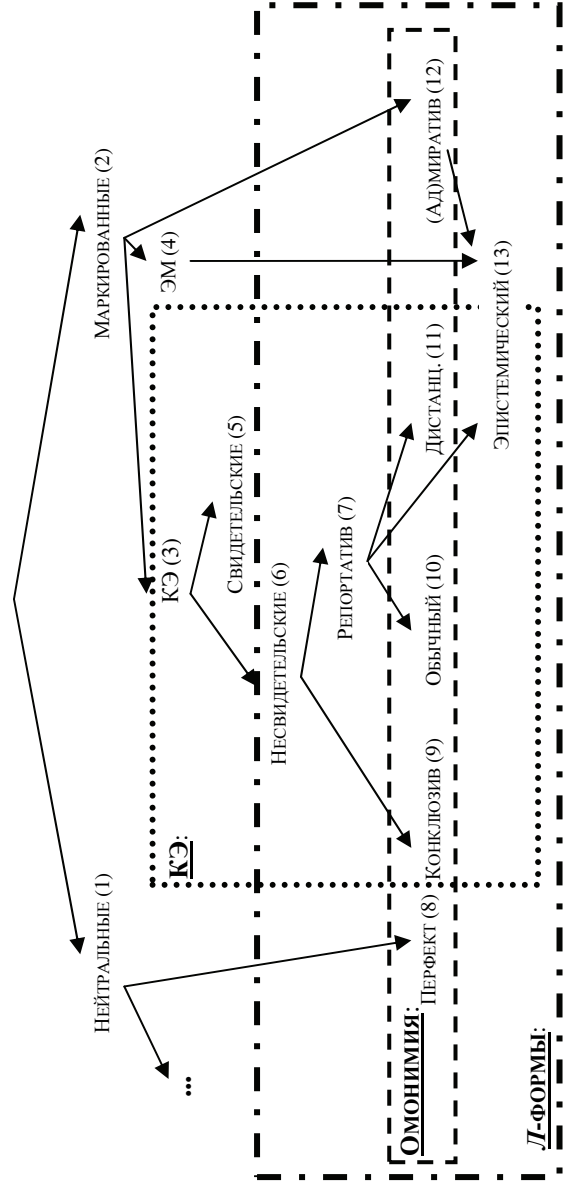
1, 2, 3 — первое, второе, третье лицо; ACC — винительный падеж; AOR — аорист; CL — клитика; DAT — дательный падеж; DEF — определенный артикль; FEM — женский род; IMPF — имперфект; LPART — л-причастие; MASC — мужской род; NEG — отрицание; PL — множественное число; PRAES — настоящее время; REFL — возвратность; SG — единственное число; VIZ — свидетельские формы.

Литература

- Макарцев М. М., Жерновенкова Т. Г. Болгарский язык. Справочник по грамматике. М., 2010.
- Aikhenvald A. Yu. Evidentiality. Oxford, 2004.
- Boas F. Handbook of American Indian languages. Part 1. Smithsonian Institution. Bureau of American Ethnology Bulletin 40, 1911.
- Friedman V. A. Evidentiality in the Balkans with special attention to Macedonian and Albanian // Aikhenvald A., Dixon R. M. W. (eds.). Studies in Evidentiality. (Typological Studies in Language 54). Amsterdam, 2003.

- Friedman V. A.* Evidentiality in the Balkans: Bulgarian, Macedonian and Albanian // Chafe W., Nichols J. (eds.). Evidentiality: the linguistic coding of epistemology. Norwood, 1986.
- Givón T.* Evidentiality and epistemic space // *Studies in Language* 6 (1), 1982.
- Guentchéva Z.* Le médiatif en Bulgare // Guentchéva Z. (ed.). L'énonciation médiatisée. Louvain–Paris, 1996.
- Haspelmath M.* Comparative concept and descriptive categories in cross-linguistic studies // *Language* 86 (3), 2010.
- Willett Th.* A cross-linguistic survey of the grammaticization of evidentiality // *Studies in Language* 12 (1), 1988.

Схема 2. Эвиденциальная система болгарского языка



Обозначения

- — категория эвиденциальности;
- - - - - (полу)омонимичные формы перфекта, конклюдива, простого репортазива и простого адмиратива, различающиеся употреблением копулы в третьем лице;
- . - . - - формы причастий на -л;
- КЭ — категория эвиденциальности; ЭМ — эпистемическая модальность.

П. С. Митева, Е. С. Антонов

МГУ, Москва

ХАРАКТЕРИСТИКА СОБЫТИЯ И УЧАСТНИКОВ СОБЫТИЯ В ТЕГИНСКОМ ГОВОРЕ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА¹

Языки мира различаются по тому, с помощью каких грамматических средств в них выражается характеристика событий и участников события. Некоторые языки противопоставляют синтаксическую **адвербиальную** конструкцию (скорее характеристика события) и синтаксическую конструкцию **вторичной предикации** (скорее характеристика участника) (напр., славянские языки), другие языки используют единую стратегию для характеристики событий и участников (*general adjunct construction*) (напр., немецкий) ([Himmelman, Schultze-Berndt 2004, 2005] и др.)

Рассмотрим, какие возможности для выражения характеристики событий и участников существуют в тегинском говоре хантыйского языка.

1. «Наречие» на *-a*

С помощью формы на *-a* выражаются следующие значения:

- Характеристика события (семантическая адвербиальная конструкция):

(1) *šitām-a* *potār-ŋ*
тихий-DAT/ADV говорить-NPST
'Он тихо говорит'.

- Характеристика участника (семантическая вторичная предикация):

¹ Материал был собран в с. Теги Ханты-Мансийского АО в ходе лингвистической экспедиции под руководством А. И. Кузнецовой и С. Ю. Толдовой (16.07.10 – 06.08.10), грант РГНФ № 10-04-18022е.

- (2) *luv joχi χaś-эм наврем-а*
 он обратно остаться-PST.PART ребенок-DAT/ADV
sema₁ pi₂-эс
 родиться_{1, 2}-PST
 ‘Он родился последним ребенком’.
- (3) *luv joχi jox_t-эс kăš-ăη-а таχ-е₁ е₁т_i*
 он обратно прийти боль-ATTR-DAT/ADV место-3SG из
 ‘Он вернулся из поездки больным’.
- Характеристика результирующего состояния:
- (4) *luv an-₁-a₁ sorm-а моx-с-э₁т_i*
 он чашка-PL-3SG сухой-DAT/ADV вытереть-PST-3SG.PL
 ‘Он вытер чашки досуха’.

В предикативной и атрибутивной функциях форма на *-а* употребляться не может.

Из примеров (1) и (4) следует, что суффикс *-а* образует наречия от прилагательных: *šităm* ‘тихий’ — *šităm-а* ‘тихо’; *sorəm* ‘сухой’ — *sorm-а* — ‘сухо’ и т. д.

Природа показателя *-а* в примерах (2) и (3) не до конца ясна. В тегинском говоре *-а* используется также в следующих контекстах:

- Как падежный показатель датива/латива:
- (5) *aj pōx ma-с ki₁nika наврем*
 маленький мальчик дать-PST книга ребенок
von₁’tă-t_i xojăt-эт-а
 учить-NPST.PART человек-PL-DAT/ADV
 ‘Мальчик дал книгу учителям’.
- Кодировать аргумент глаголов *jit_i*, *pitt_i* ‘стать кем-л./каким-л., превратиться в кого-л.’, *χaśt_i* ‘остаться кем-л./каким-л.’, *vult_i* ‘быть кем-л./каким-л.’ (в прош. вр.), *pirit_i* ‘выбрать кого-л. кем-л.’²:

² Суффикс *-а* не получают прилагательные, образованные с помощью каритивного суффикса *-li* и некоторых других суффиксов, а также слово *ate₁* ‘один’:

- (i) *luv χaś-эс наврем-₁и / *наврем-₁-а*
 он остаться-PST ребенок-CAR ребенок-CAR-DAT/ADV
 ‘Он остался бездетным’.

- (6) *lij atəm xojāt-a / *xojāt-ət-a*
 они плохой человек-DAT/ADV человек-PL-DAT/ADV
pit-s-ət
 статья-PST-3PL
 ‘Они стали плохими людьми’.
- (7) *lij nar-ox-iŋ-a /*
 они голый-голова-ATTR-DAT/ADV
 **nar-ox-iŋ-ət-a* *ji-s-ət*
 голый-голова-PL-ATTR-DAT/ADV статья-PST-3PL
 ‘Они стали лысыми’.

Показатель *-a* в примерах с существительными (2) и (6) логично было бы считать показателем датива, однако мешает то, что в подобных примерах крайне затруднено выражение множественного числа. (Ср. невозможность выражения мн. ч. у аргумента глагола *стать* в примере (6) и у семантического вторичного предиката в примере (8) vs. свободное выражение мн. ч. в дативном контексте в примере (5)):

- (8) *ar piljox narvem vonŋa-ti xojat-a /*
 много друг ребенок учить-NPST.PART человек-DAT/ADV
 **xojat-ət-a* *röpit-t-ət*
 человек-PL-DAT/ADV работать-NPST-3PL
 ‘Много друзей учителями работают’³.

Еще меньше оснований считать показателем датива *-a* в примерах с прилагательными (3) и (7). Прилагательные в хантыйском языке не склоняются и никогда не получают падежных окончаний. Можно предположить, что в примерах (3) и (7) происходит субстантивация и поэтому становится возможным падежный показатель, однако в других контекстах употребление прилагательного в качестве существительного невозможно:

- (9) *maneta nŋa kaš-äŋ narvem / *kaš-äŋ*
 я.ACC/DAT видно боль-ATTR ребенок боль-ATTR
 ‘Я вижу больного ребенка / больного’.

³ Показатели множественного числа и посессивности можно получить в примерах типа ‘Они стали моими друзьями’, однако информанты отмечают неестественность получившихся хантыйских предложений.

Выражение множественного числа с прилагательными⁴ также невозможно (см. пример (7) с аргументом глагола *стать* и (10) с семантическим вторичным предикатом):

- (10) *piļjox joxat-s-ət kuš-əm-a /*
 друг прийти-PST-3PL опьянеть-PST.PART-ADV
 **kuš-əm-it-a*
 опьянеть-PART-PL-ADV
 ‘Друзья пришли пьяными’.

Таким образом, по-видимому, можно сделать вывод о том, что во всех рассмотренных примерах с показателем *-a* мы имеем дело с единой адвербиальной конструкцией и что *-a* выступает в качестве наречного показателя⁵.

В качестве контролера формы на *-a* может выступать подлежащее, прямое дополнение и дополнение в дативе:

- (11) *vas'aj-in xul ĩe-ĭ ĩar-a*
 Вася-2SG рыба есть-NPST голый-DAT/ADV
 ‘Вася ест рыбу сырой’.
- (12) *tām potār ĩuv_i manem₃ olāŋ-a_{i/j} poter-s-əĥi*
 этот разговор он я.ACC/DAT первый-DAT говорить-PST-3SG.SG
 а. ‘Эту новость он рассказал мне первый (потом другие рассказали)’.
 б. ‘Эту новость он рассказал мне первому (потом другим рассказал)’.

2. Деепричастие на *-man*

Деепричастная форма на *-man* может относиться к подлежащему или прямому дополнению.

- (13) *ma_i ĩuveĭ_j aŋkaŋk-eĭk xōša tō-s-em*
 я он.ACC/DAT бабушка-3SG к вести-PST-1SG
*kāšit-man_{i/j/*k}*
 болеть-CONV
 ‘Я его отвезла к бабушке больного/больная’.

⁴ Причастия прошедшего времени во всех рассматриваемых случаях ведут себя так же, как прилагательные.

⁵ Если пренебречь ссылкой 3.

В предикативной и атрибутивной функциях форма на *-тап* употребляться не может.

3. Форма с -Ø

В роли вторичного предиката может выступать прилагательное с нулевым показателем:

- (14) *kos'aj-ev joxt-əs tamxał síkem l'ik-əŋ*
 начальник-1PL прийти-PST сегодня очень зло-ATTR
 'Наш начальник сегодня пришел очень злой'.

Такое оформление разрешается не всеми информантами: более предпочтительны форма на *-a* и деепричастие. Исключение составляют слова, не получающие показателя *-a* в функции аргумента глагола *стать* (см. сноску 2). Все информанты разрешают примеры типа (15):

- (15) *ma tām rōpāta atel ver-ti vera-t-əm*
 я этот работа один делать-INF мочь-NPST-1SG
 'Я могу сделать эту работу один'.

Контролером для формы с нулевым показателем может быть подлежащее и прямое дополнение:

- (16) *luv_j manet_i le-l_{i/j} joχi tō-s-ti*
 он я.ACC/DAT есть-CAR обратно вести-PST-3SG.SG
 'Он привел меня голодного/голодный'.

Возникает вопрос, является ли предикация 'он/я голодный' подчиненной по отношению к предикации 'он привел меня' или же (16) состоит из двух сочиненных предикаций. По-видимому, верно первое, так как прилагательное — вторичный предикат не может получать показатель множественного числа (который возможен в предикативном употреблении):

- (17) *poχ₁ lenk₂-ət nāχmāŋ / *nāχmaŋ-ət joxt-s-ət*
 мальчик_{1,2}-PL веселый веселый-PL прийти-PST-3PL
 'Мальчики пришли веселые'.
- (18) *poχ₁ lenkət₂ nāχmaŋ-ət*
 мальчик_{1,2}-PL веселый-PL
 'Мальчики веселые'.

Таким образом, в данном случае в конструкции вторичной предикации прилагательное ведет себя так же, как в именной группе (не изменяется по падежам и числам).

4. Форма на *-in*

Наконец, последней стратегией оформления семантической вторичной предикации является показатель *-in*. Что он представляет собой, также не совсем понятно. В тегинском говоре есть два омонимичных показателя — падежный показатель локатива и показатель посессива 2 л. ед. ч., выполняющий также непосессивные функции.

Скорее всего *-in* является показателем локатива, который также используется в функции инструменталиса (т. е. калькой русского творительного падежа).

Контролером для формы на *-in* может выступать подлежащее, прямое дополнение и дополнение в дативе.

5. Выводы

Самой распространенной стратегией выражения характеристики в тегинском говоре хантыйского языка является единая адвербиальная конструкция (наречие на *-a*, деепричастие на *-man*). Адвербиальная конструкция используется как для характеристики события, так и для характеристики его участников. Синтаксическая вторичная предикация занимает, по-видимому, второстепенное место в грамматике тегинского говора. К показателям, выражающим синтаксическую вторичную предикацию, можно отнести нулевой показатель у прилагательных, характеризующих участников ситуации (большинством информантов разрешается для небольшой группы слов), и показатель *-in* (вероятнее всего, калька с русского).

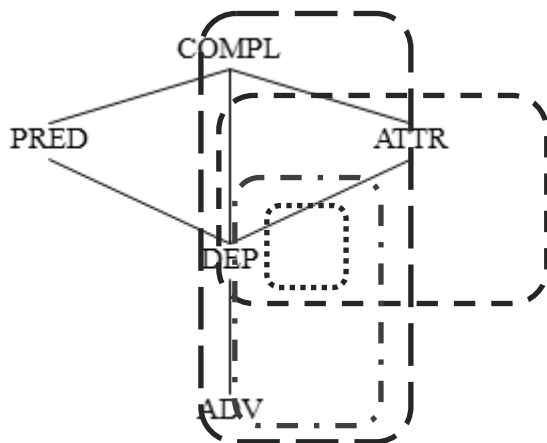
Список условных сокращений

ADV — адвербиалис; ATTR — атрибутив; CAR — каритив; DAT — датив; INF — инфинитив; NEG — отрицание; NPST — непрошедшее время; PART — причастие; PL — множественное число; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Рис. 1. Функции рассмотренных форм
(карта по [van der Auwera, Malchukov 2005: 411])

COMPL — аргумент глагола, PRED — предикативное употребление, DEP — семантическая вторичная предикация, ADV — семантическая адвербиальная конструкция, ATTR — атрибутивное употребление.

- — форма на *-a*
- · - · форма на *-man*
- - - форма с \emptyset
- форма на *-in*



Литература

- Himmelmann N., Schultze-Berndt E. F. Depictive secondary predicates in crosslinguistic perspective // *Linguistic Typology* 8, 2004.
- Himmelmann N., Schultze-Berndt E. F. Issues in the syntax and semantics of participant-oriented adjuncts: an introduction // Himmelmann N., Schultze-Berndt E. F. (eds.). *Secondary predication and adverbial modification. The Typology of depictives*, Oxford, 2005.
- van der Auwera J., Malchukov A. A semantic map for depictive adjectivals // Himmelmann N., Schultze-Berndt E. F. (eds.). *Secondary predication and adverbial modification. The Typology of depictives*, Oxford, 2005.

Д. Ф. Мищенко

СПбГУ, Санкт-Петербург

**НЕКАНОНИЧЕСКОЕ МАРКИРОВАНИЕ АКТАНТОВ
ДВУХМЕСТНЫХ ПРЕДИКАТОВ
В ИНГЕРМАНЛАНДСКОМ ДИАЛЕКТЕ ФИНСКОГО ЯЗЫКА:
к вопросу о естественных классах предикатов¹**

Финны-ингерманландцы составляют самую многочисленную группу финнов, проживающих на территории России. Ингерманландский диалект сложился на базе юго-восточного диалекта финского языка [Суни 2003]. В дальнейшем он подвергся значительному влиянию русского, эстонского и литературного финского языков [Елисеев 2003].

Настоящее исследование посвящено изучению неканонических двухместных предикатов ингерманландского диалекта. Введем определения нескольких основных понятий. **Каноническими двухместными предикатами** называют предикаты, имеющие два ядерных аргумента и кодирующие их при помощи **базовой переходной конструкции**, т. е. наиболее частотной конструкции, которую могут образовывать двухместные предикаты. Помимо канонических, в языках обычно есть и **неканонические двухместные предикаты**, которые кодируют свои ядерные актаны иначе.

В ингерманландском диалекте финского языка базовой переходной конструкцией является такая конструкция, в которой А-участник кодируется номинативом, а О-участник — генитивом. О-участник переходной конструкции может также выражаться партитивом, если того требуют грамматические свойства предло-

¹ Данное исследование поддержано грантом РГНФ, проект 08-04-00152а, при частичной поддержке грантом РГНФ «Неканоническое маркирование актантов многоместных предикатов» (номер проекта 09-04-00366а). Основным материалом послужили данные, собранные в ходе лингвистической экспедиции в Гатчинский район Ленинградской области в 2009-2010 гг. Пользуясь случаем, я бы хотела выразить благодарность М. Муслимову, М. Федотову и Н. Кузнецовой за помощь в сборе и обработке материала.

жения. Так, партитив употребляется в конструкциях с имперфективной семантикой и при отрицании. Большинство работ, посвященных кодированию актантов в финском языке, учитывают лишь грамматические факторы, влияющие на отклонение от базовой переходной модели². Целью данного исследования стало выделение естественных классов предикатов, аргументы которых получают одинаковое оформление, и поиск общих семантических свойств членов этих классов.

Можно предположить, что в таком языке как финский, с его развитой системой локальных падежей, кодирование ядерных актантов многих двухместных предикатов совпадет с кодированием сирконстантов — в первую очередь локативных — других лексем языка. Семантическим компонентом, объединяющим неканонические предикаты с одинаковой моделью оформления актантов, в таком случае, окажется некоторое локативное, директивное или аблативное значение. Кроме того, поскольку в финском языке падежное оформление актантов зависит от грамматических факторов, вероятно, способ их кодирования может зависеть от такой тесно связанной с грамматикой характеристики предиката, как его акциональные свойства. Как будет показано далее, обе эти гипотезы подтвердились.

В ходе работы с информантами применялась анкета, разработанная исследователями ИЛИ РАН. Эта анкета содержит 130 предложений с двухместными предикатами русского языка. Для ингерманландского диалекта удалось получить 109 двухместных предикатов. Несколько меньшее число предикатов объясняется рядом причин. Во-первых, информанты зачастую испытывали трудности при переводе отдельных предикатных лексем, таких, например, как 'раздражаться' или 'льстить'. Во-вторых, некоторые значения в ингерманландском диалекте финского языка передаются при помощи одноместных предикатов, например, значение 'слезать' выражает конструкция *tulla alas*, букв. 'прихо-

² В этом отношении интересна статья [Sands, Campbell 2001], авторы которой приходят к выводу о том, что большинство «неканонически» маркированных конструкций в финском на самом деле являются каноническими, и призывают исследователей более внимательно подходить к разграничению грамматического и лексического при изучении неканонического маркирования актантов.

дить вниз'. В-третьих, не рассматривались сложные глаголы, соответствующие некоторым русским предикатам, например, 'огорчать' = *pahentaa mielin*, букв. 'портить настроение'. И, наконец, из базы данных были исключены неглагольные предикаты, например, 'дружить' = *olla ystävä* 'быть другом'.

На основании анкеты в ингерманландском диалекте финского языка было выявлено 12 способов нестандартного кодирования актантов двухместных предикатов, см. Таблицу 1:

Таблица 1. Неканоническое маркирование актантов двухместных предикатов

	А-участник	О-участник	Примеры
1	NOM	PART	<i>pelätä</i> 'бояться' <i>puuttuu</i> 'дотронуться'
2	NOM	GEN <i>kans</i>	<i>tapella</i> 'драться' <i>tutustuu</i> 'знакомиться'
3	NOM	AD	<i>lääsii</i> 'болеть (чем)' <i>soittaa</i> 'играть (на чем)'
4	NOM	ALL	<i>auttaa</i> 'помогать' <i>katehtii</i> 'завидовать'
5	NOM	ILL	<i>kelvata</i> 'подходить' <i>sattuu</i> 'попасть (что во что)'
6	NOM	EL	<i>ajatella</i> 'думать (о ком)' <i>erroo</i> 'отличаться'
7	NOM	GEN <i>piälle</i>	<i>hyökätä</i> 'нападать' <i>katsoo</i> 'смотреть'
8	NOM	EX	<i>katkeroituu</i> 'огорчаться'
9	NOM	NOM	<i>maksaa</i> 'стоять (что)'
10	AD	PART	<i>kivistää</i> 'болеть (у кого что)'
11	ALL	PART	<i>tavata</i> 'быть достаточным'
12	ALL	NOM	<i>näyttiissä</i> 'нравиться'

Далее будут обсуждаться только первые 7 способов маркирования актантов, поскольку остальные способы представлены единичными примерами и на данном этапе не могут использоваться в качестве оснований для выделения естественных классов предикатов.

1. Среди глаголов, обладающих сильным партитивным управлением, можно выделить следующие подгруппы:

1.1. глаголы чувства, где О-участник — источник эмоционального состояния, например, *ikävöijä* ‘скучать’;

1.2. глаголы, обозначающие такое действие над О-участником, которое не подразумевает непосредственного физического контакта, например, *ampuu* ‘стрелять’, ср. (1)–(2):

(1) *Mikka ampu-i-∅ varis-ta*
Мика стрелять-PST-3SG ворона-PART
‘Мика выстрелил в ворону’. {Он не попал}.

(2) *Mikka ampu-i-∅ variksee*
Мика стрелять-PST-3SG ворона.ILL
‘Мика подстрелил ворону’.

1.3. глаголы физического воздействия с неполностью вовлеченным О-участником, например, *purra* ‘кусать’, ср. (3)–(4):

(3) *koira pur’ Mikkaa*
собака кусать.PST.3SG Мика.PART
‘Собака укусила Мику’.

(4) *koira pur’ Mikka-n*
собака кусать.PST.3SG Мика-GEN
‘Собака изглодала Мику’.

1.4. глаголы, акциональные свойства которых не допускают перфективной интерпретации, например, *etsii* ‘искать’. В этом случае партитивное управление, обусловленное грамматическими свойствами языка, становится лексической характеристикой глаголов.

Необходимо отметить, что в ингерманландском диалекте наблюдается тенденция к расширению группы партитивных глаголов. Некоторые переходные глаголы литературного финского языка в этом диалекте приобретают сильное партитивное управление. Интересно, что при этом многие глаголы с сильным партитивным управлением допускают также кодирование О-участника одним из локативных падежей (о них см. ниже). В большинстве случаев маркирование актанта локативным падежом — результат влияния русского языка.

2. Список предикатов, кодирующих О-участника при помощи генитива с послелогом *kans* ‘с’ в ингерманландском, полностью совпадает с группой предикатов русского языка, О-участник

которых оформляется творительным падежом с предлогом 'с'. Эти глаголы обозначают симметричные ситуации, например, *luatii* 'разговаривать'. Однако в данном случае речь не идет о влиянии русского: похожие группы выделяются во многих языках, рассмотренных в рамках данного проекта (цахурский, гуарани, эстонский).

3. Основное значение адессива в финском языке — обозначение местонахождения объекта около кого-либо или чего-либо. Кроме того, адессивом оформляется участник, выражающий значение инструмента. Подобная семантика прослеживается и у предикатов, О-участник которых кодируется адессивом. К ним относятся:

3.1. глагол местонахождения *jiähhä* 'оставаться';

3.2. глаголы действия, совершаемого лишь при помощи какого-либо предмета, например, *leikata* 'порезаться'.

Таким образом, у таких предикатов кодирование О-участника совпадает с кодированием инструментальных и локальных сирконстантов других лексем языка.

4. В финском языке аллативом оформляется участник с бенефактивной или реципиентной семантикой. Как и в случае с адессивом, это обстоятельство определяет управление ряда глаголов в ингерманландском диалекте: глагольные предикаты, обозначающие такие действия А-участника, которые каким-либо образом затрагивают интересы О-участника, например, *vastata* 'отвечать' или *auttaa* 'помогать', кодируют О-участника аллативом.

Как мы видим, у таких предикатов кодирование О-участника совпадает с кодированием неядерных актантов (реципиента и адресата) других лексем языка.

5. Иллатив в финском языке выражает значение движения внутрь чего-либо или предел (в прямом и переносном значении), вплоть до которого осуществляется действие. Кодирование ядерных актантов ряда ингерманландских глаголов совпадает с кодированием локальных сирконстантов других лексем языка. Глаголы, обозначающие движение внутрь объекта или к объекту, например, *liittää* 'прилипать', управляют иллативом.

6. Основное значение элатива — объект, из которого происходит движение. Подобная семантика присуща и тем предикатам, которые кодируют своего О-участника при помощи этого падежа:

6.1. элативом управляет глагол *puajeta* 'избегать' с семантикой движения от объекта;

6.2. группа глаголов состояния, О-участник которых — источник, причина этого состояния, например, *iloita* 'радоваться'. Очевидно, что в данном случае элативное управление — результат метафорического осмысления эмоционального воздействия как направленного «движения» от источника чувства к тому, кто его воспринимает.

7. При помощи генитива с послелогом *piälle* 'на' кодируют О-участника глаголы, семантика которых включает компонент направления, например, *hyökätä* 'нападать'.

Необходимо отметить, что во многих случаях кодирование одного из актантов локативным падежом — результат влияния русского языка. Среди таких предикатов можно упомянуть глаголы *lässii* 'болеть' (адессив), *katehtii* 'завидовать' (аллатив), *rakastuu* 'влюбляться' (иллатив) и многие другие.

Список условных сокращений

AD — адессив; ALL — аллатив; EL — элатив; EX — эксессив; GEN — генитив; ILL — иллатив; NOM — номинатив; PART — партитив; PST — прошедшее время; SG — ед. ч.

Литература

- Елисеев Ю. С.* Российские финны. Финны-ингерманландцы. Язык финнов-ингерманландцев // Клементьев Е. И. (ред.). Прибалтийско-финские народы России. Серия «Народы и культуры». М., 2003.
- Суни Л. В.* Российские финны. Финны-ингерманландцы. Исторический очерк // Клементьев Е. И. (ред.). Прибалтийско-финские народы России. Серия «Народы и культуры». М., 2003.
- Sands K., Campbell L.* Non-canonical subjects and objects in Finnish // Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W., Onishi M. (eds.). Non-canonical marking of Subjects and Objects. Amsterdam, 2001.

Н. А. Муравьев

МГУ, Москва

**СЕМАНТИКА ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ФОРМЫ
КОСВЕННОГО НАКЛОНЕНИЯ
В ТЕГИНСКОМ ГОВОРЕ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА**

Исследование основано на материалах лингвистической экспедиции МГУ в с. Теги Ханты-мансийского АО¹. В данной работе рассматриваются формы косвенных² наклонений глагола в хантыйском языке, говоре жителей с. Теги, расположенного в среднем течении р. Обь. В грамматических описаниях разных диалектов хантыйского языка выделяется различное число наклонений в зависимости от наличия в диалекте данных форм и от точки зрения автора по поводу того, что следует считать наклонением. В ходе работы проверялось, насколько семантика и набор форм глагольного наклонения в грамматических описаниях языка соответствуют употреблению данных форм в речи носителей. В грамматиках хантыйского языка недостаточно подробно сказано об отрицательных формах наклонения, в связи с чем важный вопрос представляют собой формы с отрицательной частицей *at*, употребляемой только с косвенными наклонениями. Именно этой проблеме и посвящено настоящее исследование.

Тегинский говор является промежуточным между шурышкарским и казымским диалектом, принадлежащим к западной группе, поэтому в работе над наклонением использовались описания [Каксин 2007] для казымского диалекта и [Николаева 1995] для обдорского диалекта (соседнего с шурышкарским, так как описания шурышкарского диалекта найдено не было). В [Николаева 1995] приведен максимально полный список, состоящий из семи наклонений: индикатива, императива, латентива, адхортатива, оптатива, кондиционалиса и конъюнктив. В [Каксин 2007] же в качестве форм наклонения выделяются только индикатив и императив, но говорится также и о некоторых других

¹ Экспедиция проводилась по гранту РГНФ номер 10-04-18022е.

² Косвенное — любое другое наклонение, кроме индикатива, являющегося прямым наклонением.

формах, «подобных формам наклонения»: условно-сослагательное, латентив, адхортатив и оптатив. В настоящем исследовании было принято решение, следуя [Николаева 1995], считать все перечисленные формы наклонениями, но, как и в [Каксин 2007], объединить условные и ирреальные формы в одно наклонение (конъюнктив).

Для выражения отрицания в индикативе используется отрицательная частица *an(t)* или отрицательный глагол *antām*. Однако есть также частица *ał*, которая, по описаниям, употребляется с императивными формами, образуя формы прохибитива (1), или с индикативными формами для выражения опасения (2).

- (1) *ał* / **an ketm-e tam sumka*
 ПРОН NEG трогать-IMP.SG .SG этот сумка
 ‘Не трогай эту сумку!’
- (2) *mojtǫpsi-j-ǎ ał jǫχi has'-ł-ǫv*
 праздник-OBL-ILL ПРОН PREV остаться-NPST-1PL
 ‘Боюсь, как бы мы не опоздали на праздник’.

Однако в ходе исследования выяснилось, что отрицательная частица *ał* может употребляться практически со всеми наклонениями, кроме латентива (эвиденциального наклонения) и конъюнктива. Но если данная частица может употребляться с индикативом, возникает вопрос, следует ли считать такое сочетание особой косвенной формой, так как если *ał* действительно употребляется с индикативом (и такая форма считается индикативной), то такая частица не может называться маркером отрицания косвенного наклонения.

Для этого следует обратить внимание на образование форм других наклонений, кроме индикатива и императива, в которых возможно отрицание с *ał*, а именно адхортатива и оптатива. Эти наклонения формально очень похожи: обе формы образуются сочетанием частицы *at* ‘пусть’ с индикативом. Разница состоит в том, что для образования оптатива используется частица *toŋ* ‘бы’, которая может и опускаться, но тогда глагол обязательно должен стоять в прошедшем времени, в то время как с *toŋ* глагол может стоять в любом времени. Сочетание же *at* с непрошедшим временем без *toŋ* образует адхортатив. Разница в семантике состоит в том, что адхортатив выражает, по определению [Николаева 1995]

«смягченное повеление», побуждение к действию, а оптатив — пожелание к совершению действия, «не обращенное непосредственно к субъекту модального действия».

- (3) *tij naŋ piŋ-en-ǎ at vant-t-ət*
 он ты на-2SG-ILL пусть смотреть-NPST-3PL
 ‘Пусть они на тебя посмотрят’.
- (4) *munev (toŋ) at n’ot-s-eŋ tam rɔpata-ən*
 мы.ACC бы пусть помогать-PST-3PL.SG этот работа-LOC
 ‘Хорошо бы они помогли нам в этой работе!’

Отрицательная форма адхортатива и оптатива образуется сочетанием индикативной отрицательной частицы *an(t)*, частицы *at* (в оптативе в некоторых случаях вместе с *toŋ*) и глагола в индикативе, а такое сочетание часто заменяется на *at* с глаголом в индикативе.

- (5) *tšiv tij at / (an at) ji-t, miŋ*
 он сюда PRON NEG пусть идти-NPST мы
ver ar tej-t-tšiv
 дел много иметь-NPST-1PL
 ‘Пусть он к нам не приходит, у нас много дел’.
- (6) *tšiv vont-ən xət at / (an at) tšot-əs*
 он лес-LOC далеко PRON NEG пусть зайти-PST
 ‘Как бы он не потерялся в лесу’.

Следовательно, во-первых, отрицательная частица *at* предстает эквивалентом сочетанию адхортативно-оптативной частицы *at* с отрицанием *an(t)*, а, во-вторых, описанная в литературе форма со значением опасения является отрицательной формой оптатива. Поэтому сочетание частицы *at*, уже включающей в себя адхортативное/оптативное значение, с индикативом действительно образует отрицательную форму косвенного наклонения (а не просто индикатива).

Тем самым, *at* является отрицательной частицей для трех косвенных наклонений: императива, адхортатива и оптатива, а для остальных наклонений: латентива и конъюнктива, как и для индикатива, используется стандартное отрицание с частицей *an(t)* или отрицательным глаголом *antəm*.

- (7) *s'əta n'emł jam antām*
там ничего хороший NEG.SG
'Там нет ничего хорошего'.
- (8) *ma əχ-em-a mil an / *ał łǫmt-m-em*
я голова-1SG-ILL шапка NEG PRON надеть-LAT.PST-1SG
'Оказывается, я шапку на голову не надел!'
- (9) *χǫlevt jert ki an / *ał pit-ł,*
завтра дождь если NEG PRON падать-NPST
muŋ χuł veł-tiji man-ł-ǫv
мы рыба ловить-SUPIN идти-NPST-1PL
'Если завтра не будет дождя, мы пойдем на рыбалку'.

В ходе исследования была уточнено приводимое в литературе описание глагольной категории наклонения. Более тщательному анализу были подвергнуты отрицательные формы косвенных наклонений, что позволило объединить названные в грамматиках хантыйского языка контексты употребления отрицательной частицы *ał* в одну общую отрицательную форму косвенного наклонения. В остальном же употребление форм глагольного наклонения в речи носителей соответствует описанию, данному в грамматиках.

Список условных сокращений

1; 2; 3 — лицо; ACC — аккузатив; ILL — иллатив; IMP — императив; LAT — латентив; LOC — локатив; NEG — отрицание; NPST — непрошедшее время; OBL — косвенная основа; PL — множественное число; PREV — преверб; PRON — прохобитив; PST — прошедшее время; SG — единственное число; SUPIN — супин.

Литература

- Каксин А. Д. Казымский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск, 2007.
Николаева И. А. Обдорский диалект хантыйского языка. Гамбург, 1995.

Д. К. Привознов

МГУ, Москва

ПОСЕССИВНЫЕ ИМЕННЫЕ ГРУППЫ В ТЕГИНСКОМ ГОВОРЕ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА

1. Посессивная именная группа

Работа проведена на материале тегинского говора хантыйского языка¹.

В тегинском говоре посессивная ИГ может оформляться двумя способами: (тип 1) N + N-POSS; (тип 2) N + N.

(1) *van`a-j-en op-əʃ man-s vöš-a*
Ваня-OBL-2SG сестра-3SG ехать-PST.3SG город-ILL
'Сестра Вани уехала в город' (TS, 31.07.2010).

(2) *χota aš-em an*
где папа-1SG чашка
'Где папина чашка (чашка папы)?' (TS, 31.07.2010)

Выбор между двумя типами ИГ зависит от многих факторов. В данной работе делается попытка обозначить набор этих факторов, выяснить характер влияния фактора «семантическое отношение» на выбор между вышеуказанными типами ИГ, построить гипотезу относительно взаимодействия различных факторов (предположительные веса).

2. Фактор 1: семантическое отношение

2.1. Семантические иерархии

Один из возможных факторов, влияющих на выбор между типом ИГ 1 и типом ИГ 2, — семантическое отношение между референтами вершины и зависимого в ИГ, точнее место данного отношения в некоторой семантической иерархии. Такая иерархия может быть основана на различных семантических признаках:

¹ Исследование проведено в с. Теги, Ханты-мансийский АО, Березовский район (грант РГНФ №10-04-18022е).

одушевленность (вершины ИГ), отчуждаемость и др. О зависимости тех или иных грамматических явлений от различных семантических иерархий см. [Леонтьев 2008; Гращенков 2007; Nichols 1992; Haiman 1985].

2.2. Семантическая иерархия для тегинского говора, статистика

Набор семантических отношений, влияющих на те или иные грамматические явления, разнится от работы к работе. В данной работе был взят за основу обобщенный список семантических генетивных отношений из [Леонтьев 2008]. Для каждого из СО было собрано в среднем около 15 примеров ИГ. Таким образом, для каждого СО мы можем сравнить количество примеров ИГ типа 1 и ИГ типа 2 и получить процентное соотношение между ними. Т. е. мы получаем предпочтение в пользу определенного типа ИГ для каждого СО и в соответствии с этим иерархию, см. Таблицу 1. В столбцах «-» и «+» указано количество примеров соответственно без посессивного показателя и с посессивным показателем; в столбце «?» стоит количество примеров, для которых первой реакцией информанта на стимул из анкеты была ИГ без посессива, но вариант ИГ с посессивом не запрещался. В столбцах «%» указано процентное соотношение между ИГ с посессивом и без для каждого СО.

2.3. Выводы

Таблица 1 показывает иерархию СО, основанную на том, какой из двух типов ИГ предпочтительнее для того или иного отношения (см. первый столбец Таблицы 1). Чем «темнее», выше СО по этой иерархии, тем скорее оно будет выражено ИГ с посессивным показателем. Полученную иерархию можно разделить на три части (выделено цветом на Таблице 1), первая (от отношений родства до отношения «ситуация — агенс») практически всегда выражается ИГ с посессивом, последняя (от отношения обладания с вершиной-обладателем до отношений количества) — всегда (более последовательно, чем первая) выражается ИГ без посессива, средняя часть иерархии (от социальных отношений до отношения «группа — элемент») — в 50 процентах случаев выражается ИГ с посессивом, в 50 процентах — без. Для ИГ, выражающих СО

Таблица 1

Отношения	–	%	?	%	+	%	Итого
родство		0,00		0,00	19	100,00	19
часть тела		0,00	1	6,25	15	93,75	16
часть — целое		0,00	4	20,00	16	80,00	20
место (дом) — обитатель		0,00	3	25,00	9	75,00	12
ситуация — агенс	5	35,71	1	7,14	8	57,14	14
социальное отношение		0,00	8	44,44	10	55,56	18
отношение обладания	6	16,22	12	32,43	19	51,35	37
ситуационная принадлежность	2	66,67		0,00	1	33,33	3
авторство	2	50,00	1	25,00	1	25,00	4
ситуация — пациенс		0,00	3	100,00		0,00	3
группа — элемент	1	50,00	1	50,00		0,00	2
отношение обладания, вершина ИГ — обладатель	3	100,00		0,00		0,00	3
временное отношение	4	100,00		0,00		0,00	4
группа — состав	5	100,00		0,00		0,00	5
атрибутивное отношение (железный лом)	17	100,00		0,00		0,00	17
отношение количества	23	100,00		0,00		0,00	23
Итого	69	34,33	34	16,92	98	48,76	201

из второй части иерархии, на выбор между типами ИГ 1 и 2 в большей степени влияют другие факторы (синтаксическая роль, референциальный статус ИГ).

3. Другие факторы и предположительные веса

3.1. Фактор 2: синтаксическая роль, число

Кроме семантического отношения, выражаемого ИГ, на присоединение посессивного показателя к вершине может влиять синтаксическая роль ИГ. В тегинском говоре можно выделить следующие СР: SB, DO, OBL-а (вершина в падеже со значением цели движения, экспериенцера, адресата, реципиента), OBL-en (вершина в падеже со значением места, инструмента), OBL-post (ИГ

с послелогом). Предположительно, чем выше ИГ по иерархии SB>DO>OBL-a>OBL-en>OBL-post, тем скорее ее вершина получит посессивный показатель.

Кроме того, судя по некоторым собранным примерам, число вершины ИГ тоже влияет на присоединение посессива. Например, для ИГ в позиции OBL-en в 8 примерах из 9 информанты запрещали посессивный показатель на вершине в единственном числе, а во множественном — разрешали:

- (3) а. *χōj vas'a-j-en sār-en mŭv χir-ŭ*
 кто Вася-OBL-2SG лопата-INSTR земля копать-NPST.3SG
- б. ⟨...⟩ *sār-ŭaŭ-en* / **sār-ŭ-en*
 лопата-PL-3SG-INSTR лопата-3SG-INSTR
- ‘Кто копает Васиной лопатой (лопатой Васи)/Васиными лопатами?’ (AV, 01.08.2010)

3.2. Фактор 3: референциальный статус

Еще один фактор, который может влиять на выбор между двумя типами посессивной ИГ, — это референциальный статус ИГ. Чем «левее» референциальный статус ИГ по следующей иерархии, тем скорее вершина ИГ получит посессивный показатель:

Таблица 2

референтные			нереферентные			
опр.	слабоопр.	неопр.	родовые	экзистенциальные	атрибутивные	универсальные

3.3. Взаимодействие нескольких факторов

Предположительно, наиболее значимым является фактор 1 «семантическое отношение». Остальные факторы (синтаксическая роль, число и референциальный статус) действуют в пределах середины иерархии из Таблицы 1.

Список условных сокращений

1SG — единственное число, первое лицо обладателя/субъекта, 2SG — единственное число, второе лицо обладателя/субъекта, 3SG — единственное число, третье лицо обладателя/субъекта, ILL — иллатив, INSTR — инструменталис, NPST — непрошедшее время, OBL — косвенная основа,

PL — множественное число обладаемого, PST — прошедшее время, ИГ — именная группа, СО — семантическое отношение, СР — синтаксическая роль.

Информанты

AV — Чупрова Антонина Васильевна, TS — Тамара Семеновна.

Литература

- Граценков П. В.* Изафетная конструкция: многофакторный анализ // Мишарский диалект татарского языка, М., 2007.
- Леонтьев А. П.* Формальный анализ атрибутивных именных групп в перспективе конструкций с внешним посессором. Дисс. ... канд. филол. наук. МГУ, 2008.
- Haiman J.* Natural Syntax. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Nichols J.* Linguistic diversity in space and time. Chicago 1992.

К. Н. Прохоров

МЭ РАН, Санкт-Петербург

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ИНФОРМАЦИОННАЯ СТРУКТУРА В ЯЗЫКАХ ДОГОН¹

1. Введение

Тезис об универсальности грамматических отношений имплицитно или эксплицитно, принимаемый рядом синтаксических теорий не раз подвергался критике с функционалистских позиций [Dryer 1997; Van Valin 1993: 50–56 *inter alia*]. Центральную роль здесь играл материал языков, в которых ряд морфосинтаксических признаков, группирующихся вокруг грамматических отношений в европейских языках, проявляет более тесную, чем у последних, зависимость от ролевой семантики. С другой стороны, в последнее время появился ряд работ [Maslova 2006; Good 2010], посвященных рассмотрению языков, в которых грамматические отношения более тесно связаны с категориями информационной структуры.

Языки догон (восток Республики Мали) представляют интерес с точки зрения типологии грамматических отношений и той роли, которую могут играть категории информационной структуры в их формировании и функционировании. В этой работе рассматривается ряд конструкций в языках догон, в которых средства кодирования грамматических отношений демонстрируют зависимость от свойств топикальности и фокализованности элементов, вокруг которых они группируются.

¹ Работа была выполнена при поддержке гранта РФНФ № 10-04-00215а. Полевая работа в Мали в 2008-2010 годах была поддержана Национальным научным фондом США, Институтом эволюционной антропологии им. Макса Планка (Лейпциг) и университетом им. Гумбольдта (Берлин). Автор благодарен проф. Дж. Хиту и Лоре МакФерсон за предоставление неопубликованных полевых материалов.

2. Дефектные подлежащие в момбо

В языке момбо (западные догон), существует ряд конструкций, в которых подлежащее теряет ряд присущих ему признаков структурного приоритета. К интересующим нас признакам относятся контроль согласования на глаголе (1–2) и линейная позиция в начале клаузы (адвербиалы при этом могут либо предшествовать (3), либо следовать за подлежащим (1)).

(1) *Séydù yá:gù kó:-nà = wⁿ mályé:²*
 PN вчера голова-P.3SG=OBJ видеть:PFV:3SG
 ‘Сейду увидел самого себя’.

(2) *ñ-kó: = wⁿ ñ-màlyé:*
 P.3SG-голова=OBJ 1SG-видеть:PFV
 ‘Я увидел самого себя’.

(3) *yá:gù Séydù kó:-nà = wⁿ mályé:*
 вчера PN голова-P.3SG=OBJ видеть:PFV:3SG
 ‘Вчера Сейду увидел самого себя’.

При фокализации подлежащего соответствующая именная группа «перемещается» в позицию непосредственно перед глаголом. Глагол же, в свою очередь, выступает в специальной форме («SF» в глоссах), которая не имеет согласовательных показателей:

(4) *Ámárù = wⁿ mí: mályé*
 PN-OBJ 1SG видеть:SF
 {Кто видел Амаду?} ‘Я (focus) видел Амаду’.

Таким образом, в конструкции (4) «подлежащее» не обнаруживает ни одного из интересующих нас признаков структурного приоритета.

Важно подчеркнуть, что изменение синтаксических свойств подлежащего в этом случае коррелирует с изменением в информационной структуре предложения. Будем исходить из того, что подлежащее нейтральных декларативных предложений является топиком по умолчанию (см. [Lambrecht 1994: 131–137]). В (4)

² Форма 3SG перфектива в момбо не имеет сегментных согласовательных показателей, однако несет особый лексически заданный тональный контур. В случае *mályé:* ‘он видел’ — нисходящий.

именная группа соответствующая подлежащему находится в фокусе, и, следовательно, топиком не является. Таким образом, мы можем заключить, что в языке момбо часть признаков структурного приоритета подлежащего находятся в зависимости от свойств топикальности последнего.

Изменение линейной позиции подлежащего наблюдается также в классе конструкций, служащих для описания погодных явлений, смены времен года, а также ряд других событий носящих стихийный, неподконтрольный участникам речевого акта характер. Для подобных конструкций характерна более тесная, чем обычно, лексическая связь между подлежащим и сказуемым. Так, наиболее точным переводом русского *идет дождь* является предложение, в котором существительное *kúmáŋgà* 'дождь' выступает в качестве подлежащего при глаголе *wé:* 'плакать':

- (5) *kúmáŋgà wá: bó:*
 дождь плакать:IPFV быть:3SG
 'Идет дождь'.

Интересной синтаксической особенностью подобных конструкций является ограничение на линейную позицию наречий. В отличие от обычных клауз, в этих конструкциях они могут предшествовать подлежащему, но не следовать за ним:

- (6) *yá:gù kúmáŋgà wá: bó: = ÿ*
 вчера дождь плакать:IPFV быть=PST
 'Вчера шел дождь'.

- (7) **kúmáŋgà yá:gù wá: bó: = ÿ*
 'Вчера шел дождь'.

Таким образом, и в этой конструкции подлежащее теряет один из признаков структурного приоритета — линейную позицию перед наречиями.

В этом случае, как и в предыдущем, дефектный характер подлежащего в отношении определенных признаков структурного приоритета соотносится с его маркированным статусом в плане информационной структуры. Предложения типа (5) являются так называемыми «тетическими» утверждениями [Sasse 1987]. Особенностью последних является «плоская» конфигурация информационной структуры, при которой ни один из элементов предложения

не обладает большей по сравнению с другими топикальностью или фокализированностью (ср. термин «sentence focus», используемый в [Lambrecht 1994]) Здесь, как и в конструкциях с субъектным фокусом, подлежащее демонстрирует изменение синтаксических свойств на фоне уменьшения топикальности.

Конструкции, подобные описанным выше, встречаются и в других языках догон, что позволяет предположить общее (по крайней мере, для части языков) направление грамматикализации, в котором морфосинтаксические средства, служащие для выражения информационной структуры, развиваются в средства кодирования грамматических отношений. В оставшейся части работы рассматриваются два примера конструкций, свидетельствующих о том, что развитие морфосинтаксической роли, близкой по своим семантическим свойствам к прямому дополнению европейских языков, происходит в том же направлении.

3. Маркер объекта в томмо со

В языке томмо со (центральные догон) имеется клитика =*η*, совмещающая в себе следующие функции. Она присоединяется к пациентивному участнику транзитивной конструкции (P в терминах семантико-синтаксических примитивов):

- (8) *Sana Kanda = η bo-e*
 PN PN=OBJ/F звать-PFV
 ‘Сана позвала Канду’ [Plungian 1995:12].

При этом наблюдается т. н. «дифференциальное маркирование объекта». Употребление =*η* обязательно с личными местоимениями, именами собственными и некоторыми терминами родства [Plungian 1995]. В остальных случаях чаще всего =*η* не употребляется³.

В дитранзитивной конструкции =*η* маркирует реципиентивного участника (R), при этом маркирование T-участника опционально:

³ В тестах, собранных Лорой МакФерсон, имеются употребления =*η* с дискурсивно определенными именными группами в позиции, соответствующей P участнику.

- (9) *Sana(=ŋ) Kanda=ŋ taga*
PN(=OBJ/F) PN=OBJ/F показывать:IMP
'Покажи Сану Канде' [Plungian 1995: 13].

Наконец, та же самая клитика присоединяется единственному аргументу интранзитивного глагола (S) при фокализации:

- (10) *Sana=ŋ ya-ε*
PN=OBJ/F уходить-PFV
'Сана (focus) ушла'.

Интересно, что агентивный аргумент транзитивного предиката (A) не может присоединять маркер =ŋ при фокализации [McPherson p. c.].

Суммируя, вслед за [Plungian 1995; Maslova 2006] мы можем заключить, что клитика =ŋ совмещает в себе функции падежного маркера и фокализатора. В качестве падежного маркера она выступает в транзитивной и дитранзитивной конструкции, различая A и P в первом случае, и T и R во втором. В качестве фокализатора =ŋ выступает только в интранзитивной конструкции, при фокализации S участника. Подобная дистрибуция маркера =ŋ позволяет предположить, что его употребления в качестве фокализатора являются более старыми, а развитие падежных употреблений является следствием сильной дискурсивной корреляции между ролями P и R с одной стороны и фокусом с другой [Maslova 2006].

4. Приглагольная позиция в момбо

Во многом похожим образом организовано маркирование фокуса и P и R участников в языке момбо. Однако в этом языке часть соответствующих функции выполняет порядок слов. P занимает позицию непосредственно перед глаголом (ср. примеры (1–3)) и дифференциально маркируется падежным показателем =wⁿ. В дитранзитивной конструкции T предшествует R, который занимает приглагольную позицию и присоединяет тот же падежный показатель. T-участник в этом случае остается немаркированным:

- (11) *bú:rù Sá:rù=wⁿ ñdé*
деньги PN=OBJ давать.PFV
'Он(а) дал(а) Сару денег'.

Наконец, любая фокализованная составляющая «переезжает» в позицию непосредственно перед глаголом вне зависимости от того, какой семантической роли и/или аргументной позиции эта составляющая соответствует. В следующем примере фокализованное наречие *yá:gù* ‘вчера’ располагается между прямым дополнением и глаголом:

- (12) *Ámárù yárà yá:gù táyé-né*
 PN лев вчера стрелять.PFV-NSF:3SG
 ‘Амаду застрелил льва вчера (focus)’.

Ср. также пример (4) с фокализацией подлежащего, приведенный выше.

Таким образом, в момбо позицию перед глаголом занимает наиболее фокализованный элемент в клаузе. В нейтральной транзитивной конструкции это P, в дитранзитивной — R, а при фокализации — фокализованная составляющая.

Важно отметить, что в конструкциях с фокализацией участников P и R их маркированный статус выражается при помощи глагольной морфологии. Глагол выступает в форме маркирующей несубъектный фокус («NSF» в глоссах):

- (13) *bú:rù Sá:rù = wⁿ ndé-né*
 деньги PN=OBJ давать.PFV-NSF:3SG
 {Кому Амаду отдал деньги?} ‘Он отдал деньги Сапу (focus)’.

Формально (13) отличается от приведенного выше примера (11) с нейтральным декларативным предложением только наличием маркера несубъектного фокуса *-né* на глаголе. Таким образом, в морфосинтаксическом плане в момбо разводятся конструкции с фокализованными и нефокализованными P и R участниками. Это обстоятельство позволяет проанализировать приглагольную позицию в момбо как совмещающую в себе функции кодирования аргументов определенного типа (участники P и R) и выражения маркированной конфигурации информационной структуры. Здесь, как и в случае с маркером *=ŋ* в языке томмо со, можно предположить, что аргументные функции возникают как результат закрепления в грамматике сильной дискурсивной корреляции между ролями P и R и фокусом.

Список условных сокращений

IMP — императив; IPFV — имперфектив; F — фокус; NSF — не-субъектный фокус; OBJ — маркер объекта; P — посессор; PFV — перфектив; PN — имя собственное; PST — прошедшее время; SF — субъектный фокус, фокус подлежащего; SG — единственное число.

Литература

- Dryer M. S.* Are Grammatical Relations Universal? // Bybee J., Haiman J., and Thompson S. (eds.). *Essays on Language Function and Language Type: Dedicated to T. Givon*. Amsterdam, 1997.
- Good J.* Untangling some ordering conspiracies: Reassessing the source of grammatical relations in Bantu. Handout of the talk given at International SFB Conference Information Structure, Potsdam, July 9–11. 2010.
- Lambrecht K.* Information structure and sentence form: Topic, focus, and the mental representation of discourse referents. Cambridge, 1994.
- Maslova E.* Information focus in relational clause structure. // Tsunoda T., Kageyama T. (eds.). *Voice and Grammatical Relations: In Honor of Masayoshi Shibatani*. Amsterdam, 2006.
- Plungian V.* Dogon (Languages of the world materials, Vol. 64). 1995.
- Sasse H.-J.* Thethetic/categorical distinction revisited // *Linguistics* 25, 1987.
- Van Valin R. D. Jr.* A synopsis of Role and Reference Grammar // Van Valin R. D. Jr. (ed.). *Advances in Role and Reference Grammar*. Amsterdam, 1993.

Е. Н. Сергеева

ПермГУ, Пермь

ТИПА КАК ЭВИДЕНЦИАЛЬНЫЙ МАРКЕР В РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Маркеры эвиденциальности выполняют в речевом общении особую коммуникативную функцию — указание на источник информации, сообщаемой говорящим слушающему.

В зависимости от источника информации эвиденциальность делят на **прямую**, основанную на чувственном восприятии, и **косвенную**, основанную на умозаключении (**инференциальная**) или сообщении (**коментативная**). Внутри коментативной эвиденциальности выделяется два типа оценки: **депрекатив** (выражение осуждения, неодобрения или сомнения негативного характера) и **квотатив**. Пример депрекативного маркера в русском — *якобы*. **Квотатив** характеризуется нейтральной оценкой и встречается реже (*мол*) [Шестухина 2009].

Эвиденциальность в русском — функционально-семантическая категория, реализующаяся разными средствами. В разговорной речи лексическими маркерами косвенной засвидетельствованности являются *мол*, *де*, *дескать*, *якобы*, *типа*, *как бы*, *такой*. И. Б. Левонтина приводит примеры эвиденциального употребления *ах*, *вот* и *вроде* [Левонтина 2010]. Б. Л. Иомдин и А. С. Бердичевский указывают на интересное употребление местоимения *этот* в функции, близкой к эвиденциальной¹.

Часто в одном высказывании используется несколько маркеров:

- (1) *И эта женщина стала мою сестру старшую преследовать / что / дескать / «Ах / она / мол / от меня отбивает».*

¹ «Употребляя лексику *этот* [с собственными именами — Е. С.], говорящий показывает, что повторяет номинации, использованные собеседником или другими людьми. Это явление неожиданным образом сближается с так называемой косвенной эвиденциальностью» [Иомдин, Бердичевский 2006].

1. Маркерами комментативной эвиденциальности в речи современной молодежи являются *типа, такой*, иногда *как бы*.

Русский маркер *типа* имеет аналоги в ряде языков (англ. *like*, швед. *s'ar*, ивр. *kaze*, яп. *mitai-na*). Это так называемые «новые квотативы» [Buchstaller 2002]. О русских ксенопоказателях (*типа/типо, мол, де, дескать*, а также о древнерусском *яко* в этой же функции) писал Томас Дайбер [Daiber 2009; Daiber 2010].

На том основании, что передаваемая речь может характеризоваться сдвигом дейктических и/или прагматических факторов, Дайбер разделил ее на 4 типа. При **прямой** речи не происходит сдвига ни прагматических, ни дейктических особенностей исходного речевого акта (*Он говорит: «Ну давай, придумай что-нибудь»*). Второй полюс — **косвенная** речь, меняются обе характеристики (*Он сказал, что придумает какую-нибудь новую штуку*). Между ними — **имитативная** и **адаптивная** речь. Имитация означает сдвиг только дейктических факторов (*рукопись оставил у себя, мол, может, придумает что-нибудь*), тогда как адаптация — только прагматических (*Давай, мол, придумай, как его положить за границей в банк*).

Основная функция *типа* по Дайберу — имитативный ксенопоказатель, подражание типичной речи [Daiber 2010].

2. Всего нами исследовано 1043 вхождения словоформы *типа* в устном подкорпусе НКРЯ. Результаты можно разделить на несколько групп.

- Примеры типа (2). Таких случаев 155 (15%), мы не берем их в расчет:
 - (2) *Как вон этот / Туголесский бор / поселок городского типа.*
 - *Типа* используется для неточной номинации (маркирует неопределенность) и требует р. п. — 279 (27% от 1043):
 - (3) *Там стояло типа ширмочки / нарисован трехцветный российский флаг.*
 - *Типа* используется для неточной номинации (маркирует неопределенность), не требует р. п. — 143 употребления (14% от 1043):
 - (4) *Там квартирки маленькие / типа / барачные были.*

- В следующих примерах значение *тупа* очень размыто. Функцию можно приблизительно определить как заполнитель при текстопорождении — 125 (12% от 1043):

- (5) Ну и **тупа** все поехали.
- *Тупа* в качестве маркера косвенной эвиденциальности встретилось в подкорпусе 341 раз (33% от 1043):
- (6) Мне мама в последний момент сказала не поедешь / **тупа** уроки делай.
- (7) Диман / если че тогда скажешь **тупа** дежурного сняли.
- (8) Я же не могу повернуться и сказать / «Э / мужики / заткнитесь / **тупа** / надоели / да».
- (9) **Тупа** говорит / «Я чё / знаю / что ли?».

Тупа часто сочетается с глаголами (и отглагольными образованиями), характеризующими речь (158 примеров, 46%):

- (10) Сказал / **тупа** обещать не могу.
- (11) Вы знаете / если попросить отдельных ваших журналистов **тупа** / можно я назову одну фамилию?

— реже — поведение (33, 10%):

- (12) Да ничего / ну / просто / имеется ввиду / что запросто / может быть мимо проиёл и не заметил даже его / **тупа** тебе он вообще по фигу.

— и мысли (8, 2%):

- (13) И это / думаю / ладно / **тупа** / доплелась до дома нормально.

Также *тупа* широко употребляется и без них (142 примера, 42%):

- (14) Ну это / он мне всё **тупа** вот карнавал / карнавал в феврале.
- (15) Вот. Такая / не-не **тупа**. Мне вот **тупа** куда-то идти.

Как уже отмечалось выше, в одном высказывании могут использоваться несколько эвиденциальных маркеров. В частности, *тупа* хорошо сочетается с *такой* (39 примеров, 11%):

- (16) Мы такие / «О / давай / халява **типа**».
- (17) Он такой говорит / «Ну / чё ты / **типа** / я тут тебя сижу жду...»

Конструкция *что типа* встретилась 45 раз, что составляет 13% от всех эвиденциальных употреблений:

- (18) Вот / сказала / что / **типа** Алла замуж вышла.
- (19) Ну я ему / в общем / сказала / что я / **типа** / с подругой встречаюсь.

Обычно *типа* находится в препозиции по отношению к цитируемому (248 примеров, 73%):

- (20) Ну да / просто она удивилась / **типа** / ходят тут всякие.
- (21) Ну **типа** / у вас задолженность / до такого-то,

— реже — разрывает цитату (68 употреблений, 20%):

- (22) Я говорю / «Нет / я просто / **типа** / слежу за этим»,

— и совсем редко — в постпозиции (25 примеров, 7%):

- (23) И он такой / «Маи / вставай / **типа**».

Квотативное употребление встречается у *типа* чаще, чем депрекативное (217 и 124 примера, 64% и 36%, соответственно). Пример депрекатива:

- (24) А нас они ненавидят с давних пор / поэтому они к НАТО / чтобы **типа** от нас защититься.

3. Развитие значений *типа* могло происходить так:

1. Исходная конструкция — со словом *тип* в р. п. ед. ч.

2. Частое ее употребление ведет к размыванию, расширению значения > ‘примерно, наподобие’, далее — возможность сочетаться не только с сущ. р. п. ед. ч.

2а. Возможно дальнейшее размывание значения вплоть до его нивелировки; функция скрепления текста.

2б. Параллельно при сочетании *типа* (в значении ‘примерно’) с глаголами речемыслительной деятельности развивается новое значение (*он сказал что-то типа того, что не придет*). Частое употребление *типа* в таком контексте ведет к закреплению слова

в функции маркера эвиденциальности, точнее, квотатива. Далее оно употребляется и без соответствующих глаголов (*он типа не приду*).

Превращение *типа* в разговорный лексический показатель чужой речи² подкрепляется не только его изначальным значением, но и тем, что прежние маркеры эвиденциальности (*дескать, де*) употребляются сейчас реже.

Литература

- Иомдин Б. Л., Бердичевский А. С.* А кто этот *этой*? Имена собственные и неопределенная определенность // Лауфер Н. И., Нариньяни А. С., Селегея В. П. (ред.). Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2006» (Бекасово, 31 мая – 4 июня 2006 г.). М., 2006.
- Левонтина И. Б.* Пересказываемость в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26–30 мая 2010 г.). Вып. 9 (16). М., 2010.
- Шестухина И. Ю.* Категория эвиденциальности в русском нарративном тексте: коммуникативно-прагматический аспект. Автореферат ... канд. филол. наук. Барнаул, 2009.
- Buchstaller I.* He goes and I'm like: The new quotatives re-visited. Paper presented at NWAV 30. Raleigh, NC, 2002 [www.ling.ed.ac.uk/~pgc/archive/2002/proc.02/buchstaller02.pdf]
- Daiber T.* Why do they all write "tipo"? Is it cool? — Quotative markers in Russian // Paper presented at SLE 42, Lissabon 09–12.09.2009.
- Daiber T.* Quotativmarker im Russischen // Zeitschrift für Slawistik 55 (1), 2010.

² Ср. в других языках: сербск. *kao*. Модель грамматикализации и структуру значений для англ. *like* предлагает И. Бухшталлер.

Н. В. Сердобольская

РГГУ, Москва

ПРОЗРАЧНОЕ СОГЛАСОВАНИЕ В КУНКИНСКОМ И ХУДУЦКОМ ЯЗЫКАХ

1. Введение

Явление прозрачного, или дистантного согласования находится в центре внимания синтаксистов, работающих в рамках различных формальных теорий. Это обусловлено тем, что само наличие данного явления нарушает представления о согласовании, сформировавшиеся в ходе изучения германских и романских языков, а именно представление о том, что согласование приписывается в рамках одной клаузы. Прозрачное согласование, наоборот, «переходит» границу клаузы, например:

Кункинский

- (1a) *dammij aw-ne d=ik'-al-da as-ij*
я.DAT платье-PL NPL=хотеть-ATR-1 купить-SUBJ.1
'Я хочу купить платья'.

В (1a) глагол =*ik'*- 'хотеть' согласуется по множественному числу среднего класса с именной группой (далее ИГ) *aw-ne* 'платья', которая находится во вложенной клаузе. То есть, глагол, присоединяющий сентенциальный актант, согласуется с абсолютивом вложенной клаузы. Между тем, ожидалось бы, что данный глагол будет согласовываться со своим актантом, т. е. с самой вложенной клаузой, то есть по среднему классу (1b):

- (1b) *dammij aw-ne b=ik'-al-da as-ij*
я.DAT платье-PL N=хотеть-ATR-1 купить-SUBJ.1
'Я хочу купить платья'.

Такой тип согласования, в противоположность прозрачному, иногда называют «локальным».

Данное явление отмечается в ряде дагестанских языков (напр., в цезском, см. [Polinsky 2000]; годоберинском, см. [Haspelmath 1999]; цахурском, гинухском, будухском и др., см. [Кибрик 2003]), в

языках Северной Америки — например, алгонкинских (блэкфут, см. [Frantz 1978]; пассамакводди, см. [Bruening 2001]), в индоарийских (хинди, см. [Butt 1993]), чукотско-камчатских (ительменский, см. [Bobaljik, Wurmbrandt 2005]) и других языках.

В рамках формальных синтаксических теорий предлагались различные трактовки конструкций с прозрачным согласованием: реструктуризация в [Bobaljik, Wurmbrandt 2005], «копирование» личного показателя в [Frantz 1978], подъем аргумента в [Bruening 2001], подъем ИГ в TopP в [Polinsky 2000]. Учитывая перечисленные трактовки (см. также [Polinsky 2002]), прозрачное согласование оказывается не однородным явлением, а набором конструкций со схожими поверхностно наблюдаемыми свойствами: подъем в главную предикацию, подъем на левую периферию зависимой предикации, clause union, прономинальные аргументы.

Настоящий доклад направлен на определение типа конструкций с прозрачным согласованием в даргинских языках, а именно кункинском и хуцуцком. Материал настоящего исследования получен в ходе полевой работы 2007–2010 гг. в а. Кунки и Хуцуц Дахадаевского района респ. Дагестан (работа выполнена при поддержке грантов РГНФ № 09-04-00297а; 10-04-00228а).

2. Синтаксический статус абсолютивной ИГ при прозрачном согласовании

2.1. Моно-/биклаузальность конструкций с прозрачным согласованием

Как и во многих нахско-дагестанских языках (см. [Кибрик 2003]), в даргинских языках конструкции с прозрачным согласованием возникают, в основном, при фазовых и модальных глаголах. Это глаголы с семантикой ‘начинать’, ‘уметь’, ‘знать’, ‘мочь’, ‘надо’, ‘хотеть’, ‘нравиться’, ‘поручать’. Приведенный список предикатов, допускающих прозрачное согласование, заставляет предположить, что данное явление в даргинских языках возникает в результате объединения двух клауз в моноклаузальную конструкцию (clause union, см. [Noonan 1985]), где главный предикат грамматикализуется в показатель вида или модальности при зависимом предикате. Однако конструкции

даргинских языков демонстрируют ряд свойств, доказывающих их биклаузальность:

- поведение сложных рефлексивов;
- согласование наречий, относящихся к главной или зависимой предикации;
- возможность отрицания в главной либо зависимой предикации (с различной семантикой);
- возможность в главной и зависимой предикации двух обстоятельств одного типа;
- возможность двух ИГ с одинаковым падежным оформлением.

Перечисленные свойства говорят в пользу биклаузальности конструкций с прозрачным согласованием.

2.2. Принадлежность абсолютивной ИГ зависимой предикации

Абсолютивная ИГ, контролирующая прозрачное согласование, тем самым демонстрирует свойства актанта главной предикации. Возникает вопрос о том, какую синтаксическую позицию (в главной или в зависимой предикации) занимает данная ИГ. Иными словами, встает вопрос, является ли согласование в (1а) результатом подъема.

Описываемые конструкции действительно демонстрируют некоторые свойства подъема:

- линейный порядок

В принципе, даргинские языки характеризуются свободным порядком слов. Однако не все варианты линейного порядка являются равновозможными в любой конструкции. В частности, выбор между локальным и прозрачным согласованием зависит от линейной позиции абсолютивной ИГ. А именно, при выносе данной ИГ перед главным предикатом локальное согласование выбирается довольно редко и может даже запрещаться носителями:

КУНКИНСКИЙ

- (2) *du* [unc-urbe] *ʒaʔun-ne* *ca = d-i*
 я дверь-PL надо-ADV COP=NPL-COP
 (**ca = b = i*) [*ʒe-d = ačʔ-i*]
 COP=NPL-COP PV-NPL=закрывать:PF-SUBJ.1
 ‘Я должен закрыть все двери’.

То есть, при прозрачном согласовании абсолютная ИГ может занимать линейную позицию в составе главной предикации. Такой линейный порядок не является жестко фиксированным, т. к. прозрачное согласование возможно и при другом порядке, ср. (1a). Скорее, действует обратная импликация: если абсолютная ИГ и зависимый предикат разрываются, прозрачное согласование обязательно.

- сфера действия кванторов

Как и в цезском языке, для даргинских конструкций с прозрачным согласованием выполняется тест на сферу действия кванторов. А именно, при прозрачном согласовании кванторы при абсолютной ИГ имеют широкую сферу действия, при локальном — узкую сферу действия, ср.:

- (3) *dammij redil-ra bagur-me d = irc-i*
 я.DAT все-& миска-PL NPL=мыть-SUBJ.1
 a. *d = ik:l-ač'u-da*
 NPL=хотеть-ATR-NEG.PRS.1-1
 b. *b = ik:l-ač'u-da*
 N=хотеть-ATR-NEG.PRS.1-1
 a. 'Не хочу мыть ни одну тарелку'. $\forall(x) [\neg \text{мыть}(x)]$
 b. 'Хочу помыть не все тарелки'. $\neg \forall(x) [\text{мыть}(x)]$

- идиомы

Поскольку абсолютная ИГ проявляет некоторые свойства актанта главного предиката, возникает предположение, что данная ИГ изначально является его актантом. Обычно для проверки данной гипотезы в языках с подъемом применяются такие тесты, как идиомы, пустые подлежащие и др. (см. [Postal 1974]). Тест на идиомы подразумевает возможность подъема ИГ из идиоматического сочетания. Например, в (4) прозрачное согласование контролирует ИГ *č'uli* «вилки», которая является частью идиомы «голосовать» или «бросать жребий» (букв. «убить вилку»).

Хуцуцкий

- (4) *leb-t-a-j č'ul-i kaχ_o-ij*
 все-PL-OBL-DAT вилка-PL DOWN+убить-INF
ʒaʔn-il ca = d
 надо-ATR COP=NPL
 'Всем нужно голосовать'.

3. Свойства инфинитивных и конвербных клауз с локальным согласованием

Исходя из результатов синтаксических текстов, перечисленных в разделе 2, даргинские конструкции с прозрачным согласованием следует трактовать, как подъем в главную предикацию. Отметим, однако, что в отличие от многих других языков, подъем в даргинских языках осуществляется только при предикатах, склонных к грамматикализации.

Интересно, что из всех стратегий оформления СА прозрачное согласование допустимо только при инфинитиве и конвербе. При остальных стратегиях прозрачное согласование не допускается. Обе стратегии отличаются от других стратегий оформления СА «меньшей степенью» биклаузальности. А именно, при инфинитиве и конвербе (даже при локальном согласовании) в принципе допускается постановка обстоятельств, принадлежащих зависимой предикации, в главную:

- Кункинский
- (5) *it qili = b buχ_o al-le ca = b-i us:-an-aj*
 DEM дом=N холодный-ADV COP=N-COP спать-TH-SUBJ
 ‘В этой комнате холодно спать’.

При других стратегиях, в частности при масдаре и комплементаризере, такой порядок слов невозможен.

Далее, инфинитивная и конвербная стратегии допускают релятивизацию ИГ из зависимой предикации, например:

- (6) *ajba-li w = ax-w = a^εχ:-uj irχ_o-an*
 мать-ERG M=купать-M=L.V.PF-SUBJ [M]мочь-POT
gali murad ca = w-i
 мальчик Мурад COP=M-COP
 ‘Мальчик, которого мама может искупать, это Мурад’.

Релятивизация актанта масдара или ИГ из зависимой предикации с комплементаризером невозможна.

То есть, конструкции с локальным согласованием при инфинитиве и конвербе не вполне обладают свойствами биклаузальности. Данные стратегии допускают большее количество передвижений и в целом демонстрируют большую прозрачность для синтаксических процессов, происходящих в главной предикации.

Как представляется, в данном случае нельзя принять однозначное решение о том, что прозрачное согласование — результат подъема в главную предикацию. Невозможно игнорировать тот факт, что в конструкциях с прозрачным согласованием граница между главной и зависимой предикацией в принципе ослаблена, хотя и не окончательно стерта. Это приводит к сомнениям в правомерности постулирования бинарной оппозиции «моно-/биклаузальность». По-видимому, в даргинских языках описываемые конструкции могут быть проинтерпретированы, как подъем, возникающий в результате ослабления клаузуальной границы.

Список условных сокращений

1, 2 — первое/второе лицо; ADV — адвербиалис; ATR — атрибутивная форма; COP — связка; DAT — датив; DEM — демонстратив; DOWN — преверб/суффикс 'вниз/внизу'; ERG — эргатив; INF — инфинитив; LV — инкорпорированный «легкий» (вспомогательный) глагол; M — мужской класс; N — неличный класс; NEG — отрицание; NPL — неличный множественный класс; OBL — косвенная основа; PF — перфектив; PL — множественное число; PRS — презенс; PV — преверб; SUBJ — конъюнктив; TH — тематический элемент (в составе глагольной основы).

Литература

- Кибрик А. Е.* Константы и переменные языка. СПб., 2003.
- Bobaljik J. D., Wurmbrand S.* The domain of agreement // *Natural Language and Linguistic Theory* 23, 2005.
- Bruening B.* Syntax at the Edge: Cross-Clausal Phenomena and the Syntax of Passamaquoddy. Department of Linguistics and Philosophy, PhD Thesis, MIT, 2001.
- Butt M.* A Reanalysis of Long Distance Agreement in Urdu // *Proceedings of the 19th Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society*. Berkeley, 1993.
- Frantz D. G.* Copying from complements in Blackfoot // *Cook E.-D., Kaye J.* (eds.). *Linguistic studies of native Canada*. Vancouver, 1978.
- Haspelmath M.* Long-distance agreement in Godoberi complement clauses // *Folia Linguistica* 33 (1/2), 1999.
- Noonan M.* Complementation // *Shopen T.* (ed.). *Language typology and syntactic description*. Vol. 2: Complex constructions. Cambridge, 1985.

- Polinsky M.* Variation in Complementation Constructions: Long-Distance Agreement in Tsez. // Horie K. (ed.). Complementation. Amsterdam, 2000.
- Polinsky M.* Non-canonical Agreement is Canonical. Paper presented at the Agreement Workshop, Manchester, September 17, 2002.
- Postal P. M.* On Raising. Cambridge, MA–London, 1974.

И. А. Стенин

МГУ, Москва

**ПРОСТОЕ ДЕЕПРИЧАСТИЕ
В ТУНДРОВОМ ДИАЛЕКТЕ НЕНЕЦКОГО ЯЗЫКА**

В данной работе будут кратко охарактеризованы синтаксические и семантические особенности одного из двух традиционно выделяемых деепричастий ненецкого языка — т. н. «неопределенного» деепричастия (далее — простого). Исследование основано на анализе примеров из опубликованных источников и материалах полевой работы автора с носителями ямальского говора тундрового диалекта ненецкого языка¹.

Простое деепричастие может выступать в функции как сен-тенциального актанта (1), так и сентенциального сирконстанта (2).

- (1) *xun'aje-nda* *nesondʒ* *xan* *sulorć*
завтрашний-GEN.POSS3SG до нарта починить.CONV
tara
быть.нужным.3SG
'Нарту нужно починить до завтра'.

- (2) *jaćeki-ʔ* *jarć* *tu-ʒ* *xewxanʒ* *to-ʔ*
ребенок-PL плакать.CONV огонь-GEN вплотную прийти-3PL
'Дети, плача, подошли к костру'.

Гораздо менее характерна для деепричастия функция именного модификатора, и деепричастие в этой функции склонно к лексикализации; ср. пример (3):

- (3) *jorć* *ponga-md* *sawa-wna*
рыбачить.CONV сеть-ACC.POSS2SG хороший-ADV
tirabta *tara*
просушить.CONV быть.нужным.3SG
'Твой невод надо хорошенько высушить' [Герещенко 1973: 232].

¹ Полевая работа велась в г. Салехарде, п. Се-Яхе, а также в Тамбейской тундре Ямальского района ЯНАО. Я признателен всем моим информантам, особую благодарность хочу выразить Артему Игоревичу Окотэтто.

В данном случае деепричастие *jorć* обозначает не ситуацию, а признак — ‘рыбачий’, и выступает в определительной функции (ср. также *jorć ηano* ‘рыбачья лодка’), а ИГ *jorć poŋga* идиоматическим образом обозначает ‘невод’.

Ненецкое деепричастие регулярно выступает в составе аналитических конструкций с фазовыми глаголами *p’as* ‘начать’, *mal’es* и *jol’ćes* ‘закончить’, модальными глаголами *p’irać* ‘мочь’ и *jaʔmas* ‘не мочь’, а также глаголами *perŋas* ‘заниматься чем-либо’, *meć* ‘держатъ’ и др. Некоторые носители ямальского говора употребляют аналитические конструкции с глаголом *perŋas* в хабитуальных контекстах. Ср. следующие два примера, где один информант употребляет аналитическую конструкцию, а второй — финитный глагол в форме хабитуалиса:

(4) а. *siraŋ sedora perŋa-waʔ*
зимой шить.CONV делать-1PL
‘Зимой мы обычно шьем’.

б. *man’aʔ siraŋ sedora-s’ete-waʔ*
мы зимой шить-НАВ-1PL
‘Зимой мы обычно шьем’.

Интересный случай представляют собой сочетания глаголов движения, в которых первый (в форме деепричастия) передает способ движения, а второй (в личной форме) — направление движения, например:

(5) а. *s’urmba to*
бежать.CONV прийти.3SG
‘Он прибежал’ [Терещенко 1973: 147].

б. *s’urmba tarpiʔ*
бежать.CONV выйти.REFL.3SG
‘Он выбежал’ [ibid.].

В данном случае деепричастие является основным носителем лексического значения, а финитный глагол выступает как показатель относительной глагольной ориентации, при которой ориентир не фиксирован и определяется по ситуации.

Согласно двум важнейшим критериям разграничения сочинения и подчинения — критерию «линейного вложения» (или

гнездования) и критерию ограничения на действие сентенциальных правил, ненецкие деепричастия проявляют подчинительные свойства и не проявляют сочинительных свойств. Действие первого из этих критериев иллюстрируется примером (2): *ηáćeki?* [Ø_i *jaré*] *tuŋ xewxanŋ to?*. Зависимая клауза в данном примере «вложена» внутрь главной. Доказательством того, что ИГ *ηáćeki?* входит в состав главной предикации служит тот факт, что она получает именительный падеж и согласуется с финитным глаголом по лицу и числу, являясь, таким образом, грамматическим подлежащим. Более того, это подлежащее контролирует PRO в составе зависимой предикации.

Субъект простого деепричастия в ненецком языке может быть как кореферентен, так и некорреферентен подлежащему главного предложения. Следующий пример иллюстрирует разносубъектную конструкцию с эксплицитно выраженным субъектом зависимого предиката, который маркируется генитивом.

- (6) *[jawŋ sero-? ja-nŋ tewola]*
 море.GEN лед.GEN.PL земля-DAT/ALL достигать.INCH.CONV
ser? wark ja-nŋ tuli-?
 белый медведь земля-DAT/ALL приходить.INCH-REFL.3SG
 ‘Когда морские льды стали достигать берегов, стал выходить на землю и белый медведь’ [Терещенко 1965: 675].

С семантической точки зрения простое деепричастие в ненецком языке является контекстным (в терминах работы [Недялков 1990]), т. е. выражает более трех обстоятельственных значений. Основной круг употреблений простого деепричастия образуют нефоновые таксисные значения одновременности (7) и (контактного) предшествования (8).

- (7) *xad-ŋ xe-wa-mŋ ηat'e n'eneća-?*
 пурга-GEN идти-VN.IMPF-ACC ждать.CONV человек-PL
xardaxa?na ηamdić
 дом.LOC/INSTR.PL сидеть.PST.3PL
 ‘Ожидая прекращения пурги, люди сидели по домам’
 [Терещенко 1965: 797].
- (8) *ji-kad tarpa wen'eko paribtej?*
 вода-ABL выйти.CONV собака отряхнуться.REFL.3SG
 ‘Выйдя из воды, собака отряхнулась’ [ibid.: 452].

Деепричастие не обладает собственной временной референцией, а его таксисная интерпретация определяется, в первую очередь, аспектуальным типом глагола, от которого оно образовано. В том случае, если деепричастие образовано от неопределенного глагола, его основным таксисным значением является одновременность с действием главной предикации, если от предельного — оно, как правило, обозначает контактное предшествование. Здесь следует отметить также, что аспектуальная система ненецкого языка характеризуется тем, что вид является словоклассифицирующей, а не словоизменительной категорией (тем самым она оказывается близка славянской аспектуальной системе), а противопоставление перфектива *vs.* имперфектива совпадает с противопоставлением предельности *vs.* неопределенности (подробнее см., например, работу [Шлуинский 2005: 283–284])².

Жестких ограничений на сочетаемость предельного *vs.* неопределенного деепричастия и предельного *vs.* неопределенного финитного глагола не отмечено. Так, в примере (9) в главной предикации употреблен предельный глагол, а в зависимой — деепричастие, образованное от неопределенного глагола, которое в данном случае обозначает одновременность с результатом действия, выраженного финитным глаголом.

- (9) *pad-ŋ m'ud p'i'bi t'uxul-pa*
 мешок-GEN изнутри пимы.ACC.PL достать-DUR.CONV
s'eja-nŋ ter'i labcar-jʔ
 часть.чума.около.двери-DAT/ALL просто расселиться-REFL.3SG
 ‘Доставая из мешка пимы, она расселась в углу у дверей’
 [Терещенко 1965: 164–165].

Поскольку финитный глагол в данном случае описывает ситуацию с изменением фазы (Вхождение в состояние), деепричастие не может быть дефолтным образом «прочитано» как одновременное с конкретной «точкой» на временной оси, и актуальной

² Временная референция финитного глагола тоже зависит от его аспектуального типа. Согласно лаконичной формулировке, приведенной в [Шлуинский 2005: 284], «имперфективные (непредельные) глаголы в наименее маркированной форме ⟨...⟩ имеют референцию к настоящему, а перфективные (предельные) — референцию к прошлому».

оказывается именно фаза, следующая за моментом совершения ситуации ‘рассесться’ — ситуация ‘сидеть’ (Состояние).

Простое деепричастие может иметь в определенном контексте и другие обстоятельственные значения: цели, причины, образа действия и др. Однако ни одно из этих значений не принадлежит языковой системе и должно быть признано контекстным, поскольку, по всей видимости, невозможно сформулировать такие необходимые и достаточные (грамматические или семантические) условия, при которых конкретное значение не могло бы не проявиться.

Обобщим рассмотренные выше свойства простого деепричастия.

Таблица 1. Соотношение глагольных и именных свойств простого деепричастия

Значения признаков	Глагольные свойства	Именные свойства	Значения признаков
+	глагольное управление	падеж	–
–	согласование по лицу	посессивность	–
–	абсолютное время	число	–
+	аспект и совершаемости	модификация с помощью другого имени	–
+	отрицание	модификация с помощью именных деривационных аффиксов и частиц	±
–	наклонение	модификатор другого имени	±
+	сочетаемость с наречиями		

Как видно из таблицы, простое деепричастие сохраняет глагольное управление (за тем исключением, что ненулевой неместоименный S/A в зависимой предикации (в разнособъектной конструкции) маркируется генитивом), глагольное отрицание, показатели аспекта и совершаемостей, однако оно не может выражать значений категории лица, времени и наклонения, будучи нефинитной формой глагола.

Деепричастие регулярно образуется от всех глагольных основ, гораздо регулярнее, чем деепричастие в русском языке. Таким

образом, его можно с полным основанием причислить к глагольным формам.

Ненецкое деепричастие может употребляться в качестве:

- сентенциального актанта;
- сентенциального сирконстанта;
- именного модификатора.

Таким образом, оно является неканоническим (совмещенным) деепричастием и должно рассматриваться как квазидеепричастие (в терминах работы [Недялков 1990]). Простое деепричастие характеризуется подчинительными свойствами, может употребляться как в односубъектной, так и в разносубъектной конструкции, т. е. является вариативно-субъектным (в терминах [ibid.]).

С семантической точки зрения ненецкое деепричастие является контекстным, оно может получать как нефоновые таксисные значения одновременности и контактного предшествования, так и фоновые таксисные значения обусловленности (в первую очередь, причины и цели).

Список условных сокращений

1 — первое лицо; 2 — второе лицо; 3 — третье лицо; ABL — аблатив; ACC — аккузатив; ADV — адвербиализатор; CONV — простое деепричастие; DAT/ALL — датив-аллатив; DUR — дуратив; GEN — генитив; HAB — хаби-туалис; INCH — инхоатив; LOC/INSTR — локатив-инструменталис; PL — множественное число; POSS — посессивность; PST — прошедшее время; REFL — рефлексивное спряжение; SG — единственное число; VN.IMPF — имперфективное имя действия; ИГ — именная группа.

Литература

- Недялков В. П. Основные типы деепричастий // Храковский В. С. (ред.). Типология и грамматика. М., 1990.
- Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь. М., 1965.
- Терещенко Н. М. Синтаксис самодийских языков: простое предложение. Л., 1973.
- Шлуинский А. Б. Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения. Дисс. ... канд. филол. наук. МГУ, 2005.

М. Г. Тагабилева, Л. С. Холкина

МГУ — РГГУ, Москва

КАЧЕСТВЕННЫЕ ПРИЗНАКИ «ПУСТОЙ» И «ПОЛНЫЙ» В ТИПОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

Данное лексико-типологическое исследование посвящено выделению параметров, релевантных для типологического описания признаков «пустой» и «полный».

Основным методом работы было рассмотрение лексической сочетаемости прилагательных с данным значением на материале корпусов и возможности их употребления в диагностических контекстах. Диагностические контексты (типологическая анкета) были составлены на основе материала русского, сербского, корейского и китайского языков после перебора всех теоретически возможных значений релевантных признаков.

В ходе исследования мы столкнулись с проблемой выделения границ переносных значений: для изучения организации семантического поля оказалось необходимым включить в рассмотрение лексемы, конкурирующие с основными в отдельных частях семантического поля. Так, например, для русского языка в семантическом поле «пустой» рассматривались три лексемы: «пустой», «свободный» (зоны пересечения: предметные имена, временные промежутки, пространства) и «полый».

Для описания семантического поля «пустой» были выделены следующие параметры:

- **содержимое vs. посессор** — описывается ли отсутствие внутреннего содержимого (*пустой ящик*) или посессора (*свободное место*);

- **содержимое: люди vs. не-люди** — указывает ли прилагательное на отсутствие людей или же на отсутствие предметов (ср. сербск. *пуст — празан*);

- **контейнер: реальный vs. метафорический** — описывается ли предмет-контейнер (например, *пустая чашка*) или объект (материальный или нематериальный), лишь концептуализованный в языке как некотороеместилище, но не имеющий никаких

физических свойств контейнера (например, *пустая пара, пустой взгляд, пустые глаза*);

- **контейнер: плоский vs. объемный** — описывается ли вместилище, обладающее прототипическим свойством контейнера — наличием стенок (*пустой стакан*), или же пространство без «ограничителей», концептуализованное в языке как контейнер (*пустая площадь*) (ср. корейск. *thengpita* и *pita*);

- **форма vs. содержание** — описывается ли форма предмета (например, *полый цилиндр* — важна форма, пустое внутреннее пространство нефункционально) или отсутствие содержимого в некотором контейнере (*пустая коробка* — на первый план выходит возможность функционального использования пространства);

- **постоянный признак vs. временный признак** — описывается ли постоянный признак (например, форма, как в *полый*) или же предполагается, например, возможность смены состояния в результате функционального использования.

Можно отметить, что прилагательное «пустой» функционирует в языке подобно оператору, обозначая отсутствие некоторого содержимого в контейнере (прототипическом или метафорическом). Второй актанта (содержимое) при нем никогда не выражается, но чаще всего осознается (инкорпорированный актанта). Таким образом, у каждого контейнера существует некий коррелят — его прототипическое содержимое либо важный компонент, в нем ожидаемый.

Для описания семантического поля «полный» были выделены следующие параметры:

- **сочетаемость: контейнер vs. параметрическое имя** — описывается ли заполненный контейнер или высокая степень признака, достижение предела — *полная скорость, полный комплект* (ср. кит. *mǎn* — *quán*);

- **степень наполнения: предельная vs. неопредельная** — заполненный до краев или не пустой (ср. корейск. *katuk.hata* и *kutuk.hata*).

При сопоставлении семантических полей «пустого» и «полного» можно видеть, что на первый взгляд прямо противоположные концепты на самом деле устроены несимметрично и являются антонимами только в небольшом количестве контекстов (в определенных участках своих семантических полей). Интересно,

что при этом семантическое поле «пустого» устроено гораздо сложнее. С другой стороны, прилагательные со значением «полный» как в русском, так и в некоторых других языках (например, китайском) участвуют в большем количестве различных синтаксических конструкций, что позволяет предположить, что включение в рассмотрение этих конструкций выявит новые параметры и даст возможность более подробного и точного описания семантического поля.

Н. Е. Шанявская

СПбГУ, Санкт-Петербург

**СИНКРЕТИЗМ КАК ЧЕРТА ОТАДЪЕКТИВНЫХ
АБСТРАКТНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
(на материале поэтических текстов)**

Синтаксическое поведение отадъективных абстрактных существительных (ОС) разнообразно. В них проявляется конфликт семантики и грамматики. Поэтому они могут употребляться в конструкциях смещения, отчасти сближаясь со словоформами, выполняющими вторичные синтаксические функции. Ср. *красивый X*, *красота X*, *красивый* — *основная характеристика X*. ОС могут употребляться абсолютно, т. е. без определяемого слова, осмысляясь как понятия [Золотова 1976: 154]. Пример Г. А. Золотовой: *справедливость* (понятие) *восторжествовала*. Такие ОС она называет субстантивами.

Употребляясь в функции обстоятельств, ОС адвербиализуются, по Г. А. Золотовой. ОС выполняют функции обстоятельств места, приобретают значения направления движения и др. [там же: 157]. Обстоятельства, выраженные ОС, являются синкретичными, поскольку отвлеченные существительные сохраняют свое непредметное значение и отличаются от конкретных существительных в сходных функциях.

Употребление адвербиализованных ОС, как пишет Г. А. Золотова, свойственно интеллектуализированной речи. Они являются характерной чертой идиостиля многих поэтов-символистов [Жирмунский 1977].

На значение обстоятельства наслаивается значение субъекта-авторизатора, т. е. субъекта сознания. Признак, формально выраженный как обстоятельство места, является чертой какого-либо предмета и выделяется субъектом-авторизатором:

*А поезд мчится без оглядки
По неоглядности равнин,
Даря короткие стоянки
И взгляды пыльных георгин* [Крепс. Ленинград — Тамбов].

Подобное функционирование ОС может быть способом неназывания субъекта. В ОС может называться только одна черта субъекта, это метонимическая функция ОС, — именование части вместо целого:

*Глухота щуплых стен, бледных как полотно,
Выдающих разлад за беспечность,
Но смотрящее в звездное небо окно,
Но окно, выходящее в **вечность*** [Крепс. Окно].

Это стихотворение о доме, в котором лирический герой когда-то жил, субъект-авторизатор здесь совпадает с лирическим героем стихотворения, поэтому его необозначение делает текст менее нагруженным синтаксически. Вечность, в которую выходит окно, может осмысляться как вечность памяти, т. е. память, живущая вместе с человеком. Субъект проявляется и в ОС восприятия *глухота*. Здесь субъект ясен, но бывают и противоположные случаи (об ОС в функции подлежащего см. ниже). В следующем тексте субъект обобщается, конструкция становится сентенциальной:

*Не довольствуясь прихотью строгих земных величин,
Переходишь в беспечность скользящих и легких причин,
Оставляющих гордость и грусть торопливым снегам,
И бегущим по возгласам, мнущим глаза сапогам* [Крепс. Никто не поймет].

Понятийная семантика и семантика свойства предмета могут сочетаться в одной лексеме, между ними нет четкой грани. В следующем тексте ОС вместе с существительным *зрачок*, которое выполняет метонимическую функцию, обозначая человека — лирического героя стихотворения, образует интерверсию, т. е. происходит «... взаимозамена главного и зависимого членов синтагмы» [Гак 2010: 18]:

*На грани **храбрости и хрупкости**
Всем траекториям вразрез,
Противу **грубости и глупости**
Пойдет зрачок наперерез* [Крепс. Старый Колумб].

ОС в абсолютном употреблении менее синкретично, когда его определяемое слово ясно без контекста:

*Снаружи ветер треплет паруса
Соседних небоскребов, и не лебе-
Ди проплывают **в синеве**, а са-
Моет мелькает в мимолетном небе*

[Крепс. Закордонные страдания].

Абсолютно употребленное ОС не становится понятийным, если его определяемое ясно из контекста, это не зависит от синтаксической функции ОС:

*Отходит автобус, опрастывая **синеву**,
И голубь выходит с огрызком на randevу,
Что девушка бросила, поднимаясь туда,
Где, видимо, несовместны еда и езда*

[Крепс. Осенний речитатив].

Субъект маркируют ОС не только в обстоятельном употреблении, поскольку осмысление признака в связи с предметом предполагает наличие субъекта:

*Миг — падет на платформу ничком
Слов прощальных нагая **никчемность**,
Миг — и перед соленым зрачком
Встанет зримого мира **огромность***

[К. Проводы].

Функционируя как обстоятельства места, ОС усиливают признак своего определяемого:

*Перевернувшись на
крыло, он [ястреб — Н. Ш.] падает вниз. Но упругий слой
воздуха его возвращает в небо,
в **бесцветную ледяную гладь***

[Бродский. Осенний крик ястреба].

Когда ОС занимает позицию обстоятельства места, само действие метафоризируется, субъект может осмысляться метафизически, действие совершает не человек, а его судьба:

*и судьба нарушителем пятится прочь
в настоящую старость с плевком на стене,
с ломотой, с бесконечностью в форме панели
либо лестницы* [Бродский. Литовский ноктюрн].

ОС также способны сочетать в себе семантику обстоятельств времени с другими семантическими оттенками:

*У Корбюзье то общее с Люфтваффе,
что оба потрудились от души
над переменой облика Европы.
Что позабудут в ярости циклопы,
то трезво завершат карандаши*
[Бродский. Роттердамский дневник].

Ярость здесь не подается как постоянная черта циклопов. Семантика существительного *ярость* препятствует тому, чтобы признак *яростный* толковался как длительный или постоянный.

ОС в функции обстоятельства времени также связаны с субъектом:

*«Я, профессор, тоже в молодости мечтал
открыть какой-нибудь остров, зверушку или бациллу»*
[Бродский. Новый Жюль Верн].

Некоторые обстоятельственные конструкции теряют свое лексическое значение. К таким предложно-падежным сочетаниям относятся *в сущности*, *(наводит) на резкость*, в художественном тексте эти лексикализованные конструкции переосмысляются:

Там шлагбаум на резкость наводит верста
[Бродский. Литовский ноктюрн].

Употребляясь с прямым дополнением *верста*, предложно-падежная конструкция *на резкость* переосмыляется. Конструкция *на резкость* может быть и абсолютной, прочитываясь как *заостри внимание*:

*Падучая звезда, тем паче — астероид
на резкость без труда твой праздный взгляд настроит.
Взгляни, взгляни туда, куда смотреть не стоит*
[Бродский. Пятая годовщина].

Форма *навести на резкость* встречается в значении, близком к анализируемому, ср. *Навести память на резкость* (С. Гандлевский, «Нрзб») [<http://www.ruscopora.ru>].

Если ОС является подлежащим, то оно может быть не только каузатором действия или состояния, что описано Г. А. Золотовой, [Золотова 1976], но и агенсом. Субъект действия становится перифрастичным, вместо предмета называется его характерный признак. Предмет может быть ясен из контекста, в других случаях требуется читательское усилие, чтобы определить субъект действия:

*Я пишу тебе это с другой стороны земли
в день рожденья Христа. Снежное толковище
за окном раздражается искренним "ай-люли":
белизна размножается. Скоро Ему две тыщи
лет*

[Бродский «Замерзший кисельный берег. Прячущий в молоке...»].

Становясь подлежащим, признак предмета включается в действие, осмысливается через последующее суждение:

*Или — как город, чья **красота**,
неповторимость чья
была отраженьем своим сыта,
как Нарцисс у ручья* [Бродский. Полдень в комнате].

Функция подлежащего подразумевает независимость ОС, поэтому признак легко осмысливается как понятие:

*В на пона поставленном царстве, где **мощь** крупниц
выражается дробью подметок и взглядом ниц, <...>*
[Бродский. Над восточной рекой].

Приобретая самостоятельность, признак становится неотъемлемой частью предмета, его постоянной неоспоримой авторской характеристикой (о вневременности такого признака писала Б. М. Ташлыкова [Ташлыкова 2002]). Все это сближает ОС с эпитетом, ОС становится выразителем оценочности:

*Вот откуда твои
щек **мучнистость**, **безадресность** глаза,
шепелявость и волосы цвета спитой,
тусклой чайной струи* [Бродский. Литовский ноктюрн].

В таком употреблении ОС проявляется процесс абстракции. Это «... мысленный анализ предмета <...>, так чтобы мысленно выделить одно свойство предмета, которое считается особенно важным» [Шаумян 1999: 186].

По-видимому, сходно ведут себя и ОС в функции сказуемого. Исследованный материал не дает таких примеров, но можно предположить, что ОС в функции сказуемого более склонны выражать понятийное значение и могут связываться с категорией оценочности. Такое поведение ОС обусловлено их производностью от прилагательных.

Итак, синкретичность лексического значения ОС определяет синкретичность их синтаксических значений. В результате в предложении главные и второстепенные члены меняются местами, происходит интерверсия или многоступенчатая синтаксическая деривация. ОС могут употребляться перифрастически и метонимически, переакцентируя текст. Производность от прилагательного позволяет ОС функционировать в значении эпитета.

Литература

- Гак В. Г.* Языковые преобразования: Виды языковых преобразований. Факторы и сферы реализации языковых преобразований. Изд. 2. М., 2010.
- Жирмунский В. М.* Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977.
- Золотова Г. А.* О синтаксических свойствах имен качества // Синтаксис и стилистика М., 1976.
- Ташлыкова М. Б.* Именные ипостаси признаковой семантики // Словарь, грамматика, текст в свете антропоцентрической лингвистики. Иркутск, 2002.
- Шаумян С.* Абстракция в современной лингвистике // Логос 1 (11), 1999.

М. М. Шапиро

МГУ, Москва

**СЕМАНТИКА ГЛАГОЛОВ
КОЛЕБАТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ
В ТЕГИНСКОМ ГОВОРЕ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА**

Группа глаголов колебательного движения была впервые рассмотрена в статье [Рахилина, Прокофьева 2005], где производился ее сопоставительный анализ в русском и польском языках. В качестве значимых параметров для русского языка были выявлены мягкость/жесткость объекта, наличие точки отсчета при колебании (т. е. нейтрального положения, в которое объект возвращается в процессе движения — например, у пламени свечи или поверхности болота), а также параметр неустойчивости по причине деформации для глагола *шататься* (ср. *зуб шатается, забор шатается*); для польского — амплитуда колебаний, параметр неустойчивости и топологический тип колебательной ситуации (горизонтальный/вертикальный объект, движение маятника, колебание на опорной поверхности, мелкие колебания всех частей объекта и т. д.). Эта работа была продолжена Т. В. Велейшиковой, которая в статье [Велейшикова, в печати] исследовала глаголы колебания в английском и немецком языках. Материал для настоящей работы был собран по типологической анкете, составленной на основе двух названных выше статей с целью выяснить, какие из выявленных противопоставлений релевантны для тегинского говора хантыйского языка¹, и попытаться обнаружить новые параметры, характерные именно для данной системы.

В тегинском говоре семантическое поле колебательных движений представлено глаголами *ǰvŋti*, *pŋnti*, *nŋxaltŋi*, *ŋǰjti*, *rǰpsemǎti* и *tǎrŋti*.

Глагол *pŋnti* имеет очень узкую область действия: по-видимому, употребляясь только в сочетании со словом *ǰx* ‘голова’ в значении ‘кланяться’ (во время молитвы или после выступления):

¹ Исследование поддержано грантом РГНФ № 10-04-18022е.

- (1) *ta* *ɔχ-em* *pʉn-ʈ-ʉm*
 я голова-1SG поклониться-NPST-1SG
 ‘Я поклонился’.

Самой широкой семантикой и сочетаемостью обладает глагол *jɔvʈi* ‘трясти, качать’. В качестве глагола колебательного движения он сочетается с наименованиями горизонтальных поверхностей (трава на лугу, мох под ногами) и предметов, расположенных на горизонтальной поверхности (лодка на воде), он же применим к вертикальным поверхностям (занавеска) и неустойчивым закрепленным снизу объектам (деревья на ветру), а также может описывать движения, совершаемые человеком:

- (2) *ʈiv* *jɔvʈ-as-mʌn* *man-ʈ*
 он качать-DECAUS-CONV идти-NPST.3SG
 ‘Он идет, шатаясь’.

Некоторыми носителями допускается употребление этого глагола и применительно к предметам на подвесе, которые качаются сами по себе (люлька) или под влиянием какого-либо импульса (люстра, когда ее задела). В своей исходной форме глагол *jɔvʈi* сочетается с объектами всех топологических типов, перечисленных выше, т. е. может значить ‘раскачивать’ как люльку, так и дерево. Он же употребляется и с наименованиями частей тела (голова, руки, ноги, хвост):

- (3) *amp-em* *ʈij-n* *jɔvʈ-əʈ*
 собака-1SG хвост-LOC качать-NPST.3SG
 ‘Моя собака хвостом машет (виляет)’.

Глагол *jɔvʈi* также может употребляться вне рассматриваемого семантического поля в значениях ‘подметать’ и ‘бросать’ (про предмет, например, мяч).

Таким образом, во всех своих употреблениях (в том числе и не относящихся к группе колебательного движения) глагол *jɔvʈi* обозначает движение с большой амплитудой. В ситуациях, подразумевающих малую амплитуду колебаний (‘я качаю люльку’, ‘стул качается на кривом полу’, ‘у меня зуб шатается’) большинство носителей запрещают его использование.

Глагол *ʈɔχati* тоже занимает место в центре данного семантического поля: он употребим в тех же контекстах, что и *jɔvʈi*, хотя его

сочетаемость с наименованиями частей тела ограничена: часть тела в качестве прямого объекта этого глагола либо вообще не допускается, либо глагол в таких словосочетаниях приобретает значение ‘шевелить’, теряя компонент ‘совершать равномерные колебания’:

- (4) *ma jɔʂ-n n̄ɔχa-1-1-em ɔntɔp*
 я рука-LOC качаться-CAUS-NPST-1SG люлька
 ‘Я рукой покачиваю люльку’.
- (5) **ma jɔʂ-n n̄ɔχa-1-1-em*
 я рука-LOC качаться-CAUS-NPST-1SG
 ‘Я машу рукой’.
- (6) [?]*ma oχ-en n̄ɔχa-1-1-em*
 я голова-LOC качаться-CAUS-NPST-1SG
 ‘Я верчу головой, шевелю...’

Глаголы *jɔvlti* и *n̄ɔχalti*, употребляясь в одних и тех же контекстах, различаются параметром амплитуды колебаний: *n̄ɔχalti* обозначает легкое покачивание, в отличие от *jɔvlti*, который во всех своих значениях сохраняет компонент резкого, интенсивного движения.

Глагол *ɕjti* имеет более узкую семантику, специализируясь на обозначениях колебаний предметов на подвесе (очевидно, исходное значение этого глагола — ‘висеть’; в настоящее время в тегинском говоре он может употребляться как для неподвижных, так и для колеблющихся висящих предметов). Выше уже упоминалось, что объекты данного топологического типа сочетаются и с «главными» глаголами поля *jɔvlti* и *n̄ɔχalti*; однако *ɕjti* обозначает движение предмета «самого по себе», а не за счет внешнего стимула, в то время как *jɔvlti* и *n̄ɔχalti* безразличны к причине движения, т. е. могут описывать как вынужденные, так и самопроизвольные колебания:

- (7) *ɔntɔp n̄ɔχa-1-1 *ɕj-ɔt — aj n̄avr-em*
 люлька качаться-NPST.3SG маленький ребенок-1SG
n̄ɔx vert-ɔs
 вверх проснуться-PST.3SG
 ‘Люлька раскачивается: ребенок проснулся’ (т. е. от движений ребенка в люльке).

Глагол *r̄ɔpsem̄ti* в собранном материале представлен очень ограниченным количеством примеров. Можно выявить два класса

его употреблений: 1) в значении ‘биться на ветру, с хлопками’ о ткани; 2) ‘качаться’ о подвешенном предмете:

- (8) *ɔntɔp rǎpsem-ət*
 люлька качаться-NPST.3SG
 ‘Люлька качается’ (пояснение информанта: «Я ее раскачала, и она сама собой раскачивается, по инерции»).

Особый интерес представляет второй класс употреблений в сопоставлении с глаголом *tɔjtɨ*: судя по примеру (8), *rǎpsemǎtɨ* описывает движение, изначально вызванное некоторым стимулом, но продолжающееся после окончания воздействия этого стимула на объект, а *tɔjtɨ* употребляется, когда говорящий настаивает на самопроизвольности колебания и исключает из ситуации участника «стимул движения». Выявленные противопоставления (нуждающиеся, разумеется, в проверке на более обширном материале) могут позволить выделить причину возникновения движения в качестве значимого параметра рассматриваемой системы.

Глагол *tǎritɨ* выделяет в особый класс движения с очень маленькой амплитудой колебаний (ср. русское *дрожать*):

- (9) *χǒnneχɔ ískij-n tarij-ɩ*
 человек холод.OBL-LOC дрожать-NPST.3SG
 ‘Человек от холода дрожит’.
- (10) *jũχ vot-n tarij-ɩ*
 дерево ветер-LOC дрожать-NPST.3SG
 ‘Дерево трясется от ветра’ (только о тонком дереве).
- (11) *peŋk-ɩ-ət tari-ɩ-ət*
 зуб-PL-3SG дрожать-NPST-3PL
 ‘У него зубы стучат’ (от холода или при ознобе).
- (12) *pirəs χɔjat jɔš-ɩ-et-kür-ɩ-et tari-ɩ-ət*
 старый человек рука-PL-3SG-нога-PL-3SG дрожать-NPST-3PL
 ‘У старого человека руки-ноги трясутся’.

В числе прочего, этот глагол описывает мелкие колебания объекта на подвижной опоре (‘человек трясется в машине’), а также, видимо, покрывает зону, обозначенную в статье [Рахилина, Прокофьева 2005] как «колебательные движения (с небольшой амплитудой) одновременно всех частей объекта»:

- (13) *naŋ lampaj-ən tūt-eł tarij-ł*
ты свеча.OBL-2SG огонь-3SG дрожать-NPST.3SG
'У твоей свечки огонь дрожит'.

Возможно, что глагол *tārıtı* более предпочтителен в сочетании с наименованиями мелких объектов: так, некоторые носители считают его допустимым при переводе примера 'зуб шатается', а некоторые к тому же недопустимым по отношению к дереву, разрешая только сочетания со словом 'листья'.

Представляется, что семантическое поле колебательных движений в тегинском говоре устроено следующим образом: есть два центральных глагола *jövıti* и *nöxalıti*, пригодных для описания различных видов колебаний и применимых к объектам разнообразных топологических типов. Другие глаголы с более узкой семантикой располагаются на периферии поля. Они особо выделяют некоторые типы колебаний, а именно, контролируемые движения человека (*pıntı*), естественные колебания предмета на подвесе (*ıjıti*, *răpsemăti*) и частые, мелкие колебания (*tārıtı*). В качестве релевантного параметра безусловно выделяется амплитуда колебаний (см. противопоставление *jövıti* — *nöxalıti* — *tārıtı*). Кроме того, движение подвешенных объектов противопоставляется движению всех остальных объектов. На звание отдельного параметра, организующего данную систему в тегинском говоре хантыйского языка, претендует причина возникновения колебания (см. глаголы *jövıti*, *ıjıti* и *răpsemăti*), однако эта проблема нуждается в тщательном дальнейшем изучении.

Список условных сокращений

1 — первое лицо; 2 — второе лицо; 3 — третье лицо; CAUS — каузатив; CONV — деепричастие; DECAUS — декаузатив; LOC — локатив; NPST — непрошедшее время; OBL — косвенная основа; PL — множественное число; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Велейшикова Т. В. Глаголы колебания: семантика и типология // Вестник ТГПУ. В печати.
Рахилина Е. В., Прокофьева И. А. Русские и польские глаголы колебательного движения: семантика и типология // Топоров В. Н. Язык. Личность. Текст. Сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой. М., 2005.

М. С. Шматова

МГУ, Москва

**КОНСТРУКЦИИ
«ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ — СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ»
В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ: СЛУЧАИ МАРКИРОВАНИЯ
СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО ПОКАЗАТЕЛЕМ ЧИСЛА
(на материале тегинского говора хантыйского языка)**

Настоящий доклад посвящен рассмотрению конструкций вида «числительное + существительное» (англ. Numeral-Noun Constructions) или, иначе, количественных групп¹ и выявлению особенностей маркирования существительных показателями числа (двойственного и множественного) в тегинском говоре хантыйского языка, принадлежащем к его северной диалектной ветви.

Материал для доклада был собран в ходе лингвистической экспедиции в с. Теги Березовского района ХМАО в июле-августе 2010 г.²

**1. Числовое маркирование существительного
в количественных группах**

В языках мира существует две противоположные стратегии выбора числовой формы существительного внутри конструкции с числительным. В рамках одной стратегии существительное обязательно маркируется показателем числа, если речь идет о более чем одном объекте (например, в английском языке (1)). Существует точка зрения, что в этом случае показатель числа «семантически пуст» [Ionin, Matushansky 2003].

(1) a. *three brother-s* b. **three brother*
три брат-PL три брат
‘три брата’

¹ Мы принимаем этот термин для подобных конструкций вслед за Я. Г. Тестельцом (см. [Тестелец 2001]).

² Экспедиция осуществлялась при поддержке гранта РГНФ № 10-04-18022е.

Вторая стратегия, наблюдаемая среди прочих в венгерском языке (2), состоит в том, чтобы не маркировать число внутри словоформы в тех случаях, когда идея количества уже выражена числительным [Corbett 2000, рс].

- (2) *két lány beszélget*
два девочка.SG болтать.SG
'Две девочки болтают' [Corbett 2000: 211].

Однако существуют языки, в которых в тех или иных случаях основная стратегия может нарушаться. К таким языкам, по-видимому, относится и хантыйский язык (см. также [Nikolaeva 2003]), в том числе рассматриваемый говор.

В хантыйском языке (как и в других языках уральской семьи) числительные находятся в препозиции к существительному³. В рассматриваемом диалекте в общем случае в рамках таких конструкций не требуется маркирование существительного показателем числа, так как идея количества уже выражена при помощи числительного (см. (1)).

- (3) *χotum jaj*
три брат
'три брата'

Однако, как было замечено в ходе полевой работы, в некоторых случаях в подобных конструкциях существительные получают показатели двойственного (в конструкциях с числительным *kät* 'два') или множественного (в конструкциях с числительными, обозначающие количество, большее, чем два) числа. Факультативность показателя числа на существительном в количественных группах отмечается также и в восточно-хантыйских диалектах (см. [Filchenko 2007]).

Теперь перейдем непосредственно к рассмотрению тех случаев, когда имеется тенденция к нарушению этого требования.

2. Случай первый. «Потеря контроля»

Как было выявлено в ходе исследований, существительное в количественной конструкции склонно присоединять показатель

³ Такой порядок не является самым частотным в языках мира, существуют также другие возможности (см. [Dryer 2008]).

числа в тех случаях, когда числительное перестает его «контролировать», т. е. когда ограничения, устанавливаемые числительным, становятся менее релевантными.

(4) a. *xohum an vojttĭ karś xo-j-ət*
 три NEG знать-NPST.PART высокий человек-OBL-PL
 ‘трое незнакомых высоких мужчин’

b. *xohum karś xo*
 три высокий человек
 ‘трое высоких мужчин’

В (4) видно, что увеличение количества зависимых существительного, занимающих позицию между ним и числительным, приводит к тому, что оно может оформляться числовым показателем. То же явление наблюдается и в том случае, когда между числительным и существительным возникает личное местоимение.

(5) a. *vox-a tij kăt năŋ jaj-ŋət-an*
 позвать-IMP сюда два ты брат-DU-2SG
 ‘Позови сюда двух своих братьев’.

b. *vox-a tij kăt jaj-ăn*
 позвать-IMP сюда два брат-2SG
 ‘Позови сюда двух братьев’.

Вообще, для данного языка характерно обозначение обладателя при помощи посессивных показателей, и контекст (5a) является маркированным по сравнению с (5b). Таким образом, можно сделать вывод о том, что постановка между числительным и существительным к количественной группе более чем одного определения или же местоимения в атрибутивной функции приводит к потере числительным контроля над признаками существительного.

3. Случай второй. «Дискурсивная выделенность»

То, что на употребление показателя числа в количественной группе могут влиять дискурсивные факторы, уже отмечалось в [Леонтьева 2005; Шматова, ms] для языка бесермян⁴. Как кажется,

⁴ Язык бесермян относится к пермской группе уральской языковой семьи.

фактор выделенности оказывает влияние на числовое маркирование и в хантыйском языке.

- (6) *i* *aj* *kört-ən* *vos-ənən* (пауза)
один маленький деревня-LOC жить-3DU
kät *jaj-ŋən*
два брат-DU
‘В одной маленькой деревне жили два брата’.

В (6) количественная группа выделяется просодическими средствами (пауза перед группой и интонация). Числовое маркирование в данном случае является дополнительным средством выделения количественной группы. Эта гипотеза нуждается в дополнительной проверке.

4. Выводы

Наше исследование показало, что в тегинском говоре казымского диалекта хантыйского языка наблюдается тенденция к нарушению общего правила об употреблении существительных только в единственном числе в рамках количественных конструкций. Было установлено два условия, при выполнении которых существительное в рассматриваемой конструкции оформляется числовым показателем:

- 1) между числительным и существительным находится личное местоимение (в атрибутивной функции) или же последовательность из более, чем одного зависимого этого существительного;
- 2) числовой показатель служит дополнительным средством дискурсивного выделения количественной группы.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; DU — двойственное число; IMP — императив; LOC — локатив; NEG — отрицание; NPST — непрошедшее время; OBL — косвенная основа; PART — причастие; PL — множественное число; SG — единственное число.

Литература

- Леонтьева А. Л.* Конкуренция форм единственного vs. множественного числа в количественной именной группе (на материале бесермянского языка) // Исследования по типологии и грамматике. Материалы Первой Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей. Санкт-Петербург, 2005.
- Тестелец Я. Г.* Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Шматова М. С.* Особенности употребления показателя множественного числа существительных в пермских языках. Дипломная работа. Москва, 2010.
- Corbett G. G.* Number. Cambridge, 2000.
- Dryer M. S.* Order of numeral and noun // Haspelmath M., Dryer M. S., Gil D., Comrie B. (eds.). The World Atlas of Language Structures Online, chapter 89. [<http://wals.info/feature/89>].
- Filchenko A. Y.* A grammar of Eastern Khanty. Houston, 2007.
- Ionin T. Matushansky O.* The composition of complex cardinals. Journal of Semantics 23(4), 2006.
- Nikolaeva I.* Ostyak // Languages of the World: Materials. München:, 1999.

Часть II
Лекции

M. Koptjevskaja-Tamm

Dept. of Linguistics, Stockholm University

LINGUISTICS OF TEMPERATURE AND LEXICAL TYPOLOGY

Temperature phenomena are universal, relatively easily perceptible by humans and crucial for them¹. Their conceptualization, however, involves a complex interplay between external reality, bodily experience and evaluation of the relevant properties with regard to their functions in the human life in a particular cultural setting. Therefore the ways in which languages deal with the temperature domain (linguistics of temperature) constitute an ideal and fascinating object for lexical typological research. In my view (cf. [Koptjevskaja-Tamm 2008; Koptjevskaja-Tamm et al. 2008]), lexical typology is a cross-linguistic and typological dimension of lexicology, where typology is “the study of linguistics patterns that are found cross-linguistically, in particular, patterns that can be discovered solely by cross-linguistic comparison” [Croft 1990: 1] and lexicology deals with “the characterization of words and vocabularies, both as unitary wholes and as units displaying internal structure with respect both to form and content” [Cruse et al. 2002, 2005: viii–ix].

I suggest that linguistics of temperature can have at least the following three main groups of questions (foci, perspectives) in accordance with Koptjevskaja-Tamm et al.’s [2008] view of the three major foci in semantically oriented lexical typology in general:

Focus 1 (onomasiological perspective): What temperature concepts are encoded as words across languages, what distinctions are made in the systems of temperature terms and what factors underlie them?

Focus 2 (lexicon-grammar interaction): How are temperature concepts lexicalized across languages in terms of word classes? What

¹ The paper reports on the on-going project “Hot and cold—universal or language specific?” and on the workshop “Temperature in Language and Cognition”, Stockholm, March 2010, (http://ling-asv.ling.su.se/mediawiki/index.php/Main_Page), both funded by the Swedish Research Council.

syntactic constructions are used for talking about temperature perception?

Focus 3 (semasiological perspective): What are the possible extensions of temperature terms to other domains? Where from do the temperature terms come? How can their meanings change?

Languages differ as to how many temperature terms they have and how these categorize the temperature domain in general. While English, Russian and Swedish have six or even more fairly frequent temperature adjectives (*hot, warm, lukewarm, tepid, cool, chilly, cold*), as well as several more marginal adjectives (e. g. *scorching, icy*) and verbs (*freeze*), other languages may have only two or three temperature expressions. For instance, the Benue-Kongo language Igbo (within the Niger-Kongo stock) and the Chadic language Kilba (within the Afro-Asiatic stock) have only two temperature terms each – *oku* ‘hot/warm’ vs. *oji* ‘cold/cool’ in Igbo and *kwakwaḍu* ‘hot/warm’ vs. *shishi’u* ‘cold/cool’ in Kilba, while their relatives Yoruba (Benue-Kongo) and Hausa (Chadic) have three temperature terms (*gbona* ‘hot/warm’ vs. *lowooro* ‘tepid’ vs. *tutu* ‘cold/cool’ in Yoruba, and *zaafii* ‘hot/warm’ vs. *dumii* ‘tepid’ vs. *sanyii* ‘cold/cool’ in Hausa) [Firsching 2009].

The main dimensions in the organization of the linguistic temperature domain across languages are TEMPERATURE VALUES, KINDS OF TEMPERATURE EVALUATION and classes of ENTITIES whose “temperature” (properties, state or experience) is being evaluated. These are the parameters according to which languages may cut up the temperature domain among their different expressions, both lexical means and morphosyntactic patterns. A striking fact about linguistic temperature systems across languages is their internal heterogeneity in that their different parts behave differently. For instance, languages can have different lexical and constructional repertoires for encoding ‘hot’ vs. ‘cold’ temperatures, for encoding PERSONAL FEELING TEMPERATURES, or for talking about the temperature of water.

Temperature terms can belong to different word classes, even within one and the same language. Word-class attribution of temperature expressions and their possible syntactic constructions are sensitive to their semantics.

Temperature meanings are often semantically related to other meanings, either synchronically (within a polysemantic lexeme) or

diachronically. For instance, temperature concepts often serve as source domains for various metaphors and are extended to other perceptual modalities ('hot spices'). Temperature meanings can also develop from others, e. g., 'burn, fire' > 'hot', 'boil' > 'hot', or 'ice' > 'cold'. Finally, the meanings of temperature terms can also change within the temperature domain itself. While some languages show extensive semantic derivation from the temperature domain, others lack it or use it to a limited degree. Languages vary as to which temperature term has predominantly positive associations in its extended use, partly due to the different climatic conditions.

References

- Croft W.* Typology and universals [Cambridge Textbooks in Linguistics]. 1st–2nd edition. Cambridge, 1990/2003.
- Cruse A., Hundsnurscher F., Job M., Lutzeier P. R.* (eds.). Lexicology. An international handbook on the nature and structure of words and vocabularies. Vols. 1–2. Berlin–NY, 2002, 2005.
- Firsching H.* Temperaturtermini in afrikanischen Sprachen. Magisterarbeit, Universität Bayreuth, 2009.
- Koptjevskaja-Tamm M.* Approaching lexical typology // Vanhove M. (ed.). From polysemy to semantic change: a typology of lexical semantic associations. Amsterdam, 2008.
- Koptjevskaja-Tamm M., Vanhove M., Koch P.* Typological approaches to lexical semantics // Linguistic Typology 11 (1), 2007.

Ф. И. Рожанский

ИЯз РАН, Москва

РЕДУПЛИКАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ТИПОЛОГИИ¹

Редупликация как языковой феномен известна с давних времен. В одних языках она оказывается в самом центре грамматической системы, в других обнаруживается только на языковой периферии, но в том или ином виде редупликация существует в подавляющем большинстве языков. Этот факт явно диссоциирует с крайне малым числом типологических исследований, посвященных редупликации. И здесь следует обратить внимание на то, что редупликация как объект типологического исследования требует особого подхода. Традиционная грамматическая типология всегда уделяла основное внимание соотношению языковых средств и выражаемой ими семантики: например, тот факт, что в некоторых языках один и тот же показатель используется для выражения комитативной и инструментальной семантики, а в других языках для указанных функций используются разные показатели, представляется типологически существенным. Однако странно было бы при этом сравнивать конкретный сегментный состав комитативных показателей в разных языках (если, конечно, не идет разговор о родственных языках и общем происхождении показателей — но это уже проблема не типологии, а сравнительно-исторического языкознания). Для редупликации же, наоборот, существенной оказывается типология ее форм, которые демонстрируют значительно большее разнообразие, чем это принято считать. При этом особого подхода требует и семантика редупликации: как будет показано ниже, она тоже плохо ложится на привычные схемы типологического исследования.

В данной работе будет предложена некоторая система исчисления форм и значений редупликации, которые впослед-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 10-04-00269а.

ствии могут быть положены в основу типологических исследований.

1. Формы редупликации

Традиционно основное различие редулицированных форм описывалось простым бинарным признаком: «частичная редупликация» — «полная редупликация». Нередко при анализе материала отдельного языка такое противопоставление действительно удобно использовать. Однако с привлечением материала других языков возникает потребность в более детальной классификации редулицированных форм. Кроме того, квалификация редуликации как полной или частичной оказывается в высшей степени субъективной: например, редупликация целого корня некоторыми исследователями рассматривается как полная (в отличие от редуликации только одного слога), а некоторыми как частичная (в отличие от редуликации всей словоформы). В работе [Adewole 1997], посвященной редуликации в йоруба, к частичной редуликации причисляется как повторение части слова, так и повторение всего слова, но с изменением супрасегментных признаков. В работе [Меликян 1984: 19], написанной на материале персидского языка, к частичной редуликации причисляются типичные случаи полной неточной редуликации: *tāze-māze* ‘новости и т. п.’, *chāle chāle* ‘неровности, ухабы’.

Предлагаемая в данной работе система исчисления редулицированных форм основывается на нескольких признаках.

1.1. Уровень редулицированного сегмента

С точки зрения этого признака различается четыре типа редуликации: фонемная, слоговая, морфемная и лексемная.

Фонемной мы называем такую редуликацию, которая на уровне формы выглядит как повторение одной фонемы (для гласного это, как правило, проявляется в увеличении его длины, а для согласного — в геминации). В качестве примера можно привести удлинение первого гласного при образовании будущего времени многосложных глаголов в догон (диалект донно-со): *kana*

‘делать’ — *kaanam*² ‘я буду делать’, *paɓa* ‘оставлять’ — *paɓaɓam* ‘я оставлю’, *bolo* ‘идти’ — *boolom* ‘я буду идти’ [Kervan, Prost 1969] или геминацию последнего согласного корня при образовании глагольных лексем с интенсивным и итеративным значением в фула: *jaɓ-* ‘принимать’ — *jaɓɓ-* ‘приветствовать’, *tor-* ‘просить’ — *torr-* ‘докучать’, *fe'-* ‘(немного) обламывать’ — *fe''-* ‘рубить’ [Klingenheben 1963].

Подчеркнем, что не в каждом случае геминацию или удлинение следует считать редупликацией. Если эти явления обусловлены чисто фонетическими процессами и не несут смысловой нагрузки, то они не могут быть причислены к редупликации. В некоторых случаях (например, когда геминация или удлинение наряду с аффиксацией оказывается дистинктивной характеристикой грамматической формы) возможна различная интерпретация материала (можно считать, что формы образуются при помощи редупликации и аффиксации, либо, что формы образуются посредством аффиксации, сопровождаемой дополнительными морфологическими процессами — чередованиями одиночной и двойной фонемы).

Доказательством того, что приведенные выше примеры из догон и фула — это именно редупликация, является использование других, более очевидных, типов редупликации в похожей функции и с аналогичной семантикой³.

Слоговая редупликация представляет собой повторение одного или нескольких слогов. Примером может служить один из типов образования множественного числа в хауса, где редупликации подвергается последний слог корня: *kɔfa* ‘дверь’ — *kɔfofi* ‘двери’, *magana* ‘слово’ — *maganganu* ‘слова’, *shawara* ‘совет’ — *shawarwari* ‘советы’, *dabara* ‘замысел’ — *dabarbari* ‘замыслы’ [Щеглов 1970] или образование отглагольных существительных в догон (диалект торо-со) посредством редупликации первого слога:

² В приведенных примерах *-m* — окончание первого лица единственного числа.

³ В догон выбор типа редупликации (фонемной или слоговой) зависит исключительно от количества слогов в глагольном корне. В фула в одних и тех же функциях используется как геминация согласного, так и повтор всего корня слова.

bòlo ‘мямлить, бормотать’ — *bòbolo* ‘бормотание’, *kalà* ‘лгать’ — *kakálu* ‘ложь’ [Calame-Griaule 1968].

Повторение слога может происходить независимо от того, к какой морфеме (корневой или аффиксу) он относится. Например, в работе [Алиева 1991: 227] отмечается, что в тагальском языке «при префиксе *mag-* удваивается слог, примыкающий к префиксу, будь то слог корневой морфемы или слог основообразующего префикса»: *pínsan* ‘кузен’ — *magpípinsan* ‘(несколько) двоюродных братьев’, *kataganak* ‘родственник’ — *mag-ka-kataganak* ‘несколько родственников’.

Можно считать, что этот тип редупликации имеет два подтипа, различающиеся количеством повторяемых слогов. Как правило, повторяется только один слог, однако в некоторых языках могут повторяться два слога (например, в том же тагальском: *balita* ‘новость’ — *bali-balita* ‘новости’ [Алиева 1991: 227]).

При **морфемной редупликации** происходит повторение одной или нескольких морфем. В качестве примера можно привести редупликацию глагольного корня, выражающую итеративность, мультипликативность и интенсивность в фула: *ruf-* ‘выливать’ — *rufrufn-* ‘постоянно выливать’, *jal-* ‘смеяться’ — *jaljaln-* ‘хихикать’, *teet-* ‘трогать’ — *teetteen-* ‘длительно трогать, постоянно трогать’ [Klingenheben 1963].

Этот тип редупликации имеет несколько подтипов. Во-первых, редупликации может подвергаться как одна, так и несколько морфем одновременно. Последний вариант (назовем его «полиморфемной редупликацией») встречается несколько реже, чем первый. Например, в акан при образовании множественного числа прилагательных повтору подвергается корень вместе с показателем класса: *tsia* ‘короткий’ — *n-tsia.n-tsia*, *kyew* ‘кривой’ — *a-kyew.a-kyew* [Osam 1999: 199].

Во-вторых, редуплицироваться может как корень, так аффикс. Второе встречается значительно реже, чем первое, но все же не является уникальным явлением. Например, в дьола удвоение показателя прошедшего времени привносит значение давнопрошедшего действия: *inje nibujen ebe-y* ‘Я убил корову’ — *inje nibujen en ebe-y* ‘Я убил корову (давно)’ [Шошитайшвили 1998: 36].

При **лексемной редупликации** происходит повтор всего слова. В качестве примера можно привести отыменные глаголы

в сонгай (диалект Гао): *hĕni* ‘слезы’ — *hĕni-hĕni* ‘хныкать’, *hondu* ‘дюна, холм’ — *hondu-hondu* ‘быть покрытым холмами, дюнами’, *deeli* ‘резина’ — *deeli-deeli* ‘быть липким, клейким’ [Haïdara, Maïga, Maïga, Hatchinson 1995] или образование интенсивной формы у некоторых прилагательных в хакасском языке (сагайский диалект): *ulug* ‘большой’ — *ulug-ulug* ‘очень большой’, *arig* ‘чистый’ — *arig-arig* ‘очень чистый’, *köglig* ‘веселый’ — *köglig-köglig* ‘очень веселый’⁴.

Конечно, не каждый конкретный пример удастся однозначно отнести к одному из предложенных типов. Морфема может совпадать и со слогом, и со словом; слог может состоять из одной гласной фонемы и т. д. Однако в большинстве случаев сопоставление с другими подобными примерами позволяет определить, какой тип редупликации использует язык в данной функции.

1.2. Число повторений

В понятие редупликации может включаться как собственно редупликация (двукратный повтор), так и трипликация (трехкратный повтор), а также случаи, где наблюдается еще большее число повторений.

Трипликация встречается достаточно часто и может быть проиллюстрирована примерами из разных языков, например, из бамана: *déndéndén* ‘очень (черный)’, *dórádórádórá* ‘сальный’, *jàjajà* ‘бродяга’ [Bailleul 1981], эмаи: *kpíkípíkí* ‘часто ударяя (например, крыльями)’, *gbágbágbá* ‘хлопнув с силой (например, рукой по двери)’ [Schaefer, Egbokhare 1999] или из догон (диалект донно-со): *pile-palà-pilè* ‘блестящий (на свету)’, *dɔbu-dabu-dɔbu* ‘прыгающий, скачущий’, *gengú-gangu-gengu* ‘дрожащий, мерцающий’ [Kervran 1982].

Значительно реже встречается квадрипликация (четырёхкратный повтор). Например, квадрипликация наблюдается в аймара: *pi* ‘есть’ — *pipí'pipí'* ‘все время есть’, *sa* ‘идти’ — *sasasasa* ‘все время идти’ [Key 1965: 91].

Большее число повторений возможно при «неограниченной редупликации». В этом случае количество повторов не является строго фиксированным (то есть может свободно варьироваться) и,

⁴ Хакасский материал собран автором в процессе полевой работы.

как правило, служит для эмфазы, а не для выражения какой-либо специфической семантики. Например, в бамана некоторые типы идеофонов допускают от трехкратного до шестикратного повторения: *dididi(di)* ‘очень быстро (передвигаться)’, *diba diba diba (diba)* ‘тяжело и медленно (шлепать, плескаться)’ [Диаките 1989: 52–53].

1.3. Дивергенция

Редупликация может быть точной (в этом случае имеет место точное копирование слова или его части) или неточной (копируемая часть претерпевает некоторые изменения, называемые дивергенцией). Как правило, дивергенция заключается в изменении гласного (или гласных) или согласного⁵. Случаи одновременного изменения гласного и согласного значительно более редки, хотя тоже встречаются. Дивергенция гласных может затрагивать одну или несколько фонем. Например, изменение гласного первого слога часто наблюдается в догон (диалект донно-со): *golí-gali* ‘неровный, кочковатый’, *gunnuló-gannulú* ‘лежащий, положенный (о круглой вещи)’, *pegizí-pagizi* ‘усеянный скалами’ [Kervran 1982]. Заметим, что у триплицированных форм в догон дивергенция наблюдается только в среднем сегменте: *dɔbu-dabu-dɔbu* ‘прыгающий, скачущий’, *búgu-bagù-bugú* ‘шум, получающийся от хлопков по воде’, *gɔrudu-garudu-gɔrudu* ‘мурлыканье’.

Дивергенция согласных в редуплицированных сегментах распространена несколько реже, чем дивергенция гласных. Например, такие случаи встречаются в бамана: *sálákúmálákú* ‘прожорливый’, *bímímì* ‘африканский питон’ [Bailleul 1981] или в марийском: *kəvəž-govəž* ‘с шорохом’, *kəldə-goldo* ‘с глухим шумом’⁶. Кроме того общеизвестна так называемая «*шм*-редупликация» [Минлос 2004; Stolz 2008].

Следует подчеркнуть, что наличие дивергенции может создавать определенные проблемы при интерпретации языкового материала. Во-первых, не следует смешивать дивергенцию, которая является функционально нагруженным механизмом образования

⁵ В тоновых языках дивергенция может также состоять в изменении тоновых характеристик. В данной работе мы не будем рассматривать эти случаи.

⁶ Марийский материал получен в процессе полевой работы автора.

редуплицированных форм, с различного рода изменениями редуплицируемых сегментов, происходящими в силу чисто фонетических или морфонологических правил. Например, во многих языках, редупликация сочетается с аффиксацией, приводящей к изменениям в редуплицируемом сегменте. Так, в хауса множественное число от слова *wuta* ‘огонь’ выглядит как *wutace* ‘огни’. Здесь на редуплицированную форму *wuta+ta* накладывается огласовка *-a-e*, что и приводит к переходу [t] в [c] в редуплицируемом сегменте.

Во-вторых, дивергентную редупликацию часто смешивают с парными словами. Парные слова часто образуются соположением двух паронимов (слов близких по фонетическому облику и относящихся к одному семантическому полю) или приближающихся к паронимам пар слов. Приведем пример из йоруба: *ṣe ihín* ‘делать здесь’ + *ṣe ḡhìn* ‘делать там’ — *ṣehín-ṣḡhín* ‘непостоянный’, *rɔ ɔwɔ* ‘расслабить руку’ + *rɔ esè* ‘расслабить ногу’ — *rɔwɔrɔsè* ‘легко’ [Adewole 1997: 115–116]. В работе [Erelt 1997], посвященной редупликации в эстонском языке, проводится противопоставление точной редупликации, которая называется *identity reduplication* (например, *suur-suur maja* ‘большой-большой дом’), и *similarity reduplication*, которая включает в себя как паронимические повторы типа *kisi ja kära* ‘крик и шум’, так и дивергентную редупликацию: *sigin-sagin* ‘суматоха’.

1.4. Направление редупликации

Редупликация бывает правосторонней (прогрессивной) и левосторонней (регрессивной). В первом случае редуплицируемый сегмент помещается после исходного, а во втором — перед ним. В случае точной редупликации направление бывает неочевидно, однако при дивергентной редупликации направление легко определимо. Приведенные выше примеры дивергенции относились к прогрессивной редупликации, однако регрессивная редупликация тоже встречается достаточно часто. В качестве примера можно привести образование отглагольных имен со значением действия в йоруба: *lɔ* ‘идти’ — *lílɔ, tɪ* ‘пить’ — *títɪ* [Adewole 1997: 121] или итеративные глагольные формы в оболу: *kwéék* ‘сидеться’ — *kwúkwéék, mááj* ‘помещать на кровать’ — *mùmááj, kéké* ‘стоять’ — *kíkéké, nyám* ‘продавать’ — *nyínyám* [Aaron 1996/1997: 56–57].

Обычно, если в языке в определенной функции используется дивергентная редупликация, то все такие примеры относятся к одному типу: прогрессивному или регрессивному. Однако встречаются языки, которые допускают одновременное использование обоих типов. Например, в коми⁷ идеофоны могут демонстрировать регрессивный тип (в этом случае исходный гласный заменяется на [u]) и прогрессивный тип (в этом случае исходный гласный заменяется на [a]): *brutka-brotka* ‘о ворчании, бормотании’ (ср. с *brotkĭnj* ‘ворчать’), *vuž’jn’-vež’in* ‘косой, перекошенный’ (ср. с *vež’jn* ‘косой, перекошенный’), *gudĭr-gadĭr* ‘о перемешивании чего-л.’ (ср. с *gudĭr* ‘перемешивать; муть, осадок’), *n’uv-n’av* ‘о чем-л. быстро сгорающем’ (ср. с *n’uvnj* ‘лизать’).

1.5. Контактная и дистантная редупликация

Отдельным классом следует выделять дистантную редупликацию, при которой между двумя повторенными сегментами появляется третий, не имеющий непосредственного отношения к повтору. В качестве примера можно привести образование превосходной степени прилагательных в догон (диалект донно-со): *ezú* ‘красивый’ — *ezu-na-ezu* ‘очень красивый’, *genε* ‘добрый, хороший’ — *genε-na-genε* ‘очень добрый, хороший’ [Kervran, Prost 1986] или обобщающие дистрибутивы в йоруба: *тэ* ‘ребенок’ — *тэ-кí-тэ* ‘любой ребенок’, *аjá* ‘собака’ — *аjá-кí-аjá* ‘любая собака’, *εуε* ‘птица’ — *εуε-кí-εуε* ‘любая птица’ [Adewole 1997: 112].

Встречаются примеры, которые могут быть проинтерпретированы либо как дистантная, либо как дивергентная редупликация. Например, в хакасском (как и в других тюркских языках) редупликация используется для образования форм прилагательных со значением высокой степени качества, например, *küp-küreŋ* ‘очень коричневый’ (от *küreŋ* ‘коричневый’), *öp-öl* ‘очень мокрый’ (от *öl* ‘мокрый’), *up-uzun* ‘очень длинный’ (от *uzun* ‘длинный’). В этих примерах появление конечного [p] в первой части редулицированной формы можно интерпретировать как некоторый форматив, а редупликацию квалифицировать как дистантную (в этом случае правило редуликации будет выглядеть так: к начальной последовательности (C)V исходного прилагательного прибавляется

⁷ Материал по коми был получен в процессе полевой работы автора.

форматив *-р*, и полученная последовательность добавляется к исходному прилагательному слева). Однако не менее удобной представляется интерпретация с допущением дивергенции. В таком случае нет необходимости вводить новый форматив, а правило редупликации формулируется следующим образом: начальная последовательность (C)VC исходного прилагательного копируется влево с заменой конечного согласного последовательности на [p].

2. Функции и семантика редупликации

2.1. Иконичность

Редупликация общеизвестна как иконическое языковое средство (см., например, [Dressler 1995; Hammer 1997; Kouwenberg, LaCharité 2001; Kulikov 2005]). При этом в большинстве случаев за скобками остается вопрос о том, что именно подразумевается под иконичностью и как именно она проявляется в редуплицированных формах. В своей работе 1938 года Моррис определяет иконичность следующим образом (цитируется по [Моррис 1983: 57–58]): «Знак же характеризующий характеризует то, что он может обозначать (денотировать). Это становится возможным благодаря тому, что знак обнаруживает в себе самое свойство, которыми должен обладать его объект или денотат, и в таком случае характеризующий знак является знаком *иконическим*; если это не так, характеризующий знак можно назвать *символом*. Фотография, карта звездного неба, модель — иконические знаки (...) Семантическое правило употребления иконических знаков состоит в том, что они обозначают (денотируют) те объекты, которые имеют те же свойства, что и сами знаки, или — чаще — некоторый ограниченный набор их признаков». Более кратко это определение можно сформулировать следующим образом: «Иконичность — это свойство общности некоторых характеристик у знака и его денотата» (см. [Norreg, Traugott 1993: 26]). Однако следует подчеркнуть, что иконичность не является универсальным, то есть не зависящим от языка, свойством: способность отождествлять характеристики знака и денотата опирается как на языковой и культурный контекст носителя, так и на его индивидуальный опыт и особенности мышления. Тем самым, иконичность градуальна: в одном случае в изображении знака до-

статочно четко просматриваются характеристики денотата (что делает этот знак понятным для большинства людей), в другом случае, способность найти соответствующие общие черты знака и денотата доступна лишь немногим. Рассмотрим подробнее иконичность при редупликации. Если посмотреть на знак, имеющий структуру «АА» (то есть состоящий из двух повторяющихся сегментов), то можно выделить следующие его свойства:

1) Он обладает маркированным свойством квантитативности. То есть в нем содержится идея многократности (точнее — «неоднократности»), а также большей длительности по сравнению со знаком «А» (то есть знаком, не содержащим повтора);

2) Знак «АА» обладает несомненным сходством со знаком «А» (в отличие, допустим, от «Б»), но не является его точной копией. Этот случай может быть проинтерпретирован двумя способами: а) в знаке содержится идея подобия, но не абсолютной конгруэнтности; б) знак «АА» является своего рода искажением знака «А», отклонением от подразумеваемой нормы⁸.

Именно эти свойства и являются базой для той семантики, которую выражает редупликация. Первое из этих свойств определяет использование редупликации для выражения количественной семантики: мультипликативности, итеративности, дистрибутивности, аугментативности и пр. Например, это может быть образование множественного числа (*magana* 'слово' — *maganganu* 'слова' в хауса), или образование глаголов с семантикой множественности (*honda* 'холм' — *honda-honda* 'быть холмистым, покрытым холмами' в сонгай). Этот набор значений мы будем далее называть первым паттерном иконичности.

Второй паттерн иконичности определяет, прежде всего, выражение редупликацией смысла «быть похожим на X (но не совпадать с ним)». Например, в хауса: *mutum* 'человек' — *mutum-mutum*

⁸ Следует подчеркнуть, что тем самым мы не считаем иконичностью редупликации только то, что связано с множественностью, хотя такая точка зрения бытует в научном мире. Например, в [Kouwenberg, LaCharite 1999] утверждается, что иконичность редупликации может быть описана формулой «больше в форме — больше в значении» и иконической редупликацией следует считать ту, которая связана с мультипликативностью и аугментативностью, в то время как редупликация со значением схожести относится к неиконической.

‘огородное пугало’, *toka* ‘зола’ — *toka-toka* ‘серый’ [Щеглов 1970]. И с этой точки зрения становится понятна распространенность дивергентной редупликации. Дивергенция по сути выражает ту же самую идею «что-то похожее, но не совпадающее» и является дополнительным усилителем описываемой семантики при редуплицированной форме. Также этим паттерном определяется и семантика пейоративности, типичная для редуплицированных форм. Хотя на первый взгляд может показаться, что пейоративность не относится к очевидной иконической семантике, несложно вспомнить такой пример, как намеренное искажение имени человека с целью задеть или обидеть его (то есть отличное от правильного использование этого самого имени). Вероятно, что этот же паттерн позволяет использовать редупликацию для маркирования определенных категориальных значений в парадигме слова (см. ниже про редуплицированные формы в глагольной парадигме).

Следует подчеркнуть, что не во всех случаях можно с полной уверенностью утверждать, какой именно паттерн определил появление редуплицированной формы. В ряде случаев могут быть задействованы оба паттерна. Так, по всей видимости, оба паттерна определяют появление у редупликации экспрессивной функции: с одной стороны, повтор служит для усиления и акцентирования выражаемого смысла, с другой стороны, он выражает идею чего-то, выделяющегося из обычного положения дел. Также обстоит дело и с аттенуативностью: с одной стороны, мы имеем дело с количественными характеристиками (исходное действие более сильное, результирующее — более слабое), с другой стороны, аттенуативное действие — это некоторое неполноценное действие по сравнению с обычным.

Обратим внимание, что отсутствие должного внимания ко второму паттерну иногда приводит к неточностям в формулировках, описывающих значения редуплицированных форм. Например, в [Журковский 1972: 165] при перечислении функций хаусанской редупликации указывается: «Полная редупликация происходит и при образовании уменьшительных существительных ⟨...⟩, например, ⟨...⟩ *áya-áya* ‘дикорастущий миндаль’ (от *áyá* ‘миндаль’). Иногда во втором и четвертом слогах уменьшительных существительных наблюдается замена гласного основы на гласный [a]. Пример: *kùmbà-kùmbà* ‘калебаса, похожая на *kumbo*’ (*kùmbò* ‘сосуд,

сделанный из половинки калебасы'). См. примеры уменьшительных существительных в тексте: *suka kai wani gida kango-kango* 'они подошли к какому-то **полуразвалившемуся дому**' (дословно, 'похожему на развалины'); *na buɗe ido sai na gan ni tsakar wani abu kamar rijiya-rijiya* 'я открыл глаза и увидел, что нахожусь в чем-то, **похожем на колодец**'. Если первый из приведенных в цитате примеров еще может вызывать хоть какие-то сомнения, то остальные примеры очевидным образом являются продуктами второго паттерна иконичности, и предлагаемый ярлык «уменьшительных существительных», конечно, слабо подходит к семантике приведенных редулицированных форм.

Наиболее существенным следствием из иконичности редуликации становится размытость значений, заметно затрудняющая типологическое сопоставление редуликации в разных языках. Ниже эта проблема будет рассмотрена подробнее.

2.2. Области использования редуликации

С точки зрения функций мы выделяем три типа редуликации:

1. грамматическая (формообразующая) редуликация;
2. словообразовательная редуликация;
3. немотивированная редуликация.

Отличие немотивированной редуликации от первых двух типов состоит в отсутствии исходной «мотивирующей» лексемы.

Различие первых двух типов определяется сферой использования редуликации: это может быть формообразование или словообразование⁹.

2.3. Грамматическая (формообразующая) редуликация

Перечислим наиболее типичные значения редулицированных форм.

1. Образование форм множественного числа существительных. Например, в хауса: *shawarwari* 'советы' (от *shawara* 'совет'), *tagunguna* 'лекарства' (от *tagani* 'лекарство'), *gabubba* 'суставы' (от *gaba* 'сустав') [Щеглов 1970] или в хаша: *tu-tus* 'травы' (от *i-tus*

⁹ Очевидно, что граница между первым и вторым крайне зыбка. В данной работе мы не будем останавливаться на этом вопросе.

‘трава’), *wu-wur* ‘семена’ (от *i-wur* ‘семя’), *me-met* ‘ветры’ (от *i-met* ‘ветер’), *ti-tyak* ‘имена’ (от *i-tyak* ‘имя’) [Blench 1999].

2. Образование дистрибутивных форм имен (в первую очередь эта функция наблюдается у числительных, но также встречается у существительных). В качестве примера можно привести числительные в догон (диалект донно-со): *kesun-sun* ‘по восемьдесят’ (от *kesun* ‘восемьдесят’), *pel-pel* ‘по десять’ (от *pel* ‘десять’) [Kervan, Prost 1986] или в игбо: *ise ise* ‘по пятеркам’ (от *ise* ‘пять’), *inọ inọ* ‘по четверкам’ (*inọ* ‘четыре’) [Anagbogu 1995: 51]. Типичным является использование редупликации для выражения значения, которое можно назвать «дистрибутивно-обобщающим» (то есть ‘каждый...’). Например, такие формы наблюдаются у существительных в йоруба: *òsòsè* ‘каждая неделя’ (от *òsè* ‘неделя’), *alaalé* ‘каждый враг’ (от *alé* ‘враг’) [Moravcsik 1978] или в киси: *sò-ó-sò* ‘каждый цыпленок’ (от *sò* ‘цыпленок’) [Childs 1995].

3. Для редулицированных форм прилагательных характерно выражать большую степень качества. Например, в багирми: *ng^wol(o)* *ng^wol(o)* ~ *ng^wolng^wol(o)* ‘очень большой’, *mbas(a)* *mbas(a)* ~ *mbasmbas(a)* ‘очень маленький’, *bilibili* ‘очень ленивый’, *ulul(u)* ‘очень холодный’ [Stevenson 1969: 161].

4. Редулицированные формы существительных часто выражают уменьшительность, а прилагательных — ослабленность качества¹⁰. Например, в иврите: *ba.tsal.tsal* ‘луковка’ (от *ba.tsal* ‘лук’), *klav.lav* ‘щенок’ (от *ke.lev* ‘собака’), *’adam.dam* ‘красно-

¹⁰ Здесь, конечно, не может не возникнуть вопрос, почему редупликация прилагательных в некоторых языках означает усиление качества, а в некоторых ослабление. С нашей точки зрения, это происходит из-за того, что в первом случае значение редулицированной формы определяется, прежде всего, первым (то есть количественным) паттерном иконичности: редулицированное слово больше исходного, и качество, выражаемое редулицированной формой, сильнее выражаемого нередулицированной формой. Второй паттерн тут может играть только дополнительную роль (как отмечалось выше, эмфаза – это продукт обоих паттернов). В случаях же ослабления качества значение в большей степени определяется вторым паттерном иконичности (неточным сходством): ‘как бы такой, но не совсем’, например, ‘не красный, но похожий на него’, то есть ‘красноватый’.

тый' (от *'a.dom* 'красный'), *ma.tak.tak* 'сладковатый' (от *ma.tok* 'сладкий') [Levkovich 2007: 152].

В глагольном формообразовании редупликация чаще всего используется в двух функциях. Во-первых, это образование форм с различной семантикой множественности (итеративных, интенсивных, дистрибутивных и пр.). Например, в арабском: *kas:ara* 'разрезать на мелкие кусочки' от *ksr* 'разрезать', *far:aqa* 'рассеивать' от *frq* 'разделять' [Maas 2005] или в догон (диалект донно-со): *gɛndɛzɛm* 'Я смотрю' и *gɛɛndɛzɛm* 'Я смотрю время от времени', *nɔzɛm* 'Я пью' и *nɔnɔzɛm* 'Я пью время от времени' [Kervran, Prost 1969; 1986].

Во-вторых, редупликация может использоваться в системе времен глагола. Эта функция редупликации требует отдельного исследования, поскольку здесь появление редуплицированных форм не имеет тривиального объяснения. Некоторые случаи могут быть объяснены тем, что временная семантика очень часто переплетается с аспектуальной (различного рода аспектуальные значения типа длительности или многократности действия очевидным образом связаны с первым паттерном иконичности). В других же случаях такое объяснение не проходит. Например, перфектные формы (как в латыни или в древнегреческом) нельзя с уверенностью считать выражающими какого-либо рода множественность. Но при этом появление редуплицированного перфекта в глагольной парадигме можно объяснить так: существует базовое категориальное значение (например, имперфект) и другое, отклоняющееся от базового (например, перфект), которое маркируется редуплицированной формой. Какое из категориальных значений является базовым (нормальным), а какое вторичным (необычным), зависит от некоторых скрытых свойств конкретного языка (в другом языке перфект может оказаться базовым, нередуплицированным, а имперфект вторичным, редуплицированным). Переплетающееся использование двух паттернов обуславливает отмеченную непредсказуемость появления редуплицированных форм в видо-временной системе глагола.

Кроме перечисленных значений, существует целый ряд примеров, когда редупликация используется в других, более редких, функциях, которые в данной работе рассматриваться не будут.

2.4. Словообразовательная редупликация

Если в системе формообразования редупликация наблюдается в меньшинстве языков, то использование редупликации в словообразовательных функциях распространено заметно шире. Именно при типологическом анализе словообразовательной редупликации особенно остро встает проблема размытости значений. Можно с большой степенью уверенности утверждать, что если язык использует редупликацию для выражения одного из типичных иконических значений (например, для образования глагольных дериватов с семантикой интенсивности действия), то в этом же языке найдутся примеры редуплицированных глаголов с другим значением, типичным для редупликации (например, дистрибутивным или итеративным). В результате сопоставление значений редупликации в разных языках практически теряет смысл: вместо четкой дистрибуции исследователь сможет получить только расплывчатую градуальную шкалу.

Однако это не означает, что невозможно выявить другие типологически существенные признаки, на основе которых можно производить сопоставление языков. Далее предлагается система типологического анализа словообразовательной редупликации.

Словообразовательную редупликацию мы рассматриваем с точки зрения следующих параметров:

- 1) к какому грамматическому классу (части речи) относится исходное нередуплицированное слово;
- 2) к какому грамматическому классу (части речи) относится полученное редуплицированное слово;
- 3) какая семантика различает исходное и результирующее слова.

Очевидно, что с точки зрения этих параметров любая пара «исходное нередуплицированное слово» — «результирующее редуплицированное слово» может быть отнесена к одному из четырех типов:

1. Оба слова относятся к разным грамматическим классам, но не имеют каких-либо специфических семантических различий (говоря другими словами, редупликация используется просто как способ конверсии, т. е. как вербализатор, адъективизатор, субстантиватор и пр.);

2. Оба слова относятся к разным грамматическим классам и различаются семантикой, специфичной для редуплицированных форм. Такой семантикой могут быть, прежде всего, различные виды множественности (то есть редуплицированное слово несет семантику множественности, а нередуплицированное не несет);

3. Оба слова относятся к одному грамматическому классу, и различаются специфической для редупликации семантикой (например, от обычного глагола образуется мультипликативный глагол);

4. Оба слова относятся к одному грамматическому классу и не имеют специфических семантических различий, то есть по сути можно говорить о синонимической паре, компоненты которой различаются только наличием редупликации на уровне формы.

Проведенный нами анализ ряда африканских языков показал, что в языке, использующем словообразовательную редупликацию, обычно хорошо представлены типы 1 и/или 3. Что касается типов 2 и 4, то они встречаются значительно реже и представлены меньшим числом примеров. Таким образом, в сфере словообразования язык предпочитает разграничивать первый паттерн иконичности (который определяет тип 3) и второй паттерн иконичности (тип 1).

Соответственно, языки, использующие редупликацию в сфере словообразования, могут быть разделены на три группы: в первую группу попадают те, в которых доминирует тип 1, во вторую оказываются языки с доминирующим типом 3, а третью группу составляют языки, где типы 1 и 3 представлены в равной степени.

2.5. Немотивированная редупликация

Лексемы с немотивированной редупликацией (то есть не имеющие исходного нередуплицированного коррелята) обычно составляют существенную, если не большую, часть редуплицированных лексем языка. Существуют классы слов, где большинство лексем содержит редупликацию. Это идеофоны, звукоподражания, подзывные слова и детские лепетные слова. Причины появления редупликации в словах этих классов более или менее понятны.

Редуплицированные лексемы наблюдаются и среди слов основных морфологических классов (глаголов, существительных, прилагательных, наречий). Такие лексемы содержат семантические

компоненты, которые типичны для редуцированных форм в целом и связаны с описанными выше паттернами иконичности.

Наиболее прозрачна семантика редуцированных глаголов: как правило, редуцированными оказываются глаголы со значением множественности действия (то есть такие глаголы как 'дрожать', 'блестеть', 'колебаться' и т. п.). Кроме того во многих языках редуцированными оказываются глаголы, обозначающие различные походки, и звукоподражательные глаголы.

У прилагательных и наречий появление редуцированной формы, как правило, связано с высокой степенью обозначаемого признака или с другим проявлением семантики множественности.

Несколько менее прозрачными представляются причины появления редуцированных существительных. Тем не менее, и в этом случае появление редуцированной формы тоже оказывается неслучайным. Например, проведенный нами анализ ряда африканских языков показал, что существует несколько групп существительных, в которых редуцированные лексемы встречаются особенно часто (см. [Рожанский 2008]). Например, редупликация часто наблюдается у лексем, обозначающих животных. Редулицируются названия тех животных, которые обладают следующими характеристиками (см. [Рожанский 2007]):

- 1) животные, которым свойственно собираться большими группами;
- 2) животные, которые совершают быстрые движения (например, своими конечностями);
- 3) животные, которые движутся по неровной траектории (зигзагами или хаотично);
- 4) животные, имеющие неоднородную структуру тела (прежде всего, состоящую из двух, как бы отдельных, частей);
- 5) животные, вызывающие отрицательные эмоции (прежде всего, пренебрежение и отвращение);
- 6) животные с неоднородной (многоцветной, пестрой) окраской;
- 7) животные очень мелкого размера;
- 8) животные, покрытые множеством колючек.

Чем большее количество перечисленных характеристик может быть приписано данному животному, тем больше вероятность,

что его название будет редуплицировано¹¹. Так в рассмотренных нами африканских языках наиболее часто редуплицировались названия муравьев, пчел, ос и змей.

Редуплицированные названия часто наблюдаются у растений (что, по-видимому, тоже связано с целым рядом параметров, учитывающих форму и окраску цветов, листьев, плодов растения), частей тела (как правило, тех, которые имеют высокую степень кривизны, ярко выраженную округлость и/или которые можно охарактеризовать как «выпирающие», например, подбородок, Адамово яблоко, желчный пузырь), болезней (разного рода судороги, кожные и венерические болезни, болезни желудочно-кишечного тракта), природных явлений (мелкий дождь, раскаты грома, молния, радуга).

Таким образом, для немотивированной редупликации основной целью типологического исследования становится выявление семантических компонентов, обуславливающих появление редуплицированных форм.

Литература

- Алиева Н. Ф.* Удвоение как грамматический способ (на материале языков Юго-Восточной Азии) // Морфема и проблемы типологии. М.: 1991.
- Диаките Дж.* Идеофоническая лексика в системе частей речи (на материале языка бамана): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1989.
- Журковский Б. В.* Типология идеофонов в хауса // Фонология и морфология африканских языков. М.: Наука, 1972.
- Меликян Г. В.* Парные словосочетания в современном персидском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1984.
- Минлос Ф. Р.* Редупликация и парные слова в восточнославянских языках: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2004.
- Моррис Ч. У.* Основания теории знаков // Семиотика. М., 1983.
- Рожанский Ф. И.* Редупликация и названия животных в африканских языках // Вопросы языкознания. 2007. №2ю
- Рожанский Ф. И.* Редупликация как словообразовательное средство в языках Западной Африки // Основы африканского языкознания. Лексические подсистемы. Словообразование. М., 2008.

¹¹ Кроме того, существуют тривиальные случаи, когда редуплицированное название животного имеет звукоподражательное происхождение.

- Шошитайивили И. А.* Функции и статус плюсквамперфекта в глагольной системе (в типологическом аспекте): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1998.
- Щеглов Ю. К.* Очерк грамматики языка хауса. М., 1970.
- Aaron U. E.* The Category of Number in Obolo Verbal Morphology // *Journal of West African Languages* 26 (1), 1996/1997.
- Adewole S. M.* Reduplication in Yoruba // *Linguistique Africaine* 18, 1997.
- Anagbogu Ph. N.* The Semantics of Reduplication in Igbo // *Journal of West African Languages* 25 (1), 1995.
- Bailleul Ch.* Petit Dictionnaire Bambara-Français Français-Bambara. Avebury, 1981.
- Blench R.* Nominal morphology chaos in Plateau languages: trees versus networks (Доклад на конференции 29th Colloquium in African Languages and Linguistics). Leiden, 1999.
- Calame-Griaule G.* Dictionnaire Dogon. Dialecte Tórö. Langue et civilisation. Paris, 1968.
- Childs G. T.* A Grammar of Kisi. A Southern Atlantic Language. Berlin, 1995.
- Dressler W.* Interactions between Iconicity and Other Semiotic Parameters in Language // *Simore R.* (ed.). *Iconicity in language*. Amsterdam, 1995.
- Erelt M.* Reduplication in Estonian // *Erelt M.* (ed.). *Estonian: Typological Studies II*. (Publications of the Department of Estonian of the University of Tartu 8). Tartu, 1997.
- Haïdara Y. M., Maïga Y. B., Maïga M. B., Hutchison J. P.* Lexique Sonjay-Français. Bamako, 1995.
- Hammer F.* Iconicité et reduplication en français // *Folia Linguistica: Acta Societatis Europaeae* 31, 1997.
- Hopper P. J., Traugott E. C.* Grammaticalization. Cambridge, 1993.
- Kervran M.* Dictionnaire Dogon Donno Sö. Région de Bandiagara, 1982.
- Kervran M., Prost A.* Les Parlers Dogons. Donno Sö. Dakar, 1969.
- Kervran M., Prost A.* Un Parler Dogon. Le Donno Sö. Notes de Grammaire. Bandiagara, 1986.
- Key H.* Some Semantic Functions of Reduplication in Various Languages // *Anthropological Linguistics* 7/3. 1965.
- Klingenheben A.* Die Sprache der Ful (Dialect von Adamaua). Hamburg, 1963.
- Kouwenberg S., LaCharite D.* Iconicity in Caribbean Creole Reduplication: Inflection versus Derivation // *Jensen J., Van Herk G.* (dir.). *Actes de l'ACL congrès annuel*. Ottawa, 1999.
- Kouwenberg S., LaCharite D.* The iconic interpretations of reduplication: issues in the study of reduplication in Caribbean Creole languages // *European Journal of English Studies* 5. 2001.
- Kulikov L. I.* Reduplication in the Vedic verb: Indo-European inheritance, analogy and iconicity // *Hurch B.* (ed.). *Studies on Reduplication*. Berlin, 2005.

- Levkovich N.* Totale Reduplikation im modernen Hebräischen // Wiederholung, Parallelismus, Reduplication. Strategien der multiplen Strukturanwendung. (Diversitas Linguarum 16). Bochum, 2007.
- Maas U.* Syntactic Reduplication in Arabic // Hurch B. (ed.). Studies on Reduplication. Berlin, 2005.
- Moravcsik E. A.* Reduplicative Constructions // Greenberg J. H. (ed.). Universals of Human Language. Vol. 3: Word Structure. Stanford, 1978.
- Osam K.* Adjectives in Akan // Afrika and Übersee 82, 1999.
- Schaefer R., Egbokhare F.* On DO/SAY Verbs with Ideophones in Emai (Доклад на конференции 29th Colloquium in African Languages and Linguistics). Leiden, 1999.
- Stevenson R. C.* Bagirmi grammar. Linguistic Monograph Ser. № 3. Sudan Research Unit. Faculty of Arts. University of Khartoum, 1969.
- Stolz Th.* Total reduplication vs. echo-word formation in language contact situations // Siemund P., Kintana N. Language Contact and contact Languages. Amsterdam–Philadelphia, 2008.

Н. Р. Сумбатова

РГГУ, Москва

КЛАССНОЕ СОГЛАСОВАНИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА СВЯЗОК В ДАРГИНСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Общие сведения и постановка задачи¹

Система именных классов является одной из самых ярких характеристик нахско-дагестанской семьи. Именные классификации представлены во всех нахско-дагестанских языках, за исключением части лезгинских (лезгинского, агульского, удинского, см., например, [Алексеев 2001]). Не составляет исключения и даргинский язык. Система именных классов имеется во всех даргинских диалектах и включает, как правило, три класса в единственном числе и три (но не тех же самых) во множественном.

Таблица 1. Граммемы категории именного класса и классные показатели в даргинских диалектах²

Единственное число		Множественное число	
мужской =w= (> Ø) ³	женский =r= (d=, =r)	1/2 л. =d= (=d=, =r=)	личный (3 л.) =b=
неличный =b=		неличный =d= (d=, =r)	

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 10-04-0028а. Приношу свою искреннюю благодарность коллегам, участвовавшим в работе над даргинскими диалектами и в обсуждении представленных здесь данных — С. Ю. Толдовой, Ю. А. Ландеру, Н. В. Сердобольской, М. А. Даниэлю, а также моим информантам, жителям селения Танты Магомеду Мамаеву, Рабадану Рабаданову и Али Курбанову.

² Мегебский — единственный даргинский диалект, где состав именных классов отличается от системы, показанной в Таблице 1. Здесь нет специального класса для 1/2 лица множественного числа, зато женский класс распадается на два: «класс матери» и «класс дочери». В «класс дочери» попадают существительные, обозначающие молодых женщин, прежде всего слово *dursi* ‘девочка, дочь’ [Магометов 1982].

³ В ряде диалектов показатель мужского класса в составе идентифицирующей связки — *-j*.

Для существительных именной класс является словоклассифицирующей категорией, которая выражается при помощи согласовательных показателей, присутствующих исключительно в согласуемых единицах (см. ниже). Показатели классного согласования могут быть как префиксами, так и суффиксами, а в некоторых случаях даже интерфиксами. В большинстве случаев присутствие и позиция классного показателя являются следствием присутствия в словоформе какой-то другой морфемы, которую мы назовем триггером. Отношения между морфемой-триггером и классным показателем подобны отношениям управляющего и управляемого слова⁴. К числу таких морфем-триггеров в даргинских диалектах относится (i) большинство глагольных корней; (ii) некоторые превербные и именны корни в составе сложных глаголов; (iii) некоторые корни прилагательных; (iv) идентифицирующая связка (в тантынском диалекте, о котором речь будет идти ниже, она имеет форму $sa=b$ или $sa=b=i$) и экзистенциальные вспомогательные глаголы (в тантынском $le=b$ 'существовать (близко к говорящему или в неопределенном месте)' ~ $te=b$ 'существовать (далеко, в стороне от говорящего)' ~ $\check{c}'e=b$ 'существовать (выше говорящего)' ~ $\chi e=b$ 'существовать (ниже говорящего)'); (v) местоименные корни $le=b$ и $sa=b$ в составе местоимений 'сам' и 'весь' (оба эти корня, очевидно, имеют общий источник с упомянутыми выше связочными глаголами); (vi) некоторые деривационные суффиксы.

Кроме того, у существительных и локативных наречий наличие классного показателя в конце словоформы является средством выражения грамматического значения эссива, ср. тант. *lacliĵa* 'на стену' — *lacliĵa=b* 'на стене'.

Областью согласования по именному классу является либо клауза, либо именная группа⁵. Хотя, по-видимому, эти два случая можно описывать при помощи одних и тех же правил, в данной работе мы не будем рассматривать эту проблему и ограничимся анализом некоторых случаев согласования в пределах клаузы.

⁴ При глоссировании даргинских примеров мы обозначаем границу между морфемой-триггером и классным показателем при помощи знака «=».

⁵ В некоторых диалектах имеются также случаи так называемого «прозрачного» согласования, о них см. [Serdobol'skaya 2009; Сердобольская, наст. сб.].

Правило контроля классного согласования в клаузе расходуется по диалектам. В части диалектов (например, ицаринском и кункинском) контролером всегда является абсолютный аргумент той же клаузы⁶, ср. (1) и (2) (ицаринский диалект):

- (1) [*waba-l rirsi-ci **barcik'** b = uc'-aq-a ca = b*]
 мать-ERG девочка-ILL пирог N-печь:IPF-CAUS-PRG COP-N
 'Мама заставляет дочку испечь пирог'.
- (2) [*it kapajukli, [niš:a-la mac:a d = artart-an]*
 этот Капур-оглы мы-GEN овцы NPL-оставлять:IPF:NEG-POT
k_oi = b ca = b] [d = ik'-ul-da nuš:a]
 в.руках-N COP-N 1/2PL-говорить:IPF-PRS-1 мы
 'Этот Капур-оглы, не оставляющий наших баранов, у нас в
 руках, — говорим мы'.

Однако в других диалектах связка это правило имеет по крайней мере одно исключение, а именно: связка может согласовываться по ядерному эргативу (А-аргументу), как в следующем примере из акушинского диалекта:

- (3) [[*arc-la gawlag-un-a-čil ši-li-zi*
 деньги-GEN сумка-PL-OBL-COM селение-OBL-ILL
*čaruq-un-si] **Nasradin-ni***
 PV+M+идти:PF-PRET-ATR Насреддин-ERG
šan-t-a-s barkalla b = al-aq-uli sa = j]
 сельчанин-PL-OBL-ILL спасибо N-знать-CAUS-CONV COP=M
 'Возвратившись в селение с сумками, полными серебра,
 Насреддин сказал односельчанам «спасибо»'
 [van den Berg 2001: 227].

Такое согласование возможно в акушинском диалекте (и основанном на нем литературном языке), а также в кубачинском, амухском, тантынском. В данной работе мы предлагаем описание этой конструкции в тантынском диалекте и некоторый способ ее синтаксического представления.

⁶ В примерах (1)–(3) контролер согласования и классные показатели выделены жирным шрифтом, границы клауз отмечены квадратными скобками.

2. Согласование связки в тантынском диалекте: выбор контролера

В этом и последующих разделах анализируется речь жителей селения Танты, расположенного в Акушинском районе Республики Дагестан, в 12 км от районного центра — с. Акуша. Речь жителей с. Танты, которую в данной работе мы будем условно называть тантынским диалектом, по своим лингвистическим характеристикам близка к цудахарскому диалекту.

В тантынском диалекте представлена «обычная» связка $sa = b = i$, которую мы будем иногда называть идентифицирующей, поскольку она используется, в частности, в именных предложениях идентификации (см. ниже пример (18)). Кроме того, в тантынском, как и в других диалектах, имеется серия экзистенциальных вспомогательных глаголов $le = b \sim te = b \sim \check{c}'e = b \sim \chi e = b$, которые мы также считаем связочными. Подробно свойства этих единиц мы не рассматриваем, некоторые сведения о них содержатся в разделе 5.2.

В непереходных глагольных конструкциях классное согласование идентифицирующих связок подчиняется общему правилу: контролером согласования всегда является абсолютный аргумент. Так, в примере (4) связка согласуется по классу с ИГ χ : *ala.tati* ‘дедушка’:

- (4) χ : *ala.tati* *ka-jž-ib-le*
 дедушка DOWN-садиться:PF-PRET-CONV
žuž-li-c:e-r-ka.le *uč'-un-ne*
 книга-OBL-IN1-EL-DOWN читать:IPF-PRG-CONV
kalg-un-ne *sa = j*
 оставаться:PF-PRET-CONV COP=M
 ‘Дедушка сидел, читал из книги’ (досл. ‘оставался, сидя, читая из книги’).

Что касается конструкций с переходными глаголами, то в них как бы действуют два правила контроля согласования одновременно: классный показатель в составе лексического глагола (и в большинстве случаев также в составе форм эссива) контролируется абсолютивной группой, а связка может контролироваться как абсолютивным, так и эргативным аргументом, ср. (5a) и (5b):

- (5) a. *murad-li t'ant'i=b qali b=irq'-u-le sa=j*
 Мурад-ERG Танты-ESS дом N-делать:IPF-PRS-CONV COP-M
- b. *murad-li t'ant'i=b qali b=irq'-u-le sa=b*
 Мурад-ERG Танты-ESS дом N-делать:IPF-PRS-CONV COP-N
 'Мурад строит дом в Тантах'.

Менее маркированными являются при этом конструкции с эргативным контролем класса связки: они первыми выдаются при элицитации примеров и более частотны в текстах. См., например, предложение (6) из начала нарративного текста (продолжение того же текста — пример (4)):

- (6) *χ: alaba-li qali ušk-u-le sa=r-i*
 бабушка-ERG дом подметать:IPF-PRG-CONV COP[F]
 {Жили мои прабабушка и прадедушка. Прадедушку звали Баргула-Магомед, а прабабушку Гайсун-Абис. Как-то они сидели оба дома.} 'Бабушка подметала комнату'.

Однако для большинства предложений с переходными глаголами и связками конструкции с абсолютным контролем также грамматичны. Как правило, абсолютивная группа может перехватывать контроль классного согласования, если она является более топикальной, чем эргативная (пример (7)).

- (7) {*ca zamana malla nasratinni pikribarq'ible hilala perec q:aršdiχuble.*}
ħa^fmħa^f-ž perec pis-d=arq'-ib-le sa=d
 осел-DAT перец насыпать-NPL-делать:PF-PRET-CONV COP-NPL
 '{Тут Мулла Насреддин вспомнил (= подумал), что у него есть (= встретился) перец.} (Он) насыпал перец ослу под хвост'.

Очевидно, что в большинстве случаев большей топикальностью обладает А-аргумент, отсюда и преобладание конструкций с расщепленным контролем согласования.

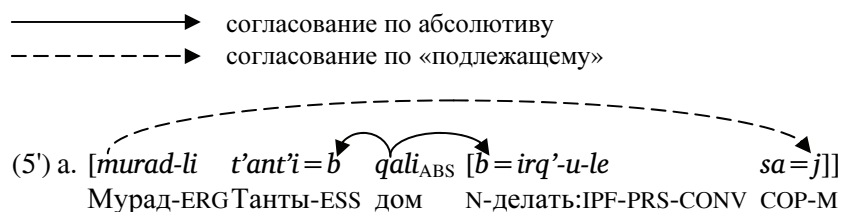
3. Согласование связки в тантыномском диалекте: обратный контроль?

Как показано в разделах 1 и 2, в тантыномском и других диалектах, допускающих эргативный контроль согласования связки, можно наблюдать два типа согласования: во-первых, согласование,

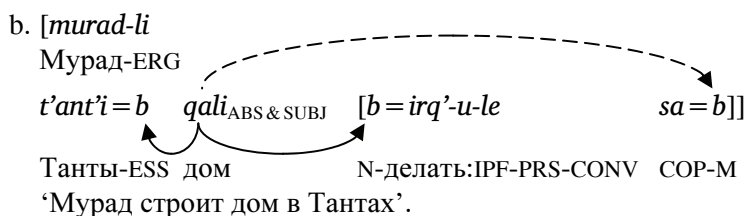
которое всегда контролируется абсолютивом (например, согласование основы лексического глагола), и, во-вторых, согласование, которое может контролироваться и эргативом, и абсолютивом (а в некоторых случаях, как будет показано ниже, и другими именными группами). Поскольку второй тип согласования бывает в основном в связках⁷, вполне возможно, что само его появление связано с синтаксическими свойствами этих единиц.

Никакой традиции синтаксического описания двух типов согласования в даргинском не существует. Соответствующие факты упомянуты в ряде работ (например, [Магометов 1963, 1976], но синтаксический анализ конструкций в них не производится. Однако поскольку в традиционной грамматике принято считать, что аналитические формы глагола представляют собой одну синтаксическую единицу (и тем самым находятся в одной клаузе), то можно сделать вывод о том, что традиционное описание подразумевает необходимость постулировать две различных категории классного согласования. Для одной из них («классное согласование 1» контролером согласования всегда является абсолютив (показано сплошной линией в (5')), а мишенью — лексическая часть глагола, обстоятельство и все прочие согласуемые единицы, за исключением связок. Для другой («классное согласование 2») мишенью как раз являются связки, а контролером — по умолчанию ядерный эргатив (если он есть), а в случае высоко топикального абсолютива — абсолютив; в случае отсутствия ядерного эргатива — абсолютив (прерывистая линия в (5')). Условно назовем контролера согласования второго типа «подлежащим».

Границы составляющих и направление согласования при таком способе описания показаны в (5'):

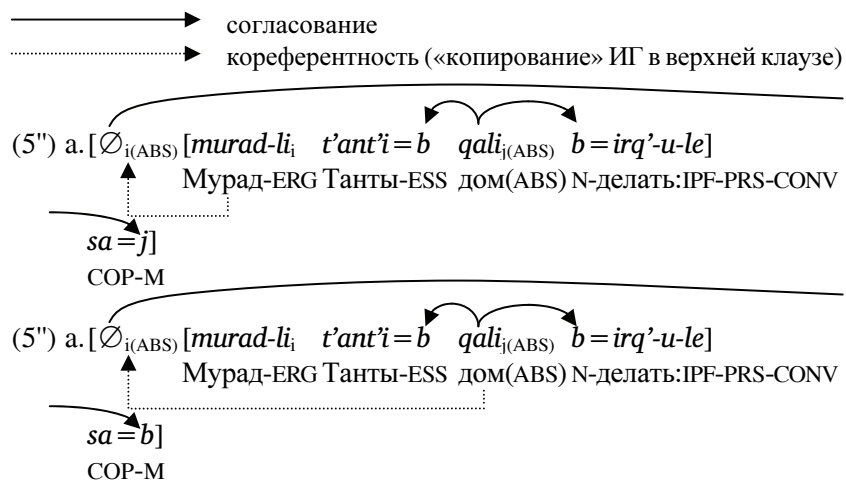


⁷ В действительности этот же механизм согласования в ряде случаев используется при согласовании обстоятельств (см. 4.2).



Мы, однако, предлагаем другой способ описания рассматриваемых конструкций, который представляет связочные глагольные конструкции как конструкции с «обратным контролем» [Polinsky, Potsdam 2002].

Для тантынских глагольных предложений со связками мы постулируем следующую синтаксическую структуру: идентифицирующая связка двухвалентна и подчиняет себе, во-первых, одну абсолютивную именную группу (как правило, топикальную), и, во-вторых, еще одну группу, которая может быть практически любой (глагольной; именной в абсолютиве, генитиве, локативе, комитативе и др., группой прилагательного, наречия или числительного). Связка приписывает падеж (абсолютив) только своему топикальному аргументу. В глагольных предложениях место этого аргумента занимает нулевая копия той группы, которая внешне выглядит как контролер классного согласования связки (А-аргумента, топикального О-аргумента, непереходного абсолютива). Мы, однако, будем считать, что контролером является нулевая абсолютивная группа, см. (5'').



С одной стороны, такое решение обладает эстетическими достоинствами: мы получаем единый способ контроля для всех случаев классного согласования. Однако немотивированное размножение синтаксических нулей вряд ли может украсить описание. Существование нуля следовало бы подкрепить какими-либо аргументами, помимо красоты или удобства описания. Такая попытка делается в следующем разделе.

Наше решение аналогично описанию «обратного контроля» в [Polinsky, Potsdam 2002], где структура с нулем в верхней клаузе и кореферентной ему ИГ в зависимом предложении постулируется для другого языка нахско-дагестанской семьи — цезского. В цезском языке случаи обратного контроля зафиксированы в конструкциях с сентенциальными актантами (с фазовыми глаголами ‘начинать’ и ‘продолжать’). Существование синтаксического нуля и расположение контролирующей этот нуль ИГ в зависимой клаузе М. Полинская и Э. Потсдам обосновывают при помощи многочисленных тестов — помимо падежного маркирования и согласования, рассматриваются передвижения групп в пределах клаузы, позиция обстоятельств и клитик, квантификация, связывание рефлексивов и т. д. К сожалению, большая часть этих тестов неприменима или с трудом применима к даргинскому языку в целом и к его связочным конструкциям в частности. Поэтому нам приходится искать другие аргументы.

4. Обратный контроль: аргументация

4.1. Морфологические аргументы

В глагольных предложениях нейтральной коммуникативной структуры⁸ характеризующая связка образует морфологическое и фонетическое единство с глагольной формой/основой. Именно это свойство связки побуждает авторов, описывающих даргинский язык, считать, комплекс «глагольная основа/нефинитная форма + связка» **словоформой глагола**. В предложениях с узким фокусом место связки также задано жестко — она находится справа от фокусируемой группы (подробно см. раздел 7). Эти свойства связки

⁸ В данном случае под «предложениями нейтральной коммуникативной структуры» имеются в виду предложения без синтаксического маркирования аргументного фокуса (о которых см. раздел 7).

как будто бы говорят в пользу традиционного подхода, однако отделимость связки в конструкциях с аргументным фокусом и ее самостоятельная роль в именных предложениях скорее указывают на то, что связку несомненно следует считать самостоятельной синтаксической единицей.

В пользу традиционного описания согласования до некоторой степени может служить морфология — показатель мужского класса *-j* в тантынском встречается только в характеризующей связке (*sa=j*). Но этот аргумент слабее, чем может показаться на первый взгляд, поскольку экзистенциальные связки (также допускающие эргативный контроль согласования) не используют показателя *-j* (формы мужского класса экзистенциальных связок — *le=w*, *te=w* и т. п.). Особый показатель мужского класса, очевидно, является морфологической особенностью именно идентифицирующей связки, а не классного согласования с переменным контролером.

4.2. Согласование обстоятельств

Обстоятельство, имеющее классный показатель (форма эссива существительного или локативного наречия) обычно согласуется по абсолютивному аргументу:

- (8) а. *rasul-li maʕhaʕmmad-li-š:u = b dig*
 Расул-ERG Магомед-OBL-APUD-N(ESS) мясо
b = uk-un-ne sa = j
 N-есть:IPF-PRS-CONV COP-M
 ‘Расул ест мясо (в гостях) у Магомеда’.

Однако согласование обстоятельства по эргативу все же возможно при выполнении двух условий: (1) связка согласуется по эргативу и (2) обстоятельство стоит «с краю» — в абсолютном конце и особенно в абсолютном начале предложения:

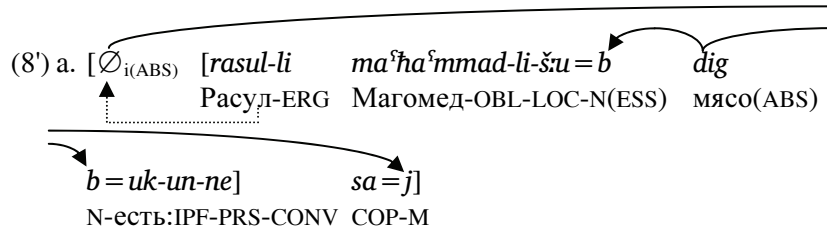
- (8) б. *rasul-li dig b = uk-un-ne sa = j*
 Расул-ERG мясо N-есть:IPF-PRS-CONV COP-M
maʕhaʕmmad-li-š:u = b / ?-š:u = w
 Магомед-OBL-APUD-N(ESS) -APUD-M(ESS)
 ‘Расул ест мясо (в гостях) у Магомеда’ (вариант с показателем *=b* оценивается как предпочтительный).

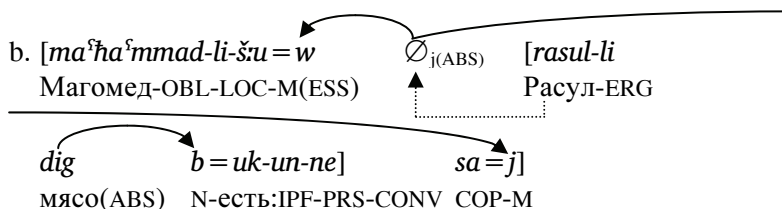
с. *maʕhaʕmmad-li-ṣ̌u=w* / *-ṣ̌u=b* *rasul-li*
 Магомед-OBL-APUD-N(ESS) -APUD-M(ESS) Расул-ERG
dig *b=uk-un-ne* *sa=j*
 мясо N-есть:IPF-PRS-CONV COP-M
 ‘В гостях у Магомеда Расул ест мясо’ (оба варианта одинаково приемлемы).

(9) *dars-li-ja=w* *musa-li* *jara* *gezet*
 урок-OBL-SUPER-M(ESS) Муса-ERG либо газета
b=učʻ-un-ne *sa=j*, *jara* *šajtʻun-t-a-lla*
 N-читать:IPF-PRS-CONV COP-M либо черт-PL-OBL-GEN
surate *d=irqʻ-u-le* *sa=j*
 картина:PL NPL-делать:IPF-PRS-CONV COP-M
 ‘На уроке Муса или читает газеты, или рисует чертиков’.

В примере (8a) обстоятельство в эссиве стоит между эргативной и абсолютной ИГ и может согласовываться только с последней. В (8b) обстоятельство находится на конце предложения — в этом случае согласование с эргативом уже допустимо, а при начальном расположении эссивного обстоятельства согласование с эргативом абсолютно нормально (8c), а в ряде случаев даже предпочтительно (9).

Правила согласования обстоятельств красиво описываются при помощи гипотезы обратного контроля: достаточно допустить, что в предложениях типа (8b–c) и (9) согласуемое обстоятельство находится в верхней клаузе (возглавляемой связкой) и, как и связка, контролируется подчиненным непосредственно связке «абсолютным» нулем. Такое допущение хорошо согласуется с тем фактом, что эргативный контроль возможен только в тех случаях, когда обстоятельство стоит на краю предложения и, следовательно, не разбивает вложенную деепричастную клаузу; обстоятельство, стоящее в середине предложения, попадает внутрь деепричастной клаузы и, как и прочие ее составляющие, контролируется абсолютным аргументом деепричастия:





4.3. Согласование связок в относительных придаточных

Если идентифицирующая связка (точнее, ее причастная форма *sa = b-se*) оказалась в вершине относительного придаточного, то правило согласования зависит от переходности глагола, подчиняющегося связке.

Если глагол непереходный, то связка согласуется с абсолютным аргументом (примеры (10) и (11)). Такое же правило действует в именных относительных предложениях (12).

- (10) [du ʔeʳ.irχ-u-le sa=j-se / *sa=b-se] qali
 я жить:IPF-PRS-CONV COP-M-ATR COP-N-ATR дом
 ‘дом, в котором я живу’

- (11) [haqʰuna ʔaj-ikʰ-u-le sa=j-se /
 пастух разговор-сказать:IPF-PRS-CONV COP-M-ATR
 ??sa=b-se] χ: eʳ
 COP-N-ATR собака
 ‘собака, с которой разговаривает пастух’

- (12) [di-la tati direktur sa=j-se] uʃkul
 я-GEN отец директор COP-M-ATR школа
 ‘школа, директор которой — мой отец’

В переходной относительной конструкции связка согласуется по вершине той ИГ, в которую входит относительное придаточное:

- (13) [qʰaʳl ic:u-le sa=r-se / *sa=b-se] rursi
 корова молоко:IPF-PRS-CONV COP-F-ATR *COP-N-ATR девочка
 ‘девочка, которая доит корову’ (вершина ИГ = эргатив вложенной клаузы)

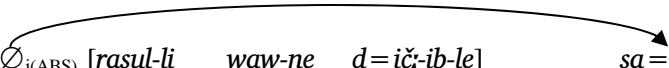
- (14) [neʃ-li b=urχ-u-le sa=b-se / *sa=r-se] qarukʰ
 мать-ERG N-шить:IPF-PRS-CONV COP-N-ATR COP-F-ATR платье
 ‘платье, которое шьет мама’ (вершина ИГ = вложенный абсолютив)

Согласование по вершине возможно, даже если эта вершина не совпадает ни с эргативом, ни с абсолютивом относительного предложения. В примере (15) вершина кореферентна опущенному дативному аргументу вложенной клаузы.

- (15) [rasul-li waw-ne d=ič:ib-le sa=r-se] rursi
 Расул-ERG цветок-PL NPL-дать:PF-PRET-ATR COP-F-ATR девочка
 ‘девочка, которой Расул подарил цветы’ (вершина ИГ = вложенный датив)

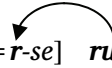
Анализ относительных предложений со связкой, очевидно, допускает несколько синтаксических решений, однако не все они одинаково удачны.

Во-первых, можно принять гипотезу обратного контроля и постулировать синтаксический ноль, контролирующий согласование связки:

- (15') [$\emptyset_{i(ABS)}$ [rasul-li waw-ne d=ič:ib-le] sa=r-se]
 Расул-ERG цветок-PL NPL-дать:PF-PRET-ATR COP-F-ATR
 rursi
 девочка
 ‘девочка, которой Расул подарил цветы’
- 

Такой подход не создает никаких серьезных проблем, помимо необходимости обоснования наличия синтаксического ноля. Интересно, что в относительных придаточных ноль может быть кореферентен не только абсолютиву или эргативу, как в независимых предложениях.

Во-вторых, можно считать, что контролером класса связки является непосредственно вершина, как показано в (15''):

- (15'') [rasul-li waw-ne d=ič:ib-le sa=r-se] rursi
 Расул-ERG цветок-PL NPL-дать:PF-PRET-ATR COP-F-ATR девочка
- 

Такой анализ вынуждает нас постулировать нелокальное согласование через границу относительного предложения (стрелка в (15'')). Кроме того, в этом случае придется постулировать разные правила классного согласования для непереходных и именных, с одной стороны, и переходных относительных предложений, с другой, так как в непереходных предложениях связку внутри относитель-

ного придаточного контролирует не вершина ИГ, а абсолютная ИГ в составе придаточного.

В-третьих, можно считать, что контролером является именная группа, подвергшаяся сокращению при образовании относительного придаточного:

- (15") [[*rasul-li* ~~*rursi-li-ž*~~ *waw-ne* *d=ič:ib-le*]
 Расул-ERG девочка-OBL-DAT цветок-PL NPL-дать:PF-PRET-ATR
 ↓
sa=r-se *rursi*
 COP-F-ATR девочка

При таком анализе нелокального согласования не возникает. Он, однако, оставляет по крайней мере две синтаксические проблемы. С одной стороны, само присутствие в структуре относительных придаточных «зачеркнутых» ИГ, кореферентных вершине, неочевидно и по меньшей мере требует дополнительного обоснования [Daniel, Lander 2010]. Для даргинского наличие такой группы в высшей степени неочевидно: во-первых, «зачеркнутая» ИГ не оставляет следа в виде союзного слова (как русское *который*); во-вторых, возможны такие относительные предложения, в которых для группы, кореферентной вершине, трудно найти место в синтаксической структуре относительного предложения. Так, в примере (16) (Ю. А. Ландер, полевые материалы), трудно определить, какое место в аргументной структуре вложенной относительной клаузы *čuli daqal arc dirq'use* ‘делать-ATR много денег’ могла бы занимать вершина этой клаузы *administracijalla bek* ‘глава администрации’:

- (16) *χalq'-li-ž* [[*čuli* *d=aqal* *arc*
 народ-OBL-DAT RFL=ERG NPL=много деньги
d=irq'-u-se *administracija-lla* *bek*]
 NPL=делать:IPF-TH-ATR администрация-GEN глава
w=ič'-aq-u
 M=хотеть:IPF-CAUS-TH
 ‘Люди любят главу администрации, при котором они много зарабатывают’.

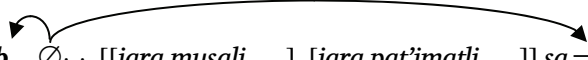
Таким образом, гипотеза обратного контроля создает меньше синтаксических проблем, чем альтернативные способы анализа.

4.4. Согласование при сочинении

Интересный случай представлен в сочинительных конструкциях, где обе части представляют собой финитное предложение со связкой. Такие предложения в целом не слишком характерны для даргинского, однако возможны при повторяющихся союзах. Рассмотрим пример (17):

- (17) *dars-li-ja = b* *jara musa-li* *gezete*
 урок-OBL-SUPER-NPL(ESS) либо Муса-ERG газета:PL
d = uč'-un-ne, *jara pat'imat-li* *šajt'un-t-a-lla*
 N-читать:IPF-PRS-CONV либо Патимат-ERG черт-PL-OBL-GEN
surate *d = irq'-u-le* *sa = b*
 картина:PL NPL-делать:IPF-PRS-CONV COP-NPL
 'На уроке либо Муса читает газеты, либо Патимат рисует чертиков'.

В примере (17) в связке представлен показатель одушевленного множественного класса. По смыслу он может относиться только к совокупности «Магомед + Патимат», но такой группы в предложении нет. Такую конструкцию можно объяснить при помощи гипотезы обратного контроля: сочиняются здесь деепричастные клаузы, а связка и начальное обстоятельство *darslijab* 'на уроке' контролируется нулем в верхней клаузе, референтом которого является совокупность «Магомед + Патимат».

- (17') $[darslija = b \ \emptyset_{i+j} \ [[jara \ musali \dots], [jara \ pat'imatli \dots]] \ sa = b]$
- 

5. Гипотеза обратного контроля: системные соображения

В разделе 4 мы показали, что гипотеза обратного контроля позволяет описывать некоторые важные явления даргинского синтаксиса. Помимо этого, важно и то, что эта гипотеза позволяет существенно упростить описание в ряде важных грамматических разделов. Во-первых, как уже сказано выше, гипотеза обратного контроля позволяет нам иметь только одну категорию классного согласования и только один тип контроля (абсолютивный) для всех конструкций и для всех случаев классного согласования. Кроме того, существует еще по крайней мере две группы системных соображений; мы рассматриваем их в разделах 5.1 и 5.2.

5.1. Обратный контроль и именные клаузы

Идентифицирующие связки употребляются в именных предложениях со значением идентификации, характеристики и таксономии.

- (18) *hiž di-la tati sa=j*
 этот я-GEN отец COP-M
 ‘Это мой отец’.
- (19) *se sa=b=e k’alta? — k’alta šin*
 что COP=N кувшин кувшин вода
d=iq-u-se se.k’al sa=b=i
 NPL-носить:IPF-PRS-ATR что-то COP-N
 ‘Что такое *k’valmla?* — *k’valmla* — это то, в чем носят воду’.
- (20) [*hiž mašina*] [*di-la*] *sa=b*
 этот машина я-GEN COP-N
 ‘Эта машина моя’.

В таких предложениях связка и семантически, и синтаксически двухвалентна. Ее первый аргумент — абсолютная ИГ, как правило, обладающая свойствами топика, а позицию второго аргумента может занимать практически любая группа (возглавляемая существительным в абсолютиве, генитиве или одним из несинтаксических падежей; полным прилагательным; числительным; наречием).

Гипотеза обратного контроля дает практически идентичную структуру для глагольных предложений: единственное отличие глагольных предложений от именных заключается в том, что первым аргументом связки оказывается нулевая ИГ:

- (21) а. Именные предложения: NP_{ABS} XP COP
 б. Глагольные предложения: Ø_{ABS} VP_(non-finite) COP

Таким образом, гипотеза обратного контроля позволяет объединить описания глагольных и именных клауз.

5.2. Обратный контроль и экзистенциальные связки

Гипотеза обратного контроля позволяет также объединить описания конструкций с идентифицирующими и экзистенциальными связками. Экзистенциальные связки типичны для именных

предложений, утверждающих существование какого-либо объекта (возможно, в определенном месте, в определенных обстоятельствах, в чьей-либо собственности и т. д.).

(22) *allah č'e=w*
 Аллах EXST-M
 'Аллах есть' (наверху).

(23) *di-la mašina le=b*
 я-GEN машина EXST-N
 'У меня есть машина' (неизвестно/неважно где).

Экзистенциальные связки (по крайней мере в именных предложениях) одновалентны: их единственная валентность — на именную группу в абсолютиве, существование которой утверждается.

В отличие от ряда других диалектов, в тантынском экзистенциальные связки употребляются и в глагольных конструкциях. При этом они могут занимать ту же линейную позицию, что и идентифицирующая связка:

(24) а. *uci-li sun-na telefon dam*
 брат-ERG сам-GEN телефон я:DAT
b=at-ur-le sa=j
 N-оставить:PF-PRET-CONV COP-M
 'Брат оставил мне свой телефон'.

б. *uci-li sun-na telefon dam*
 брат-ERG сам-GEN телефон я:DAT
b=at-ur-le le=b
 N-оставить:PF-PRET-CONV EXST-N
 'Брат оставил мне свой телефон' (и поэтому у меня сейчас есть телефон).

В именных предложениях и непереходных глагольных конструкциях все связки, включая экзистенциальные, согласуются по абсолютиву:

(25) *mašina b=al-ʔa^ʃ-b=irk-u-le*
 машина N-работать-NEG-N-оказаться:IPF-PRS-CONV
le=b-de, ʔa^ʃr.ʔa^ʃr-d=ik'-u-le
 EXST-N-PST кричать-NPL-говорить:IPF-PRS-CONV

q:ač-ne-ra le = te
 теленок-PL-ADD EXST-NPL+PST
 ‘Сепаратор не работал, телята кричали’.

При использовании экзистенциальных связок в предложениях с переходными глаголами также возможен контроль классного согласования со стороны обоих ядерных аргументов — эргатива и абсолютива (26a–b), однако в этом случае гораздо более частотен абсолютивный контроль.

(26) a. — *čina = d-a že-la q'aʎl-e?*
 где-NPL-Q вы-GEN корова-PL
 — *di-la q'aʎl-e pat'imat-li ic-u-le te = d*
 я-GEN корова-PL Патимат-ERG доить:IPF-PRS-CONV EXST-NPL
 ‘Где ваши коровы? — Моих коров доит Патимат’ (связка согласуется по абсолютивной ИГ ‘коровы’).

b. — *čina = r-a pat'imat?*
 где-F-Q Патимат
 — *pat'imat-li di-la q'aʎle ic-u-le*
 Патимат-ERG я-GEN корова-PL доить:IPF-PRS-CONV
te = r
 EXST-F
 ‘Где Патимат? — Патимат доит моих коров’ (связка согласуется по эргативной ИГ ‘Патимат’).

В относительных придаточных правила согласования экзистенциальных связок такие же, как и идентифицирующих: при непереходных глаголах и в именных предложениях согласование идет по абсолютивной группе, а при переходных глаголах — либо по вершине, либо как в независимом предложении:

(27) *du žeʎr.irχ-u-le le = w-se / *le = b-se qali*
 я жить:IPF-PRS-CONV EXST-M-ATR EXST-N-ATR дом
 ‘дом, в котором я живу’

(28) *q'aʎle les:e / *le = b-se quli = d*
 корова-PL EXST+NPL+ATR EXST-N-ATR дом:OBL-NPL(ESS)
nig d = irχ-ar
 молоко NPL-становиться:NPL-TH
 ‘В доме, где есть коровы, молоко (всегда) бывает’.

- (29) *di-la xunul-li b = uč'-aq-un-ne*
 я-GEN жена-ERG HPL-читать:IPF-CAUS-PRS-CONV
le = b-se / le = r-se gule
 EXST-HPL-ATR EXST-F-ATR ребенок:PL
 'дети, которых учит моя жена'
- (30) *di-la gule b = uč'-aq-un-ne*
 я-GEN дети HPL-читать:IPF-CAUS-PRS-CONV
le = w-se / le = b-se učit'il
 EXST-M-ATR EXST-HPL-ATR учитель
 'учитель, который учит моих детей'

Поскольку переходные конструкции с экзистенциальными связками гораздо менее частотны, чем с идентифицирующими, точные правила контроля для них нам пока установить не удалось. Очевидно, однако, что наиболее простым решением здесь также будет постулирование структуры с обратным контролем. Правда, остаются по крайней мере два вопроса, точный ответ на которые нам пока неизвестен: (i) как следует интерпретировать нуль в верхней клаузе и совпадает ли его интерпретация с интерпретацией нуля при идентифицирующих связках (см. след. раздел); (ii) какую синтаксическую позицию занимает при экзистенциальных связках составляющая, возглавляемая нефинитной формой глагол. Если при идентифицирующих связках эта составляющая, очевидно, занимала место второго аргумента связки (см. (21)), то экзистенциальные связки в именных предложениях одновалентны. Следовательно, либо глагольная составляющая занимает место адьюнкта, либо в глагольных предложениях мы имеем дело с другим — двухвалентным — синтаксическим вариантом экзистенциальной связки.

6. Проблема непереходных клауз

Во всех конструкциях, в частности, во всех конструкциях, описанных в разделе 4, связка в непереходных предложениях контролируется абсолютивной ИГ. Тем самым даже при принятии гипотезы обратного контроля непереходные конструкции могут получить две различные интерпретации, изображенные в (31') для предложения (31).

- (31) *jura rurs-b-a-c:ele uc:-u-le sa=j*
 Юра девочка-PL-OBL-COM работать:IPF-PRS-CONV COP-M
 ‘Юра работает с девочками’.

(31') a. [\emptyset_i [*jura_i rursbac:ele uc:ule*] *sa=j*]

b. [*jura* [*rursbac:ele uc:ule*] *sa=j*]

В первом случае мы, как и в конструкциях с переходным глаголом, постулируем ноль в верхней клаузе, который в данном случае всегда кореферентен абсолютиву вложенной клаузы. Второй вариант описания проводит аналогию между непереходными глагольными и именными предложениями. В непереходных глагольных конструкциях, как и в клаузах с именным предикатом, абсолютивная ИГ непосредственно управляется связкой. На материале, рассмотренном выше, сделать выбор между вариантами (a) и (b), по-видимому, нельзя. Однако если привлечь некоторые дополнительные данные, то можно показать, что конструкции вида (31'b) по крайней мере возможны.

Рассмотрим некоторые валентностные свойства переходных глаголов в тантынском. Переходные глаголы могут употребляться в эргативной, а в несовершенном виде — также в антипассивной конструкции, как в примерах (32a–b).

(32) a. Эргативная конструкция:

pat'imat-li d=ik:a.d=ik:ar-se daluj-te d=uc'-a
 Патимат-ERG NPL-разный-ATR песня-PL NPL-читать:IPF-TH

b. Антипассивная конструкция:

pat'imat d=ik:a.d=ik:ar-se daluj-t-a-li
 Патимат(ABS) NPL-разный-ATR песня-PL-OBL-ERG
r=uc'-a
 F-читать:IPF-TH
 (a = b) ‘Патимат поет разные песни’.

В эргативной конструкции А-аргумент оформляется эргативом, а О-аргумент — абсолютивом. Оба эти актанта в эргативной конструкции являются ядерными, то есть обладают хотя бы некоторыми свойствами подлежащего (например, могут контролировать личное согласование, классное согласование связки; контролируют рефлексивные местоимения и др.). В антипассивной

конструкции ядерные актанты как бы меняются падежами: А-аргумент оформляется абсолютивом, а О-аргумент — эргативом, однако в этом случае конструкция по своим свойствам ближе к непереходной, а подлежащими свойствами обладает только А-аргумент в абсолютиве.

При абсолютной правильности антипассивной конструкции непереходная конструкция, отличающаяся от антипассивной только отсутствием О-аргумента (то есть с одним ядерным аргументом — агенсом в абсолютиве), оказывается неграмматичной:

- (32) c. **pat'imat* $r = u\check{s}'-a$
 Патимат(ABS) F-читать:IPF-TH
 (подразумеваемый перевод) 'Патимат читает'.

Неправильность предложений, подобных (32c), очевидно, объясняется валентностными свойствами переходных глаголов: они имеют обязательную валентность на О-аргумент, которая при заполненной валентности на А-аргумент не может опускаться.

Однако стоит в предложении появиться связке, как конструкции, аналогичные (32c), становятся возможными:

- (32) d. *pat'imat* $[r = u\check{s}'-un-ne]$ $sa = r$
 Патимат(ABS) F-читать:IPF-PRS-CONV COP=F
 'Патимат читает'.

Видимо, абсолютивом в предложениях типа (32d) управляет именно связка, а это значит, что связочные конструкции с непереходными глаголами по крайней мере в части случаев имеют структуру, подобную (31'b) и аналогичную структуре именных предложений (как это показано и в примере (32d)).

7. Попытка интерпретации нулевой ИГ

Напомним, что в независимых переходных клаузах нашему абсолютивному нулю — контролеру согласования — могут быть кореферентны ядерные эргативные и абсолютивные именные группы. Мы обнаружили, что выбор контролера согласования зависит от топикальности абсолютивной группы, которая может претендовать на роль контролера согласования только в том случае, когда она обладает этим свойством в высокой степени. Следовательно, можно предположить, что на роль контролера

выбирается более топикальная именная группа из числа ядерных актантов. Однако эта формулировка неточна хотя бы потому, что эргативная ИГ может контролировать класс связки и не будучи топиком предложения. Другой существенный аргумент против приписывания контролеру связочного согласования требования топикальности — согласование в предложениях с аргументным фокусом.

Если класс связки контролирует более топикальный из ядерных аргументов, то логично ожидать, что фокусированный аргумент его контролировать не будет. В тантынском, как и в других даргинских диалектах, есть синтаксическая конструкция, в которой фокусная группа (аргументный, или узкий, фокус) маркируется специальным образом. В этой конструкции связка ставится после фокусной группы, а лексический глагол принимает причастную форму (пример (33)).

Выясняется, что наши ожидания по поводу контроля связки ошибочны: эргативная или абсолютивная фокусная ИГ вполне может быть контролером класса связки⁹:

(33) a. *pat'imat-li sa=r / sa=d hitu=d q'a'l-e*
 Патимат-ERG COP-F COP-NPL там-NPL корова-PL

ic:ib-se

дойть:IPF-PRET-ATR

‘Это Патимат доила там коров’.

b. *pat'imat-li hitu=d q'a'l-e sa=r / sa=d*
 Патимат-ERG там-NPL корова-PL COP-F COP-NPL

ic:ib-se

дойть:IPF-PRET-ATR

‘Это коров там доила Патимат’.

c. *pat'imat-li hitu=d sa=r / sa=d*
 Патимат-ERG там-NPL COP-F COP-NPL

niša-la q'a'l-e ic:ib-se

мы:OBL-GEN корова-PL доить:IPF-PRET-ATR

‘Это там Патимат доила наших коров’.

⁹ Синтаксически оформленная конструкция с аргументным фокусом достаточно редка, а наш корпус текстов невелик, поэтому в этом разделе нам придется пользоваться только примерами, полученными путем элицитации.

Точные правила выбора того или иного способа согласования связок в предложениях с аргументным фокусом нам пока сформулировать не удалось. Однако очевидно, что контролер может совпадать и с фокусом, и с топиком предложения, но может и не совпадать ни с одним из них.

В относительных конструкциях, как показано в 4.3, ноль кореферентен вершине относительной конструкции, которая может не быть кореферентной ни одному из ядерных актантов относительного предложения.

Итак, мы обнаружили, что в конструкциях с переходными глаголами контролером нуля могут быть разные именные группы:

Нулевая ИГ:

в независимых предложениях по умолчанию эргативная (нейтральной коммуникативной ИГ// топикальная абсолютивная ИГ структуры):

в предложениях с синтаксически эргативная или абсолютивная оформленным аргументным ИГ (независимо от выбора фокусом):

в относительных предложениях: вершина ИГ

Если все же пытаться построить какую-то семантическую или прагматическую интерпретацию нулевой ИГ в изолированном предложении, то на данный момент, к сожалению, наиболее близкой к истине будет весьма расплывчатая формулировка, утверждающая, что контролером согласования связки является ИГ, референтом которой является наиболее важный для говорящего участник дискурса. Можно считать, что этот аргумент обладает по крайней мере одним свойством подлежащего. Поскольку подлежащие свойства в даргинском распределены между А- и О-аргументами, еще один признак, распределенный аналогичным образом, является вполне типичным для даргинского. Однако не хочется приписывать подлежащие свойства тому аргументу, которому кореферентен ноль в относительном предложении, так как этот аргумент может не относиться к числу ядерных.

Если обратиться к текстам, то становится видно, что в большинстве случаев связка контролируется тем аргументом, который является темой — но не отдельного предложения, а целого эпизода

или рассказа. Рассмотрим, например, фрагмент записанного нами в селении Танты устного текста (рассказчик — Али Курбанов, 1961 г. р.). Приводим начало рассказа в переводе:

Три человека отправились в хадж, два муллы и один вор. Шли-шли, дошли до одного селения, стемнело. Не знали, где переночевать. Два муллы и раньше ходили в хадж, <в селении> они отделились и пошли к своим знакомым, богатым людям.

Примеры (34)–(38) содержат продолжение рассказа.

- (34) *dawla.če = b-t-a-li qulki q'abul-ʔaʔrq-ib-le*
 богач-N-PL-OBL-ERG вор прием.NEG+делать:PF-PRET-CONV
sa=j hiž miskin-se sa=j ible
 COP-M этот бедный-ATR COP-M CIT
 'Вора богачи не приняли, потому что он был бедный'.
- (35) *mičla-ak; -ar-w = arq'-ib-le*
 признание-NEG.COP-PRS-M-делать:PF-PRET-CONV
hela-w = at-ur-le sa=j čina q'-aʔn-senne
 PV-M-оставить:PF-PRET-CONV COP-M куда идти:IPF-POT-ATR.IQ
ʔaʔ-b = alχ-un-ne hil qulki-ž
 NEG-N-знать:IPF-PRS-CONV этот вор-DAT
 'Его (муллы) отделили от себя, он не знал, куда идти'.
- (36) *hil qulki-li ca qali b = arč-ib-le sa=j*
 этот вор-ERG один дом N-найти:PF-PRET-CONV COP-M
lajq'-b = iž-ib-se
 должный-N-быть.полезным:IPF-PRET-ATR
 'Этот вор нашел один подходящий дом'.
- (37) *hil qulki uʔhna.ħerχ-ur-le sa=j*
 этот вор войти:PF-PRET-CONV COP-M
ħe.r.urk'-ar — hiltu xura.kajχ-ub-le
 смотреть:IPF-TH там остаться:PF-PRET-CONV
 'Вор зашел в этот дом, посмотрел и остался там'.
- (38) *ca xunul r = arč-ib-le sa=j hiltu = r*
 один женщина F-найти:PF-PRET-CONV COP-M там-F(ESS)
 'Там он нашел одну женщину'.

Референт именной группы *qulki* 'вор' — главный герой повествования и топик большинства предложений — в част-

ности, предложений (34)–(38). Во всех этих предложениях связка согласуется по именной группе, относящейся к данному референту. При этом в предложениях (34) и (35) данный участник является пациентом при переходном глаголе (соответствующая именная группа стоит в абсолютиве, класс связки контролируется абсолютивом), в предложениях (36) и (38) — это агенс переходного глагола (класс связки контролируется эргативом), а в предложении (37) — агенс (абсолютив) непереходного глагола.

Трактовка нуля как темы эпизода в определенной степени объясняет возможность его совпадения с фокусом предложения: для отдельного предложения тема эпизода вполне может оказаться фокусом. В определенной степени этот подход объясняет и свойства относительных придаточных: если и можно говорить о теме относительного предложения, то такой темой должна являться его вершина.

Если постулировать, что наш ноль — это тема эпизода, то отношение между нулем и аргументами вложенной клаузы можно считать чисто прагматическим: референт нулевой ИГ — это тот объект, о котором идет рассказ, часть которого составляет текущее предложение; это, таким образом, скорее логический субъект, чем подлежащее. Такой ноль не контролируется никакой ИГ в составе вложенной клаузы, что означает, что у нас нет никакого контроля — ни обратного, ни прямого. Однако, как мы знаем, во всех рассмотренных конструкциях есть вполне формальные ограничения на то, какая группа может быть кореферентна этому нулю, что означает, что между нулем и именными группами вложенной клаузы все же имеются и собственно синтаксические отношения.

Список условных сокращений

1, 2 — первое/второе лицо; 1/2PL — классный показатель 1 и 2 лица множественного числа; APUD — локализация ‘около’; ATR — атрибутивная форма; CAUS — каузатив; CIT — цитатив; COM — комитатив; CONV — деепричастие; COP — (идентифицирующая) связка; DAT — датив; DOWN — преверб/суффикс ‘вниз/внизу’; EL — элатив; ERG — эргатив; ESS — эссив; EXST — экзистенциальная связка; F — женский класс; GEN — генитив; HPL — личный множественный класс; ILL — иллатив; IN — локализация ‘внутри’; IPF — имперфектив; IQ — косвенный вопрос; M — мужской класс;

N — неличный класс; NEG — отрицание; NEG.COP — отрицательная связка; NPL — неличный множественный класс; OBL — косвенная основа; PF — перфектив; PL — множественное число; POT — потенциалис; PRET — претерит; PRG — прогрессив; PRS — презенс; PV — преверб; Q — вопросительная частица; SUPER — локализация 'на'; TH — тематический элемент (в составе глагольной основы).

Литература

- Алексеев М. Е.* Лезгинские языки // Языки мира. Кавказские языки. М., 2001.
- Магомедов А. А.* Кубачинский язык. Тбилиси, 1963.
- Магомедов А. А.* Субъектно-объектное согласование глагола в лакском и даргинском языках. Ежегодник иберийско-кавказского языкознания III. Тбилиси, 1976.
- Магомедов А. А.* Мегебский диалект даргинского языка. Тбилиси, 1982.
- Сердобольская Н. В.* Прозрачное согласование в кункинском и хуцуком языках. Наст. сб.
- Daniel M. A., Lander Yu. A.* The girl that is said, the meat that has been slaughtered, and the life that will be longed. On peculiar cases of relativization in East Caucasian. Paper presented at the Syntax of the World's Languages IV, Lyon, September 23–26, 2010.
- Polinsky M., Potsdam E.* Backward Control. *Linguistic Inquiry* 33 (2), 2002.
- Serdobol'skaya N. V.* Towards the typology of raising: a functional approach // Epps P., Arkhipov A. (eds.). *New Challenges in Typology*. Vol. 2. Berlin, 2009.
- Sumbatova N. R., Mutalov R. O.* A Grammar of Icar Dargwa. (Languages of the Worlds/Materials 92.) München, 2003.
- van den Berg H.* Dargi Folktales. Oral Stories from the Caucasus and an Introduction to Dargi Grammar. Leiden, 2001.

Сведения об авторах

Антонов Егор Сергеевич — студент отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета elderose@neronis.ru

Аркадьев Петр Михайлович — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник и секретарь Отдела типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН, Москва peterarkadiev@yandex.ru

Бирюк Ольга Леонидовна — аспирантка отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета rongard@yandex.ru

Боряева Лариса Михайловна — аспирантка филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета boryaeva@yandex.ru

Вилинбахова Елена Леонидовна — аспирантка кафедры общего языкознания филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета elrun1@yahoo.com

Выдрин Арсений Павлович — младший научный сотрудник Лаборатории типологического изучения языков Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург senjacom@gmail.com

Гарейшина Анастасия Ринатовна — студентка отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета a.r.gare@gmail.com

Герасимов Дмитрий Валентинович — младший научный сотрудник Лаборатории типологического изучения языков Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург dm.gerasimov@gmail.com

Додина Мария Александровна — выпускница учебно-научного центра лингвистической типологии Российского государственного гуманитарного университета, Москва dodinna@mail.ru

Ершова Ксения Алексеевна — студентка отделения теоретической и прикладной лингвистики Российского государственного гуманитарного университета, Москва ksenia.ershova@gmail.com

Зевахина Наталья Александровна — аспирантка отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета znatascha87@rambler.ru

Кашкин Егор Владимирович — аспирант отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета egorkashkin@rambler.ru

Кебец Павел Леонидович — студент отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета wodnik@list.ru

Князев Михаил Юрьевич — аспирант Утрехтского института лингвистики, Нидерланды (Utrecht Institute of Linguistics OTS) misha.knjazev@gmail.com

Копчевская-Тамм Мария — Ph. D., профессор Института лингвистики Стокгольмского университета, Швеция (Institutionen för lingvistik Stockholms universitet) tamm@ling.su.se

Кузнецова Ольга Васильевна — аспирантка Лаборатории типологического изучения языков Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург siilille@yandex.ru

Кюсева Мария Викторовна — студентка отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета vampirenok199@mail.ru

Ладыгина Алина Алексеевна — студентка отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета aladygina@yahoo.com

Летучий Александр Борисович — кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела корпусной лингвистики и линг-

вистической поэтики Института русского языка РАН, Москва
alexander_letuchiy@hotmail.com

Литуновская Ольга Андреевна — магистрант Учебно-научного центра лингвистической типологии Российского государственного гуманитарного университета, Москва leika1@rambler.ru

Макарецов Максим Максимович — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Отдела типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН, ученый секретарь Центра лингвокультурных исследований BALCANICA, Москва makarcev@bk.ru

Митева Полина Степановна — студентка отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета polja.miteva@gmail.com

Мищенко Дарья Федоровна — студентка отделения теоретического и экспериментального языкознания филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета zenitchiki@yandex.ru

Муравьев Никита Алексеевич — студент отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета nikita.muraviev@gmail.com

Павлова Елизавета Кирилловна — студентка отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета eliz.pavlova@yandex.ru

Привознов Дмитрий Константинович — студент отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета tirtumitya@mail.ru

Прохоров Кирилл Николаевич — аспирант отдела этнографии народов Африки Музея антропологии и этнографии РАН, Санкт-Петербург bolshoypro@gmail.com

Рожанский Федор Иванович — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела африканских языков Института языкознания РАН, Москва hippocampus@mtu-net.ru

Рыжова Дарья Александровна — студентка отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета daska1990R@yandex.ru

Сергеева Екатерина Николаевна — студентка отделения речевой коммуникации филологического факультета Пермского государственного университета atyaserg@gmail.com

Сердобольская Наталья Вадимовна — кандидат филологических наук, доцент учебно-научного центра лингвистической типологии Российского государственного гуманитарного университета, Москва serdobolskaya@gmail.com

Стенин Иван Андреевич — студент отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета ystein88@gmail.com

Сумбатова Нина Романовна — кандидат филологических наук, доцент учебно-научного центра лингвистической типологии Российского государственного гуманитарного университета, Москва nina.sumbatova@gmail.com

Тагабилева Мария Геннатовна — студентка отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета geratagabileva@gmail.com

Усачева Мария Николаевна — аспирантка отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета masha-stroeva@yandex.ru

Холкина Лилия Сергеевна — ассистент российско-китайского учебно-научного центра «Институт Конфуция» Российского государственного гуманитарного университета, Москва kholkina@gmail.com

Шанявская Наталья Евгеньевна — аспирантка отделения русского языка и литературы филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета shan_natali@mail.ru

Шапиро Мария Михайловна — студентка отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета kiireita@gmail.com

Шматова Мария Сергеевна — студентка отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета mashashma@gmail.com

Аннотации и ключевые слова

Часть I. Доклады

П. М. Аркадьев. Зачем языку больше одного эргативного показателя?

Сосуществование в падежной системе двух или более распределенных не(мор)фонологически показателей эргатива — сравнительно редкое явление в языках мира. Значительная часть таких случаев связана с противопоставлением лексико-семантических классов имен: одушевленных vs. неодушевленных или личных vs. неличных. Оппозиция разных эргативных показателей также может быть связана с выражением грамматических значений или быть обусловленной дискурсивными факторами.

Ключевые слова: типологические раритеты, падежное маркирование, эргатив, одушевленность

О. Л. Бирюк, М. Н. Усачева. Способы распространения простого предложения в истории русского языка (к вопросу о формировании валентной структуры глагольных предикатов)

В данной работе рассматривается синонимия трех средств выражения базовых значений зоны пролатива (МАРШРУТА, СЦЕНЫ и ПРОХОДА) в языке бесермян — показателя пролатива, основы послелога *pər* и послелога *rər* в форме пролатива. Делается несколько замечаний о языковых процессах, являющихся причиной возникновения такой ситуации. Рассматриваются дискурсивные факторы, влияющие на выбор одного из средств выражения пролативных значений. Делается попытка объяснить принципиальную возможность сосуществования трех синонимичных форм путем представления их морфосинтаксической структуры. Высказывается предположение о связи дистрибутивного значения пролатива со значением ТОЧКА ПРИЛОЖЕНИЯ.

Ключевые слова: бесермянский язык, пролатив, проекция, пространственная семантика

Л. М. Боряева. Способы распространения простого предложения в истории русского языка (к вопросу о формировании валентной структуры глагольных предикатов)

Доклад посвящен рассмотрению перераспределения синтаксических связей второстепенных членов предложения в связи со становлением вербоцентрической модели простого предложения в истории русского языка. В докладе анализируются особенности функционирования второстепенных членов в условиях нелинейной, поливершинной, паратактической структуры предложения на материале летописей и берестяных грамот.

Ключевые слова: простое предложение, паратаксис, гипотаксис, двойные синтаксические зависимости, синтаксические валентности, семантические валентности, расщепление валентностей, повтор предлога

Е. Л. Вилинбахова. К вопросу о тавтологической конструкции вида *кошачья кошка* в интернет-источниках (на материале русского языка)

Настоящая работа посвящена тавтологической конструкции вида *кошачья кошка* в интернет-источниках на материале русского языка. При внешнем сходстве с фразеологизмами вида *диво дивное*, данная конструкция имеет ряд отличий: 1) неограниченный список лексем, используемых в данной конструкции; 2) сочетаемость с модификаторами, выражающими степень качества *очень, вполне, достаточно*, и с отрицательной частицей *не*, а также с усилителями *такой, совсем, прям*; 3) возможность употребления прилагательных в сравнительной и превосходной степени. Рассматриваются формальные и семантические особенности конструкции, а также приводится ее сопоставление со сходными явлениями в английском языке.

Ключевые слова: тавтологические конструкции, языковая норма, интернет, русский язык

А. П. Выдрин. Контрафактив в иранских языках

Под контрафактивом понимается специальный показатель, сфера употребления которого связана, прежде всего, с выражением значения противоречия реальному положению дел. В типологической литературе считается, что для языков мира нетипичен специализированный контрафактический показатель. В связи с этим заслуживает рассмотрения материал иранских языков, в не-

которых из которых обнаруживаются специализированные показатели для выражения контрафактического значения. Наибольшее внимание в работе уделяется происхождению таких показателей в иранских языках, которое в одних языках связано с влиянием тюркских языков, а в других — с влиянием индоарийских языков. Освященные в работе данные иранских, тюркских и индоарийских языков ставят под сомнение высказывавшийся ранее тезис о нетипичности для языков мира специализированного контрафактического показателя.

Ключевые слова: иранские языки, модальность, ирреалис, ареальная типология

А. Р. Гарейшина. Комбинаторно-гнездовой метод в полевых синтаксических исследованиях (на материале осетинского языка)

Порядок слов в т. н. «языках со свободным порядком слов» вовсе не произволен, а определен целым комплексом факторов — синтаксических, семантических, дискурсивных. К тому же могут быть допустимы хотя и большинство, но все же не все теоретически возможные порядки слов. Поэтому в первую очередь необходимо исследовать именно различные комбинации порядка слов в предложении. Было проведено одно из таких исследований — исследование взаимного расположения главной и зависимой клауз в полипредикативной конструкции с подчинением в осетинском языке. Далее подробнее рассматривается основанный на комбинаторном исчислении квадратно-гнездовой метод, с помощью которого можно формализовать похожие исследования.

Ключевые слова: осетинский язык, полевая лингвистика, порядок слов, подчинение, сложное предложение

Д. В. Герасимов. Дело об универсальной иерархии функциональных вершин: гуарани против Чинкве

В [Cinque 1999] постулируется наличие на левой периферии синтаксической структуры клаузы большого числа функциональных проекций, порядок которых универсален для всех языков мира. Данная теория в частности предсказывает строгие ограничения на возможный порядок видо-временных показателей в естественном языке. Нами была построена порядковая модель глагола парагвайского гуарани, которая в ряде отношений нарушает иерархию Чинкве. В работе обсуждаются

различные способы модификации теории Чинкве в свете данных гуарани.

Ключевые слова: парагвайский гуарани, порядок аффиксов, левая периферия, иерархия Чинкве, типология видо-временных категорий, наносинтаксис

М. А. Додина. Выражение таксиса в обстоятельственных придаточных корейского языка

Для изучения синтаксиса корейского языка особый интерес представляет устройство обстоятельственных придаточных. Настоящая работа посвящена категории таксиса и способам ее выражения обстоятельственных придаточных предложениях корейского языка. Корейские обстоятельственные конструкции можно разделить на временные конструкции с таксисной соотнесенностью, в которых существует указание на временную соотнесенность главного и придаточного предложений (предшествование, следование или одновременность) и временные конструкции без таксисной соотнесенности [Sohn 1995]. Так как конструкции с таксисной соотнесенностью уже имеют таксисное значение (иногда с некоторыми добавочными компонентами значения), обычно именно в этих конструкциях недопустим временной показатель в придаточном предложении. Конструкции без таксисной соотнесенности допускают показатель прошедшего времени в придаточном предложении.

Ключевые слова: корейский язык, обстоятельственное придаточное, прошедшее время, таксис, временная соотнесенность

К. А. Ершова. Союзные формы глаголов в адыгейском языке: сочинение или подчинение?

Работа посвящена особому типу соединения нескольких клауз в адыгейском языке: конструкциям с так называемыми союзными формами глаголов. Синтаксические, семантические и морфологические свойства данных конструкций рассматриваются с точки зрения критериев сочинения и подчинения. Делается вывод о том, что эти конструкции демонстрируют одновременно и сочинительные, и подчинительные свойства.

Ключевые слова: адыгейский язык, сочинение, подчинение, поли-предикация

Н. А. Зевахина. Непропозициональное содержание высказывания: экскламативы, эвиденциалы

В данной работе на основании ряда эмпирических данных разных языков предлагается единый семантико-прагматический анализ для значений экскламативных и эвиденциальных показателей как компонентов непропозиционального содержания высказывания.

Ключевые слова: экскламативы, эвиденциалы, непропозициональное содержание высказывания, пресуппозиция

Е. В. Кашкин, Е. К. Павлова. Семантика глаголов звука в коми-зырянском и хантыйском языках

Данная работа посвящена типологическому исследованию глаголов звука в тегинском говоре хантыйского языка и в мужевском говоре коми-зырянского языка. Исследование проведено с помощью анкеты, состоящей из списка ситуаций, в которых вероятно появление звука. Выявляются семантические параметры, обуславливающие выбор глаголов для описания различных групп ситуаций. Сравниваются системы глаголов звука в двух исследуемых языках.

Ключевые слова: хантыйский язык, коми-зырянский язык, семантика, лексическая типология, глаголы звука

П. Л. Кебец. Маркеры перехода хода в дискурсе русского жестового языка

Настоящая работа посвящена изучению диалога в русском жестовом языке. В ходе исследования сделана попытка изучить маркеры, сопровождающие переход хода (turn-taking) в бытовом диалоге. Работа опирается на исследование [Baker 1977], проведенное на материале американского жестового языка. Задачей исследования является определить, какие маркеры перехода хода присутствуют в дискурсе русского жестового языка, а также какое место они занимают в механизме перехода хода.

Ключевые слова: русский жестовый язык, переход хода, маркер перехода хода, диалог

М. Ю. Князев. Нулевые детерминативы в номинализованных придаточных и принципы экономии

Целью данной работы является объяснение того факта, что русские придаточные с союзом *что* могут «дублироваться» указа-

тельным местоимением, если оно стоит в косвенном падеже, но не могут, если оно стоит в accusative, исключая случаи, когда на него падает фокусное ударение. Я делаю допущение, которое уже делалось до меня, что придаточные возглавляются непроезносимым детерминативом, который в определенных контекстах «блокирует» употребление выраженного детерминатива, будучи более экономным вариантом в смысле Минималистского подхода. В контекстах, в которых «блокирования» не происходит, употребление непроезносимого детерминатива запрещено по независимым причинам (тем самым отсутствует база для сравнения двух рассматриваемых вариантов). Точнее, я предполагаю, что у непроезносимого детерминатива в русском языке отсутствуют согласовательные (и, возможно, некоторые другие) признаки, необходимые для сходимости деривации.

Ключевые слова: русский язык, синтаксис, номинализованные придаточные, непроезносимые детерминативы, согласовательные признаки, экономия, падеж

О. В. Кузнецова. Перехода постглагольного местоимения в языке гуру в тональную морфему

Настоящая работа представляет собой описание тональной морфологии глагола в языке гуру (южные манде) с учетом поведения несубъектного местоимения 3SG. Последнее занимает особое место в системе местоимений гуру: ему более других свойственно вступать в контракции с другими местоимениями и грамматическими показателями, причем контракции эти не подчиняются регулярным фонетическим правилам редукции, действующим в языке. В (постглагольной) позиции косвенного дополнения несубъектное местоимение 3SG может сокращаться, изменяя при этом тон глагола (в глагольной системе гуру ряд грамматических значений выражается меной тона). Таким образом, происходит переход сегментного местоимения в тональную морфему.

Ключевые слова: язык гуру, глагольная морфология, тональная морфология, морфонология,

М.В. Кюсева, Д. А. Рыжова. Признаковая лексика: прилагательные ‘острый’ и ‘тупой’ в типологической перспективе.

Целью данного исследования является сравнительное изучение функциональных прилагательных ‘острый’ и ‘тупой’ в типоло-

гическом освещении как часть более широкого вопроса сходства и различия семантических сетей (т.е. наборов значений с указанием семантических переходов между ними) прилагательных одной функциональной области, а также сохранения этих закономерностей на кросслингвистическом уровне. В рамках данной работы был проведен анализ прилагательных с соответствующими значениями в ряде языков различных групп и семей с использованием метода анкетирования, корпусных данных и данных толковых словарей. Результатами работы являются: а) выявление типологически релевантных параметров, играющих определяющую роль в языках, в которых каждый из концептов 'острый' и 'тупой' может выражаться более чем одним прилагательным, а также влияющих на образование переносных значений; б) составление семантической карты, учитывающей переносные значения рассматриваемых признаков лексем.

Ключевые слова: семантика, лексическая типология, признаковая лексика, семантические карты

А. А. Ладыгина. Категоризация температуры в тегинском говоре хантыйского языка

Данная работа посвящена изучению температурных прилагательных тегинского говора хантыйского языка. Материал был собран методом анкетирования в ходе лингвистической экспедиции в с. Теги, ХМАО. В ходе исследования были выделены семантические параметры, от которых зависит выбор прилагательного. Во-первых, это тип объекта. Во-вторых, специфическим критерием для хантыйского языка является характеристика объекта — способность согреть человека. В результате было построено типологически ориентированное описание хантыйских температурных прилагательных.

Ключевые слова: хантыйский язык, семантика, лексическая типология, температурные прилагательные, признаковая лексика

А. Б. Летучий. Три случая промежуточной переходности глаголов в русском языке и типология переходности

В данной работе рассматривается ряд случаев варьирования переходности и сниженной синтаксической переходности в русском языке: употребление анафорического наречия *так* при глаголах речи, наречий при глаголах типа *стоит*, *весит*, управление партитивных глаголов типа *хлебнуть* винительным

падежом группы с квантификаторами. Все эти примеры объединены тем, что переходность глагола в данных случаях тесно связана с формальными (морфосинтаксическими) характеристиками зависимой группы. Мы делаем вывод, что низкая семантическая транзитивность может, не делая глагол непереходным, снижать класс его возможных прямых объектов.

Ключевые слова: семантическая транзитивность, переходность, пассивизация, наречие, квантификаторы

О. А. Литуновская. Структурные ограничения на эллипсис вершины в русском и чешском языках.

Настоящая работа посвящена выявлению и уточнению правил эллипсиса вершин в сочинительных конструкциях в русском и чешском языках. Рассматриваются прежде всего структурные ограничения на эллипсис, то есть такие, которые определяются структурной позицией элементов и не могут быть объяснены дискурсивно-прагматическими факторами. Подробно обсуждаются три грамматических запрета, предложенные в [Казенин 2007]. В частности, продемонстрирована неадекватность одного из них. В работе также сформулированы некоторые существенные различия между правилами эллипсиса в двух рассматриваемых языках.

Ключевые слова: русский язык, синтаксис, сочинение, чешский язык, эллипсис.

М. М. Макарецв. Эвиденциальность в болгарском языке: проблема типологической классификации

Сложность болгарской эвиденциальной системы и ее связанность с другими смежными категориями (эпистемическая модальность, (ад)миративность) с давнего времени представляют проблему для лингвистической болгаристики. Типологические исследования, в которых на первое место ставятся универсальные основания для сравнения, при использовании результатов описания, предлагаемого лингвистической болгарistikой, могут приводить к разным выводам. Настоящая работа представляет собой очерк болгарской эвиденциальной системы, удобный для использования в типологической классификации.

Ключевые слова: болгарский язык, эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность, лингвистическая типология

П. С. Митева, Е. С. Антонов. Характеристика события и участников события в тегинском говоре хантыйского языка.

В работе рассматриваются способы выражения характеристики события и участников события в тегинском говоре хантыйского языка. Наиболее распространенный способ выражения характеристики как событий, так и участников — единая адвербиальная конструкция, которая маркируется наречными и деепричастными показателями. Вторичная предикация занимает второстепенное место в грамматике тегинского говора: к показателям, используемым для ее выражения, можно отнести нулевой показатель у прилагательных, характеризующих участников ситуации (допускается большинством носителей только для небольшой группы слов), и показатель локатива, скорее всего являющийся калькой русского творительного падежа.

Ключевые слова: вторичная предикация, адвербиальная конструкция, событие, участники события.

Д. С. Мищенко. Неканоническое маркирование актантов двухместных предикатов в ингерманландском диалекте финского языка: к вопросу о естественных классах предикатов.

В настоящей статье рассматриваются неканонические двухместные предикаты ингерманландского диалекта финского языка. Основная цель исследования — выделение естественных классов предикатов, аргументы которых получают одинаковое оформление, и поиск общих семантических свойств членов этих классов. В ходе работы было обнаружено 12 способов нестандартного кодирования актантов двухместных предикатов. Кодирование ядерных актантов многих двухместных предикатов совпадает с кодированием сирконстантов и неядерных актантов других лексем языка. Иногда управление предиката зависит от его акциональных свойств. Кроме того, были выявлены многочисленные случаи влияния русского языка.

Ключевые слова: ингерманландский диалект финского языка, базовая переходная конструкция, двухместные предикаты, неканоническое маркирование актантов

Н. А. Муравьев. Семантика отрицательной формы косвенного наклонения в тегинском говоре хантыйского языка

Исследование посвящено глагольной категории наклонения в тегинском говоре хантыйского языка. Согласно имеющимся грамм-

матическим описаниям, в языке есть специальная отрицательная частица, употребляемая только с императивом и в особых контекстах с индикативом. Однако в ходе исследования выяснилось, что эта частица может употребляться и с некоторыми другими наклонениями. Автор пытается обосновать точку зрения, согласно которой форму с данной частицей можно называть отрицательной формой косвенного наклонения.

Ключевые слова: хантыйский язык, семантика, морфология, наклонение, отрицание, частицы

Д. К. Привознов. Посессивные именные группы в тегинском говоре хантыйского языка

Исследование посвящено факторам, влияющим на появление притяжательного суффикса на обладаемом в посессивных именных группах в тегинском говоре хантыйского языка. Наибольшее влияние на выбор между двумя стратегиями оформления оказывает тип семантического отношения между обладателем и обладаемым; также имеют значение синтаксическая роль, число, референциальный статус.

Ключевые слова: хантыйский язык, морфология, именная группа, посессивность, референциальный статус

К. Н. Прохоров. Грамматические отношения и информационная структура в языках догон

Языки догон представляют большой интерес для типологии грамматических отношений как языки, в которых морфосинтаксическое устройство предложения тесно связано с информационной структурой. В работе описывается ряд конструкций языков момбо и томмо со, в которых средства кодирования грамматических отношений демонстрируют зависимость от свойств топикальности и фокализованности элементов, вокруг которых они группируются: фокализация субъекта, дефектные подлежащие в метеорологических высказываниях, дифференцированное маркирование объекта, дитранзитивные конструкции.

Ключевые слова: языки догон, информационная структура, грамматические отношения, языковые интерфейсы, фокус, топик

Е. С. Сергеева. Типа как эвиденциальный маркер в русской разговорной речи

В работе исследуется употребление типа в разговорной русской речи. Предполагается, что данная словоформа является маркером комментативной эвиденциальности (по своим характеристикам ближе всего к *мол*). Предложена схема развития значений *типа*.

Ключевые слова: эвиденциальность, русская разговорная речь, квотативы, *типа*

Н. В. Сердобольская. Типа как эвиденциальный маркер в русской разговорной речи

В работе рассматриваются конструкции с прозрачным согласованием в двух даргинских языках, кункинском и хуццком (нахско-дагестанские языки). Анализ ряда синтаксических текстов показывает биклаузальность данных конструкций. Однако некоторые тесты дают обратный результат — конструкции с прозрачным согласованием возникают при инфинитиве и конвербе, которые в меньшей степени демонстрируют свойства биклаузальности, чем другие стратегии оформления сентенциальных актантов. С другой стороны, абсолютивная именная группа демонстрирует некоторые свойства актанта главной предикации, что приводит к предположению о том, что рассматриваемые конструкции являются результатом подъема. Мы предлагаем анализ, согласно которому описываемые конструкции представляют собой биклаузальную конструкцию с ослабленной границей клаузы, что делает возможным подъем абсолютивной именной группы.

Ключевые слова: синтаксис, нахско-дагестанские языки, даргинские языки, согласование, сентенциальные актанты, подъем, прозрачное согласование, фазовые глаголы, модальные глаголы

И. А. Стенин. Простое деепричастие в тундровом диалекте ненецкого языка

В данной работе рассматриваются синтаксические и семантические свойства простого деепричастия в тундровом диалекте ненецкого языка. Согласно различным классификациям, ненецкое деепричастие должно быть охарактеризовано как неканоническое вариативно-субъектное контекстное деепричастие. Оно сохраняет большинство глагольных свойств и регулярно обра-

зуются от всех глагольных основ. Деепричастие может занимать позиции сентенциального сирконстанта, сентенциального актанта и именного определения. Таксисная интерпретация деепричастия зависит от аспектуального типа глагольной основы. Исследование основано на анализе примеров из опубликованных источников и материалах полевой работы автора с носителями ямальского говора тундрового диалекта ненецкого языка.

Ключевые слова: синтаксис, морфология, тундровый диалект ненецкого языка, деепричастие, квазидеепричастие, таксис

М. Г. Тагабилева, Л. С. Холкина. Качественные признаки 'пустой' и 'полный' в типологическом освещении

Данная работа посвящена типологическому исследованию признаковой лексики. В ней рассматриваются признаки «пустой» и «полный» в русском, сербском, китайском и корейском языках. В работе выделены основные параметры для описания семантических полей «пустого» и «полного» и составления соответствующих семантических карт.

Ключевые слова: лексическая типология, семантическое поле, семантические карты, признаковая лексика, пустой, полный

Н. Е. Шанявская. Синкретизм как черта отадъективных абстрактных существительных (на материале поэтических текстов)

В статье на материале поэтических текстов рассматривается функционирование отадъективных абстрактных существительных. Являясь синкретичным классом слов, они выполняют функции разных членов предложения и несут дополнительную семантическую нагрузку. Поэтому отадъективные абстрактные существительные способны образовывать метонимию, перифразу, эпитет (в широком смысле). Отадъективные абстрактные существительные также выражают авторскую оценку.

Ключевые слова: синкретизм, отадъективное существительное, синтаксис, функция.

М. М. Шапиро. Семантика глаголов колебательного движения в тегинском говоре хантыйского языка

В настоящей работе исследуется семантическое поле глаголов колебательного движения в тегинском говоре хантыйского языка. Для сбора материала была составлена типологическая анкета,

направленная на выявление различительных семантических параметров. В результате работы установлено, что такими параметрами в тегинском говоре являются амплитуда колебания и топологический тип объекта. Еще один параметр – причины возникновения колебания – требует дальнейшего исследования.

Ключевые слова: лексическая типология, семантическое поле, глаголы движения, глаголы колебания, хантыйский язык.

М. С. Шматова. Конструкции «числительное + существительное» в хантыйском языке: случаи маркирования существительного показателем числа (на материале тегинского говора хантыйского языка)

Настоящий доклад посвящен рассмотрению структуры конструкций «числительное+существительное» в тегинском говоре хантыйского языка. В хантыйском языке (как и во многих других языках мира) в рамках таких конструкций существительное обычно не маркируется числовыми показателями. В ходе исследования было замечено, что в ряде случаев наблюдается нарушение этого ограничения, то есть существительное получает показатель двойственного или множественного (в зависимости от числительного) числа. В докладе будет показано, при каких условиях это происходит.

Ключевые слова: хантыйский язык, число, существительное, числительное, количественная группа

Часть II. Лекции

М. Копчевская-Тамм. Лингвистика температуры и лексическая типология

В работе обсуждаются современное состояние, актуальные проблемы и перспективы типологически-ориентированного изучения температурной лексики. Выделяются три основных круга вопросов, встающих перед исследователями: ономаσιологический, семасиологический и связанный со взаимодействием лексикона и грамматики. Отдельно рассматриваются основные параметры типологического варьирования при концептуализации домена температуры в языках мира, а также связи температурных значений с другими областями семантики.

Ключевые слова: лексическая типология, семантика, температурные прилагательные, температурная лексика

Ф. И. Рожанский. Редупликация как объект типологии

Работа посвящена исследованию редупликации как потенциального объекта типологического исследования. Поскольку традиционные подходы плохо применимы к редупликации, она требует разработки специального теоретического аппарата, позволяющего сопоставлять материал различных языков. В первой части работы предлагается исчисление форм редупликации, во второй исследуется семантика и функции редупликации. В работе используется материал языков различной генетической принадлежности (по большей части, африканских). Проведенный анализ позволяет выявить те параметры, на основе которых можно провести типологическое исследование этого специфического языкового механизма.

Ключевые слова: грамматическая типология, морфология, редупликация, иконичность, африканские языки

Н. Р. Сумбатова. Классное согласование и синтаксические свойства связок в даргинском языке

В статье рассматриваются особенности согласования по классу в даргинском языке, преимущественно в тантинском диалекте. В то время как основа лексического глагола в аналитических формах согласуется с именной группой в абсолютиве, контролером согласования глагола-связки выступает более топикальный участник, которым в норме оказывается эргативный агенс. Предлагается анализировать тантинские предложения со связкой как биклаузальные конструкции с т. н. «обратным контролем». Приводится ряд аргументов в пользу такого решения

Ключевые слова: синтаксис, нахско-дагестанские языки, даргинские языки, согласование, сентенциальные актаны, обратный контроль, связка

Summaries and keywords

Part I. Plenary talks

P. M. Arkadiev. What do some languages need more than one ergative marker for?

Case systems with two or more overt non-(morpho)-phonologically distributed ergative markers is a comparatively rare phenomenon cross-linguistically. Most of such cases have to do with the lexical-semantic opposition of animate vs. inanimate or human vs. non-human nominals. In addition, different ergative markers can be distributed according to NP-related or clause-level grammatical categories, and bear specific discourse-related meanings.

Keywords: typological rarities, case marking, ergative, animacy

O. L. Biryuk, M. N. Usachyova. Competition between prolicative constructions in Besermyan: Morphosyntax and discourse

This paper deals with the synonymy of three means of expressing the basic prolicative meanings (ROUTE, SCENE and PASSAGEWAY) in the Besermyan language. These means are: the prolicative suffix *-ti*, the bare stem of the postposition *pər* and the postposition *pər* in the prolicative form. Some remarks about the language processes resulting in such situation are made. The discourse factors influencing the choice between the three possibilities are taken into account. The co-existence of three parallel forms is explained through their morphosyntactic structure. We put forward a hypothesis concerning the connection between the distributive meaning of prolicative and the meaning POINT OF APPLICATION

Keywords: prolicative, projection, synonymy, spatial and non-spatial meanings

L. M. Boryaeva. Ways of syntactic expansion of simple clause in the history of Russian (on the genesis of argument structure of predicates)

The study is concerned with the correlation between redistribution of syntactic links in clause structure and emergence of the verb-centered model of clause in the history of the Russian language. The article discusses functional characteristics of secondary constituents (com-

plements, adverbials) within non-centered, polyfocal, paratactic structures. The research is based on the data from chronicles and birchbark documents.

Keywords: simple sentence, parataxis, hypotaxis, valency, double syntactic dependencies, split valency, preposition doubling

E. L. Vilibakhova. On the tautological construction *koshachya koshka* ('cattish cat') in the Russian Internet language

The paper deals with tautologies like *koshachja koshka* ('cattish cat') in the Russian Internet language. Despite surface similarity to phraseological constructions like *divo divnoje* ('miraculous miracle'), this tautology has some important differences: 1) open list of words allowed; 2) ability to combine with degree modifiers 'very', 'quite', 'rather', with negation particle, and with intensifiers 'such', 'absolutely'; 3) possible use of adjectives in comparative and superlative forms. Formal and semantic features of the tautological construction are discussed and parallels from English are presented.

Keywords: Russian, Internet language, tautology, standard norm

A. P. Vydrin. Counterfactual in Iranian

Counterfactual meaning can be defined as the meaning which is contrary to the actual state of affairs. According to a widespread assumption, very few languages have a dedicated marker of counterfactuality. In the paper we explore the data of Iranian languages and show that some of them do have a dedicated counterfactual marker. We then focus on the origin of such markers in Iranian and show that in some Iranian languages they appeared as a result of Turkic (Oghuz) influence, while in other, as a result of Indo-Aryan influence. The data of Iranian, Turkic and Indo-Aryan languages presented in the paper may question the assumption about typological rarity of languages with a special counterfactual marker.

Keywords: Iranian languages, counterfactual, modality, irrealis, areal typology

A. R. Gareishina. Square-nesting method in fieldwork on syntax (with special reference to Ossetic)

The paper addresses the problem of syntax research methods concerning languages with "free" word order. The point is that even in such languages constituent orders are not arbitrarily interchangeable:

they differ with respect to semantics, information structure, discourse strategies, etc. Moreover, not all word orders are acknowledged by native speakers as acceptable. This constitutes a challenge to syntactic study of word orders in complex clauses in the languages of this type. A square-nesting method is proposed in the paper; it is argued that it may be essential for formalization and further solution of word order issues, as it reveals correct and incorrect word orders and therefore provides a basis for further generalizations.

Keywords: Ossetic, fieldwork, fieldwork methodology, syntax, complementation

D. V. Gerasimov. The case for universal hierarchy of functional heads: Guaraní vs. Cinque

[Cinque 1999] postulates a fine-grained hierarchy of functional heads at the clausal left periphery, the ordering of these projections being universal and not subject to cross-linguistic variation. This theory imposes, inter alia, heavy restrictions on possible TAM affix orderings in a natural language. We have constructed a morphological template for the Paraguayan Guaraní verb which in certain aspects contradicts Cinque's predictions. Possible modifications of Cinque's theory required to account for the Guaraní data are discussed in the paper.

Keywords: Paraguayan Guaraní, affix ordering, left periphery, Cinque's hierarchy, TAM typology, nanosyntax

M. A. Dodina. The expression of relative tense in Korean adverbial clauses

The structure of adverbial clauses in Korean is of special interest in view of morphosyntactic features of clause-combining in the language. The present work is dedicated to the category of relative tense and the ways of its expression in Korean adverbial clauses. The latter can be divided into two classes: those with fixed temporal relationship between the main and the subordinate clause (precedence, succession, or simultaneity) and those without [Sohn 1995]. Subordinate clauses of the former type normally do not permit tense marking, as they already contain indication of the temporal relation between the two events. Clauses of the latter type require a past tense suffix in the subordinate clause serving to express relative tense.

Keywords: Korean, relative tense, temporal sequence of events, past tense, adverbial clauses

X. A. Ershova. The so-called “conjunctive” verb forms in Adyghe: coordination or subordination?

This work is dedicated to one of the strategies of clause-combining in Adyghe, namely constructions with the so-called “conjunctive” verbal forms. I analyze the syntactic, morphological and semantic characteristics of such constructions with respect to various criteria of coordination and subordination, and arrive at the conclusion that the Adyghe “conjunctive” forms show characteristics of both coordination and subordination.

Keywords: Adyghe, clause combining, coordination, subordination

N. A. Zevakhina. The not-at-issue content of an utterance: exclamatives and evidentials

Reviewing the cross-linguistic data on exclamatives and evidentials, this paper argues for a unified semantic-pragmatic analysis for exclamatives and evidentials as components of not-at-issue content of utterance.

Keywords: exclamative, evidential, not-at-issue content of utterance, presupposition

E. V. Kashkin, E. K. Pavlova. Semantics of verbs of sound in Komi-Zyrjan and Khanty

This paper focuses on the analysis of verbs of sound in Khanty (Tegi dialect) and Komi-Zyrjan (Muzhi dialect) in a typological context. The research was carried out employing a questionnaire that include a list of situations resulting in production of sound. We establish semantic parameters that determine the choice of verb for different groups of situations and compare the systems of sound verbs in the two languages analyzed.

Keywords: Khanty, Komi-Zyrjan, lexical typology, semantics, verbs of sound

P. L. Kebets. Turn-taking markers in Russian Sign Language discourse

This report covers the analysis of conversation in Russian Sign Language. The study provides an initial systematic characterization of regulators which occasionally occur in conversation. The research adopts the method of regulator classification in American Sign

Language (described in [Baker 1977]). The goal of the study was to examine what regulators exist in Russian Sign Language and how they relate to the turn-taking system.

Keywords: Russian Sign Language, turn-taking, regulators, conversation

M. Yu. Knjazev. Null demonstratives in nominalized clauses and the economy principle

The paper aims at accounting for the fact that Russian *that*-clauses can be “doubled” by a demonstrative if it carries oblique case but cannot if it carries accusative case unless it receives focus stress. I assume (following several previous accounts) that clauses are headed by a silent determiner that in certain environments “blocks” the occurrence of the overt determiner and that this is a more economical option in the sense of Minimalist framework. The environments where “blocking” fails to apply are those where the silent determiner is ruled out due to independent principles leaving thus no basis for comparison. Specifically, I assume that the silent determiner is deficient in phi- (and possibly other) features necessary for convergence.

Keywords: nominalized clauses, silent determiners, phi-features, economy, case

O. V. Kouznetsova. Reduction of post-verbal pronoun to a tonal morpheme in Guro

This paper provides a description of tonal morphology of the verb in Guro (Southern Mande) taking into account behaviour of non-subject 3SG pronoun. The latter is special among other personal pronouns of Guro in that it is more prone to contract with other pronouns and grammatical markers, these contractions not being subject to regular phonetic rules of the language. When functioning as indirect object (occupying post-verbal position) the non-subject 3SG pronoun may optionally undergo reduction, at the same time changing the tone of the verb stem (in Guro verbal system, certain grammatical meanings are expressed via tone change). Thus, an overt segmental pronoun turns into a tonal morpheme.

Keywords: Guro, verb morphology, tonal morphology, morphophonology

M. V. Kyuseva, D. A. Ryzhova. Property-denoting lexemes: Adjectives 'sharp' and 'blunt' in typological perspective

The aim of the present work is to analyze adjectives with meanings 'sharp' and 'blunt' from typological point of view as part of a wider idea about similarity and distinction within semantic networks (i.e. sets of meanings with semantic transmissions between them) of adjectives belonging to one functional area and also the idea about preservation of these regularities at the cross-linguistic level. In this work, thorough analysis of the adjectives with corresponding meanings belonging to languages of different genetic and areal affiliation has been performed, using questionnaires, corpora data and explanatory dictionaries. The findings are: (a) identification of typologically relevant parameters that play a role in categorization of the 'sharpness' domain in those languages where concepts 'sharp' and 'blunt' can be expressed by more than one adjective and also influence the formation of figurative meanings; (b) composition of the 'sharpness' domain taking figurative meanings into account.

Keywords: lexical typology, semantics, property-denoting lexemes, semantic maps

A. A. Ladygina. Categorization of temperature in Tegi Khanty

This paper is devoted to Khanty temperature adjectives (Tegi dialect). The material was collected during a linguistic expedition to the Tegi village, in Khanty-Mansi Autonomous Okrug—Yugra. Semantic parameters have been found which influence the choice between various adjectives. First, it is the type of the object the temperature of which is indicated. Second, a specific criterion in Khanty is the ability of the object in question to warm a human being. As a result, typologically oriented description of Khanty temperature adjectives is provided.

Keywords: Khanty, semantics, lexical typology, temperature adjectives

A. B. Letuchiy. Three cases of reduced transitivity of verbs in Russian and the typology of transitivity

In this paper, some cases of reduced syntactic transitivity in Russian are analyzed: namely, 'substitution' of adverbials for direct objects with speech act predicates and verbs like *stoit* 'cost', *vesit* 'weigh'. In all these examples, verbs can be syntactically transitive, but their transitivity is closely related to the morphosyntactic properties of the object. The conclusion is that low semantic transitivity of the given

predicate does not obligatorily makes the verb intransitive—it can also restrict the class of possible direct objects.

Keywords: Russian, semantic transitivity, syntactic transitivity, passivization, adverb, quantifiers

O. A. Litunovskaya. Syntactic restrictions on head ellipsis in Russian and Czech

This paper deals with the problem of detecting and specifying the rules of head ellipsis in coordinative constructions in Russian and Czech. Primarily we consider the syntactic restrictions on ellipsis, i.e. those determined by the structural position of the elements and not allowing explanation in terms of discourse-pragmatic factors. Three grammatical constraints proposed in [Kazenin 2007] are discussed in detail. In particular, empirical inadequacy of one of these constraints is shown. Some substantial distinctions in rules governing ellipsis in the two languages are also identified.

Keywords: Czech, Russian, coordination, ellipsis, syntax.

M. M. Makartsev. Evidentiality in Bulgarian: The Problem of typological classification

The complexity of Bulgarian evidential system and its relationships with other adjacent categories (such as epistemic modality and (ad)mirativity) have been a problem for the Bulgarian linguistics for a long time. Typological studies that rely heavily on universal parameters for comparison may arrive at different results when using data from traditional grammatical descriptions of Bulgarian, as there is a certain degree of conceptual discrepancy in representation of evidentiality. This work provides a description of Bulgarian evidential system, suitable for use in typological classifications.

Keywords: Bulgarian language, evidentiality, epistemic modality, (ad)mirativity, linguistic typology

P. S. Miteva, E. S. Antonov. Event- and participant-oriented adverbials and secondary predicates in Tegi Khanty

The paper deals with the means by which the event- and participant-orientation are expressed in the Tegi dialect of the Khanty language. The most acceptable way is general adjunct construction for event- as well as participant-orientation. The markers for this construction are adverbial and converb suffixes. The syntactic secondary predication is

of secondary importance in the grammar of the Tegi dialect. The markers by which it is expressed include the null marker of participant-oriented adjectives (allowed by the majority of speakers only for a small group of words) and the marker of the Locative case, which most probably is the loan translation of the Russian Instrumental case.

Keywords: secondary predication, adverbial construction, event-orientation, participant-orientation.

D. S. Mischenko. Noncanonical marking of arguments of two-place predicates in Inkeri Finnish: on the issue of natural classes of predicates

The paper provides data on non-canonical argument marking of two-place predicates in the Inkeri dialect of Finnish. The aim of the investigation is to reveal natural classes of predicates which mark their arguments in the same way and to find the common semantic features of the members of these classes. There are 12 schemes of non-canonical argument marking of two-place predicates found in Inkeri. Core argument marking of many predicates coincides with the marking of the peripheral arguments of some other lexemes. In some cases argument marking depends on the actionality of a predicate. Besides, argument marking in Inkeri in many instances is influenced by Russian.

Keywords: Inkeri Finnish, canonical transitive construction, noncanonical argument marking, two-place predicates

N. A. Muravyov. Semantics of negative forms of oblique mood in Tegi Khanty

The study is focused on the verbal category of mood in Tegi dialect of Khanty. According to grammatical descriptions, the language has a special negative particle which is used only with the imperative and in specific contexts of the indicative. However, the findings of our fieldwork show that this particle can be used with several other moods. An attempt is made to justify the view that a form with the particle at issue should be treated as the form of indirect mood negation.

Keywords: Khanty, morphology, semantics, mood, negation, particles

D. K. Privoznov. Possessive Noun Phrases in Tegi Khanty

This paper presents an investigation into factors triggering presence of possession suffix on possessed noun phrases in the Tegi dialect of Khanty. The most significant factor that influences the choice between the two coding strategies is the type of semantic relationship between the possessor and the possessee. Syntactic role, number, and referential status also play a role.

Keywords: Khanty, morphology, noun phrase, possession, referential status

K. N. Prokhorov. Grammatical relations and information structure in Dogon

Dogon languages are of great interest for the typology of grammatical relations as languages where clausal morphosyntax is closely tied to information structure. The paper describes and discusses a number of constructions in Mombo and Tommo So languages in which means of encoding of grammatical relations display dependence on topicality and focality of their host elements: subject focalization, defective subjects in meteorological sentences, differential object marking, ditransitive constructions.

Keywords: Dogon, information structure, grammatical relations, linguistic interfaces, focus, topic

E. S. Sergeeva. *Tipa* as evidentiality marker in modern colloquial Russian

The article is concerned with the use of Russian word *tipa* in colloquial speech. There is a new function suggested here – a quotative marker (in many aspects very close to the Russian word *mol*). Some ideas are also presented concerning the diachronic development of the quotative meaning.

Keywords: evidentiality, quotative markers, Russian colloquial speech, *tipa*.

N. V. Serdobolskaya. Long-distance agreement in Qunqi and Xuduc

The work is focused on the constructions with long-distance agreement in two Dargwa languages, Qunqi and Xuduc (Nakh-Daghestanian). Considering a number of syntactic tests, they are clearly biclausal. However, some tests contradict this analysis—the long-distance agreement structures occur with the infinitive and the con-

verb, i.e., the forms that head clauses with 'reduced' biclausal properties (as compared to other complementation strategies, e.g. masdar and complementizer clauses). On the other hand, the absolutive NP demonstrates properties of an element of the matrix clause, which leads to the suggestion that the constructions in question are a result of Raising. We suggest that they should be treated as biclausal structures with weakened clause boundary, which results in Raising of the absolutive NP.

Keywords: Daghestanian languages, Dargwa, agreement, long-distance agreement, complementation, phasal verbs, modal verbs

I. A. Stenin. Simple converb in Tundra Nenets

The paper concerns the main syntactic and semantic features of a basic converb in the Tundra Nenets language. According to certain classifications, the converb in Tundra Nenets should be regarded as a non-canonical, varying-subject, and contextual converb. It retains most verbal properties, and could be regularly built on the basis of any verbal stem. The converb can occupy the positions of adjunct, complement, and nominal attribute. The temporal (taxis) interpretation of the converb depends on the aspectual characteristics of the verbal stem from which it is derived. The research is based on the analysis of the examples from the published sources and on the author's own fieldwork on the Yamal Peninsula.

Keywords: Tundra Nenets, converb, quasi-converb, syntax, morphology, relative tense

M. G. Tagabileva, L. S. Kholkina. The concepts 'full' and 'empty' in typological perspective

This research is devoted to typological study of the concepts 'full' and 'empty' on the material of Russian, Polish, Chinese and Korean languages. The work describes the main semantic parameters that are relevant for semantic map building.

Keywords: lexical typology, semantic field, semantic maps, empty, full

M. M. Shanyavskaya. Syncretism as a property of deadjectival abstract nouns (on the data of poetic texts)

In the paper, the functioning of deadjectival abstract nouns in poetic texts is analysed. Being a syncretic class of words, deadjectival abstract nouns implement functions of different sentence parts and

have an extra semantic meaning. Thanks to this, deadjectival abstract nouns are able to form metonymy, periphrasis and epithet (*sensu lato*). Additionally, deadjectival abstract nouns express author's evaluation.

Keywords: syntax, poetic speech, deadjectival nouns, syncretism, function

M. M. Shapiro. Semantics of oscillation verbs in Tegi Khanty

This paper focuses on the semantics of oscillation verbs in Khanty (Tegi dialect). The data have been collected using a typological questionnaire aimed at discovering the distinguishing semantic parameters. The research into Tegi dialect has shown that those are oscillation amplitude and topological type of oscillating object. One more parameter—cause of oscillation—requires further investigation.

Key words: Khanty, lexical typology, semantic field, motion verbs, oscillation verbs

M. S. Shmatova. Numeral-noun constructions in Khanty: Instances of number marking on noun (on the data of Tegi dialect)

This study is dedicated to grammatical structure of numeral-noun constructions in Khanty (dialect of the village Tegi). Usually the noun in such constructions in Khanty (as in many other languages of the world) is not marked for number. Our fieldwork findings show that in some cases a noun in such construction can take plural (or dual, depending on the numeral) marking. In this paper we investigate those conditions under which this tends to happen.

Keywords: Khanty, number, noun, numeral, numeral-noun constructions

Part II. Lectures

M. Koptjevskaja-Tamm. Linguistics of temperature and lexical typology

The lecture is concerned with current problems and perspectives of the linguistics of temperature as a division of semantically oriented lexical typology. Three main groups of questions (foci, perspectives) are identified: onomasiological, semasiological, and lexicon/grammar interaction. Parameters of cross-linguistic variation in categorization of the temperature domain as well as relations between temperature meanings and meanings from other semantic domains (polysemy, metaphors, semantic shifts, etc.) are discussed in detail.

Keywords: lexical typology, semantics, temperature adjectives, temperature terms

F. I. Rozhansky. Reduplication sub specie linguistic typology

This paper considers reduplication as a potential object of typological research. Since traditional approaches are poorly applicable to reduplication, there is a need to develop a special theoretical apparatus that would allow comparison to be made between data from different languages. The first part of the paper describes and systematizes forms of reduplication; the second part is devoted to the meaning and functions of reduplication. The analysis is based on the material of a number of languages of different genetic affiliation (mostly African). The research reveals a number of parameters that can be used as a basis for a typological study of reduplication.

Keywords: grammatical typology, morphology, reduplication, iconicity, African languages

N. R. Sumbatova. Gender agreement and syntactic behaviour of copula verbs in Darga

The paper discusses peculiarities of class agreement in Dargwa, mostly in Tanty dialect. While in periphrastic verb forms the verbal stem/derivative manifests class agreement with the absolutive argument, class agreement of the copula is controlled by the most topical argument, normally the ergative-marked Agent. Several alternative accounts for this pattern are discussed and evidence is presented in favour of analyzing the Tanty periphrastic verb forms as biclausal constructions involving instances of the so-called "Backward Control".

Keywords: Daghestanian languages, Dargwa, agreement, complementation, copula, Backward Control

СОДЕРЖАНИЕ

І. Доклады

<i>П. М. Аркадьев (Москва)</i> Зачем языку больше одного эргативного показателя?	9
<i>О. Л. Бирюк, М. Н. Усачева(Москва)</i> Конкуренция в зоне пролатива в языке бесермян: морфосинтаксические и дискурсивные аспекты	15
<i>Л. М. Боряева (Санкт-Петербург)</i> Способы распространения простого предложения в истории русского языка (к вопросу о формировании валентной структуры глагольных предикатов).....	20
<i>Е. Л. Вилинбахова (Санкт-Петербург)</i> К вопросу о тавтологической конструкции вида <i>кошачья кошка</i> в интернет-источниках (на материале русского языка)	26
<i>А. П. Выдрин (Санкт-Петербург)</i> Контрафактив в иранских языках.....	31
<i>А. Р. Гарейшина (Москва)</i> Комбинаторно-гнездовой метод в полевых синтаксических исследованиях (на материале осетинского языка).....	39
<i>Д. В. Герасимов (Санкт-Петербург)</i> Дело об универсальной иерархии функциональных вершин: гуарани против Чинкве.....	46
<i>М. А. Додина (Москва)</i> Выражение таксиса в обстоятельственных придаточных корейского языка.....	52
<i>К. А. Ершова (Москва)</i> Союзные формы глагола в адыгейском языке: сочинение или подчинение?	58
<i>Н. А. Зевахина (Москва)</i> Непропозициональное содержание высказывания: экскламативы, эвиденциалы	64

<i>Е. В. Кашкин, Е. К. Павлова (Москва)</i> Семантика глаголов звука в коми-зырянском и хантыйском языках.....	70
<i>П. Л. Кебец (Москва)</i> Маркеры перехода хода в дискурсе русского жестового языка.....	75
<i>М. Ю. Knjazev (Utrecht)</i> Null demonstratives in nominalized clauses and the economy principle.....	81
<i>О. В. Кузнецова (Санкт-Петербург)</i> Переход постглагольного местоимения в языке гуро в тональную морфему	85
<i>М. В. Кюсева, Д. А. Рыжова (Москва)</i> Признаковая лексика: прилагательные ‘острый’ и ‘тупой’ в типологической перспективе	90
<i>А. А. Ладыгина (Москва)</i> Категоризация температуры в тегинском говоре хантыйского языка	94
<i>А. Б. Летучий (Москва)</i> Три случая промежуточной переходности глаголов в русском языке и типология переходности.....	101
<i>О. А. Литуновская (Москва)</i> Структурные ограничения на эллипсис вершины в русском и чешском языках.....	109
<i>М. М. Макарецев (Москва)</i> Эвиденциальность в болгарском языке: проблемы типологической классификации.....	112
<i>П. С. Митева, Е. С. Антонов (Москва)</i> Характеристика события и участников события в тегинском говоре хантыйского языка	120
<i>Д. С. Мищенко (Санкт-Петербург)</i> Неканоническое маркирование актантов двухместных предикатов в ингерманландском диалекте финского языка: к вопросу о естественных классах предикатов	127

<i>Н. А. Муравьев (Москва)</i> Семантика отрицательной формы косвенного склонения в тегинском говоре хантыйского языка	133
<i>Д. К. Привознов (Москва)</i> Посессивные именные группы в тегинском говоре хантыйского языка	137
<i>К. Н. Прохоров (Санкт-Петербург)</i> Грамматические отношения и информационная структура в языках догон.....	142
<i>Е. С. Сергеева (Пермь)</i> <i>Типа</i> как эвиденциальный маркер в русской разговорной речи.....	149
<i>Н. В. Сердобольская (Москва)</i> Прозрачное согласование в кункинском и хуцуцком языках	154
<i>И. А. Стенин (Москва)</i> Простое деепричастие в тундровом диалекте ненецкого языка.....	161
<i>М. Г. Тагабилева, Л. С. Холкина (Москва)</i> Качественные признаки 'пустой' и 'полный' в типологическом освещении	167
<i>Н. Е. Шанявская (Санкт-Петербург)</i> Синкретизм как черта отадъективных абстрактных существительных (на материале поэтических текстов)	170
<i>М. М. Шапиро (Москва)</i> Семантика глаголов колебательного движения в тегинском говоре хантыйского языка	176
<i>М. С. Шматова (Москва)</i> Конструкции «числительное + существительное» в хантыйском языке: случаи маркирования существительного показателем числа (на материале тегинского говора хантыйского языка).....	181

II. Лекции

<i>М. Коптјевскаја-Тамм (Stockholm)</i> Linguistics of temperature and lexical typology	189
<i>Ф. И. Рожанский (Москва)</i> Редупликация как объект типологии.....	192
<i>Н. Р. Сумбатова (Москва)</i> Классное согласование и синтаксические свойства связок в даргинском языке	212
Сведения об авторах	237
Аннотации и ключевые слова.....	242
Summaries and keywords.....	256
Содержание	268

TABLE OF CONTENTS

I. Plenary talks

<i>P. M. Arkadiev (Moscow)</i> What do some languages need more than one ergative marker for?.....	9
<i>O. L. Biryuk, M. N. Usachyova (Moskva)</i> Competition between prolativ markers in Besermyan: Morphosyntax and discourse	15
<i>L. M. Boryaeva (St. Petersburg)</i> Ways of syntactic expansion of simple clause in the history of Russian (on the genesis of argument structure of predicates)	20
<i>E. L. Vilibakhova (St. Petersburg)</i> On the tautological construction <i>koshachya koshka</i> ('cattish cat') in the Russian Internet language.....	26
<i>A. P. Vydrin (St. Petersburg)</i> Counterfactual in Iranian	31
<i>A. R. Gareishina (Moscow)</i> Square-nesting method in fieldwork on syntax (with special reference to Ossetic).....	39
<i>D. V. Gerasimov (St. Petersburg)</i> The case for universal hierarchy of functional heads: Guaraní vs. Cinque	46
<i>M. A. Dodina (Moscow)</i> Relative tense marking in Korean adverbial clauses.....	52
<i>K. A. Ershova (Moscow)</i> The so-called "conjunctive" verb forms in Adyghe: Coordination or subordination?	58
<i>N. A. Zevakhina (Moscow)</i> Not-at-issue content of an utterance: exclamatives and evidentials.....	64

<i>E. V. Kashkin, E. K. Pavlova (Moscow)</i> Semantics of verbs of sound in Komi-Zyrjan and Khanty.....	70
<i>P. L. Kebets (Moscow)</i> Turn-taking markers in Russian Sign Language discourse.....	75
<i>M. Yu. Knjazev (Utrecht)</i> Null demonstratives in nominalized clauses and the economy principle.....	81
<i>O. V. Kouznetsova (St. Petersburg)</i> Reduction of post-verbal pronoun to a tonal morpheme in Guro	85
<i>M. V. Kyuseva, D. A. Ryzhova (Moscow)</i> Property-denoting lexemes: Adjectives 'sharp' and 'blunt' in typological perspective	90
<i>A. A. Ladygina (Moscow)</i> Categorization of temperature in Tegi Khanty.....	94
<i>A. B. Letuchiy (Moscow)</i> Three cases of reduced transitivity of verbs in Russian and the typology of transitivity	101
<i>O. A. Litunovskaya (Moscow)</i> Syntactic restrictions on head ellipsis in Russian and Czech.....	109
<i>M. M. Makartsev (Moscow)</i> Evidentiality in Bulgarian: Problems of typological classification.....	112
<i>P. S. Miteva, E. S. Antonov (Moscow)</i> Event- and participant-oriented adverbials and secondary predicates in Tegi Khanty	120
<i>D. S. Mischenko (St. Petersburg)</i> Noncanonical marking of arguments of two-place predicates in Inkeri Finnish: on the issue of natural classes of predicates	127
<i>N. A. Muravyov (Moscow)</i> Semantics of negative forms of oblique mood in Tegi Khanty.....	133
<i>D. K. Privoznov (Moscow)</i> Possessive Noun Phrases in Tegi Khanty	137

<i>K. N. Prokhorov (St. Petersburg)</i> Grammatical relations and information structure in Dogon.....	142
<i>E. S. Sergeeva (Perm)</i> <i>Tipa</i> as evidentiality marker in modern colloquial Russian.....	149
<i>N. V. Serdobolskaya (Moscow)</i> Long-distance agreement in Qunqi and Xuduc.....	154
<i>I. A. Stenin (Moscow)</i> Simple converb in Tundra Nenets.....	161
<i>M. G. Tagabileva, L. S. Kholkina (Moscow)</i> The concepts 'full' and 'empty' in typological perspective.....	167
<i>N. E. Shanyavskaya (St. Petersburg)</i> Syncretism as a feature of deadjectival abstract nouns (on the data of poetic texts).....	170
<i>M. M. Shapiro (Moscow)</i> Semantics of oscillation verbs in Tegi Khanty.....	176
<i>M. S. Shmatova (Moscow)</i> Numeral-noun constructions in Khanty: Instances of number marking on noun (on the data of Tegi dialect)	181

II. Lectures

<i>M. Koptjevskaja-Tamm (Stockholm)</i> Linguistics of temperature and lexical typology.....	189
<i>F. I. Rozhansky (Moscow)</i> Reduplication sub specie linguistic typology	192
<i>N. R. Sumbatova (Moscow)</i> Class agreement and syntactic behaviour of copula verbs in Dargwa.....	212
Contributors.....	237
Summaries and keywords.....	256
Table of contents.....	272

Научное издание

Материалы Седьмой Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей. СПб.: Изд-во «Наука», 2010. — 276 с. (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. редактор Н. Н. Казанский. Т. VI. Ч. 3).

*Утверждено к печати
Институтом лингвистических исследований РАН*

Подписано к печати _____

Формат 60x90 1/16

Тираж 300 экз.

Санкт-Петербургская издательская фирма РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1.
main@nauka.nw.ru

Печатается с оригинал-макета, изготовленного в ИЛИ РАН

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
Санкт-Петербург, ул. Розенштейна, д. 21.
тел./факс: (812)6220123
menager_nestor@list.ru

Подписка осуществляется по интернет-каталогу «Книга-сервис»
<http://www.akc.ru/goods/1558086950>

Штрих-код